

Степан Борисович Веселовский

*Рисунок сына Евгения.
1923 год. Татаринówka*

С. Б. Веселовский

ПОДМОСКОВЬЕ В ДРЕВНОСТИ

Три очерка

Москва

2002

СОДЕРЖАНИЕ

В 38 С.Б.Веселовский. Подмосковье в древности. Три очерка.
М.: «АИРО–XX», 2002. — 128 с.

Академик С. Б. Веселовский — один из лучших знатоков Московского периода русской истории. Первые две статьи книги (опубликованные в 1950-е годы и с тех пор не переиздававшиеся) составляют замечательный по точности, живости и лаконичности очерк русской жизни раннего периода существования Московского государства. Заключительный очерк (глава книги о боярских родах, увидевшей свет в 1969 г.) представляет сжатый и яркий рассказ о формировании и эволюции правящего класса Московского государства в XIV–XV вв.

ISBN 5-88735-091-1

ISBN 5-88735-091-1

© А.Г.Макаров
составление. 2002.
© «АИРО–XX», 2002.

От составителей	6
I. Подмосковье в древности	
1. Заселение Подмосковья в XIV–XVI веках	7
2. Древний ландшафт	13
3. Древнейшие пути сообщений	20
4. Городки, погосты, села и деревни	27
II. О происхождении названий некоторых древнейших селений Подмосковья	
1. Следы и отзвуки крупных событий в названиях селений <i>Акатово, Мешково, Валуево-Покровское, Марфино, Вельяминово, Воронцово, Протасьево, Ивановское, Драчево, Федоскино, Аксаково, Микульское, Ивановское</i>	35
2. Селения предков А. С. Пушкина <i>Бужарово, Синее, Виноградово</i>	41
3. Следы новгородского происхождения некоторых названий <i>Жироикино, Печатниково, Шукино, Мисино</i>	46
4. Названия, связанные с выходцами из Южной Руси <i>Бяконтово, Плещеево, Ростokino, Нахабино, Юрлово, Вольинское, Давыдково, Очаково, Вороново, Полуектово</i>	48
5. Названия, связанные с выходцами из южных стран <i>Солослово, Саларево, Трепарево, Софрино, Ховрино, Головино, Фрязино, Фрязиново, Ларево, Фомино, Ангелово, Траханеево, Подушкино, Чашиково, Черкизово, Мячково, Старков погост</i> ...	55
III. Очерки по истории московского боярства	
Формирование правящего класса Московского государства в XIV–XV вв.	
1. Очерк образования Московского боярства	67
2. Главные этапы образования класса служилых землевладельцев ..	84
3. Московское боярство в XIV в.	90
4. Личный состав бояр Великого князя Дмитрия	98
5. Московское боярство в конце XIV–XV вв.	111

Исполнилось пятьдесят лет, как от нас ушел академик Степан Борисович Веселовский (1876–1952), русский историк, в XX веке сделавший столь многое для понимания нашего далекого прошлого, для воссоздания истинной картины первых веков Московского государства. Огромная трудоспособность, дотошность и тщательность в работе с источниками, обширные знания из самых разных областей науки счастливым образом соединились в нем со способностью к глубокому и системному проникновению в изучаемый предмет.

Наверное, далеко не последнюю роль в этом сыграли многочисленные нити, прочно связывавшие на протяжении нескольких веков его предков с Россией. Они принадлежали к старинному роду смоленского дворянства. О военной и государственной службе Веселовских России достоверно известно, начиная со второй половины XVII века, их военная служба, из поколения в поколение, тянется через весь XVIII век и получает достойное завершение в военной биографии деда, Степана Семеновича, Георгиевского кавалера и участника Отечественной войны 1812 года. Следующие поколения Веселовских переключаются на более мирные, прежде всего научные, занятия и добиваются на этом поприще заметных успехов. Таким образом, жизненный путь Степана Борисовича Веселовского, подвижника науки, талантливого исследователя родного прошлого, был подготовлен верной службой многих предшествовавших поколений его предков на благо России, был определен глубоко укоренившимся сознанием неразрывной общности личной судьбы и судьбы своей родины.

В Москве в глухом углу Немецкого кладбища под сенью старых лип и кленов покоится прах историка. Три полосы, две светлых и между ними — темную, можно увидеть на большом гранитном камне на могиле. Они как бы символизируют его жизненный путь. Научный взлет, признание историков, семья и рождение детей — в начале века. Революционная катастрофа, гибель родных и близких, крушение родины, борьба за физическое выживание в условиях общего одичания и деморализации — во время и сразу после гражданской войны. И, наконец, возрождение каких-то основ жизни в советское время, возвращение к научным занятиям, избрание в Академию.

И на камне, как итог прожитой жизни — слова Пушкинского Нестора:

Исполнен долг, завещанный от Бога мне грешному

В настоящей книге мы собрали три отдельных очерка С. Б. Веселовского, объединенных одной темой — отображение условий жизни и становление Московского государства на ранней стадии. В них проявился весь талант Веселовского-историка: его обширная эрудиция, глубокое знание древних источников, умение обобщить полученные сведения, создать цельную историческую картину прошлого — и все это в совокупности с блестящим и доступным рядовому читателю стилем изложения. Переиздание работ С. Б. Веселовского, давно ставших библиографической редкостью, поможет современному читателю заглянуть вглубь веков и лучше познать свое далекое прошлое.

Первые два очерка опубликованы в книге «Подмосковье» (М: «Московский рабочий», 1955), третий — представляет собой заключительную главу из монографии «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» (М: «Наука», 1969)

ПОДМОСКОВЬЕ В ДРЕВНОСТИ

ЗАСЕЛЕНИЕ ПОДМОСКОВЬЯ В XIV — XVI ВЕКАХ

Поселения человека, согласно археологическим данным, известны в Подмосковье с незапамятных времен. Возвышение Москвы, явившейся основой объединения русских земель в единое государство, способствовало приливу населения в Подмосковье. Но заселение первоначальной территории Московского княжества (границы которого примерно совпадали с границами дореволюционной Московской губернии) и, в частности, непосредственно Подмосковья происходило весьма неравномерно. Раньше были заселены местности на север от Москвы, находившиеся за рекой *Москвой*. Это — бассейны верхнего течения *Клязьмы* и левых *притоков Москвы* — *Истры*, *Всходни* и *Лузы*. Здесь количество болот и неудобных для земледельческой культуры низменностей было невелико. Менее благоприятными для земледелия были местности, лежавшие на восток и юго-восток от нынешнего города. В этом районе левые притоки Москвы почти не имеют водораздела от правых притоков *Клязьмы*, и огромные массивы лесов перемежались сырыми низинами, озерами, мелкими речками и торфяными болотами.

Природные условия на юг от Москвы были не хуже, чем в бассейнах *Истры* и *Клязьмы*, но обстоятельства политического свойства замедлили здесь процесс заселения. В начальном периоде роста Московского княжества бассейн *Пахры* был его южной окраиной. Нижнее течение реки *Москвы*, *Хотунь* и *Лопасня* принадлежали рязанским князьям. *Таруса* и *Оболенск* на *Протве* были владениями тарусских князей, а на западе *Можайск* принадлежал смоленским князьям. С этой стороны Московское княжество в XIV в. не раз подвергалось нападениям Литвы.

Территория Подмосковья была освоена трудом русских крестьян. Однако плодами этого труда воспользовались феодалы и прежде всего князья, их бояре и ратные слуги, захватившие в XIV в. огромные земель-

ные владения. Монастыри как крупные землевладельцы выступают много позже. Князья, чтобы привлечь к себе соратников и слуг, щедро раздавали земли старым и пришлым слугам и давали им различные льготы. В результате такой политики князей, тесно связанной с процессом образования централизованного государства и укреплением великокняжеской власти, окрестности Москвы в XV–XVI вв. оказались окруженными множеством боярских владений, иногда весьма крупных. Больше всего частных владений находилось в это время к северу и западу от Москвы. Здесь же были княжеские села. На юг и юго-запад от Москвы картина сложилась иная. Здесь боярские вотчины теряются в массе слобод и числяцких земель. Слободы сыграли большую роль в заселении не только Подмосковья, но и всей Руси.

Слобода есть искаженное слово: свобода. Князь «освобождал», т. е. разрешал охочим вольным людям «сесть на землю», отводил им участок земли и брал слобожан под свое покровительство. Устроителями слобод были или слуги князя, пользовавшиеся его доверием, или коллективы вольных людей, которым князь поручал призывать к себе в слободу людей «из иных княжений» и «копить» на него слободу. Слобожанам князь давал различные привилегии и льготу в податях на более или менее продолжительный срок. Главными привилегиями были некоторые права самоуправления и исключительная подсудность и подведомственность слобожан самому князю — свобода от власти и суда княжеских наместников.

После истечения срока льготы слобожане лишались своих привилегий, и слободские поселки входили в состав княжеских владений, дворцовых или черных волостей. С течением времени следы слободского происхождения селения стирались, и этим объясняется то, что в источниках мы находим сравнительно мало указаний на слободы и не можем в полной мере оценить значение слобод в истории заселения Подмосковья.

Окраинное, боевое положение южных и западных частей будущего Русского централизованного государства препятствовало нормальному заселению их и заставляло московских князей прибегать к основанию слобод, т. е. льготной форме заселения пустых земель. И не случайно то, что по позднейшим актам мы находим большое количество слобод именно в этих районах.

Можно указать для примера ряд существующих ныне селений, которые некогда были слободами: Мокрая — в 10 км от Серпухова, Ростуново — на реке Северке, Кишкино-Челяднино — в бывшем Коломенском уезде, Мошонки (Мошнева слобода) — в 22 км от Серпухова, Бадеево — на Лопасне и другие.

Насаждая слободы по окраинам своего княжества, князья одновременно и сами устраивали села при помощи своих слуг и заводили в них хозяйство для своего обихода. Естественно, что такие села находились поблизости от Москвы. К древнейшим подмосковным селам, принадлежавшим князьям еще в первой четверти XIV в., относятся Коломенское, Нагатино, Битягово, Ясенево, Остров, Константиновское, Орининское, Новое на Хупавне, Копоня, Напрудское «у города», Дегунинское, Семчинское на Жабне, Красное «у города у Москвы над Великим прудом» и другие.

Было еще одно обстоятельство, которое оказало влияние если не на успешность заселения, то на состав поселенцев. Когда московские князья получили великокняжескую власть (20-е годы XIV в.), на них легла всей тяжестью ответственность за уплату ханам Золотой Орды дани с всего великого княжества и обязанность поддерживать постоянные сношения с Ордой.

Для приема и проводов ордынских «послов», т. е. различных агентов ханской власти, московские князья должны были содержать большое количество ямщиков и так называемых ордынцев (обслуживавших ордынских послов), числяков и делюев. Это были тяглые люди* специальное назначение которых заключалось в обслуживании татарских послов. Числом (счислением) татары называли перепись своих данников. Отсюда название *числяки*. Для обслуживания татарских послов были необходимы тележники, колесники, седельники и другие ремесленные деловые люди. Их называли *делюями*. Естественно, что, наибольшее количество поселков *ордынцев* и *числяков* находилось вдоль дорог, шедших из Москвы на юг, — *Боровской, Серпуховской* и *Каширской*. В северной части бывшего Верейского уезда был целый стан числяков, который так и назывался *Числякуим*. Много веков прошло с тех пор, как по этим дорогам в Москву приезжали татарские баскаки. Но до наших дней в названиях селений, вроде *Ордынки, Зименки, Численное, Теплый стан* и т. п., остались следы тяжелых для Руси времен татарского ига.

В XIV в. происходил интенсивный рост народонаселения Подмосковья. Чумные эпидемии середины века, — как тогда говорили, «моровые поветрия», — поражали главным образом Москву и другие крупные центры и меньше затрагивали сельское население, жившее рассеянно в мелких деревнях, в лесах, «за мхами и болотами». Период больших бедствий, опустошивших Подмосковье, начался с зимнего набега ханского военачальника Едигея в 1408 г. Едигей внезапно напал на Московское

*Тяглыелюдия-якрстьянея, япосадск, е,яс, девш, еянаяземле,ябложеннойяразл, чным, яборам, я(тяглом):явяпользуютосударства.я

княжество, расположился лагерем в селе Коломенском, осадил Москву и далеко распустил свои загоны. Дело было зимой, так что реки и болота не препятствовали татарским загонам «обшарпать» (пограбить) все села и деревни.

Крестьяне в итоге этого и подобных набегов теряли скот и имущество и погибали. О набеге летописцы рассказывают, что много народа было уведено татарами в плен, «а иное многое множество христиан от зимы изомроша, быша бо тогда зима тяжка и студена зело, и вялицы (метели) и ветры великие». Целый месяц татары творили свое злое дело, пока Едигей стоял под Москвой. Наконец Едигей, получив 3.000 рублей «окупа», стянул свои загоны и «отыде восвояси с бесчисленным полоном и богатством».

Не успело население Подмосковья оправиться от татарского погрома, как в 1418 г. разразилась сильнейшая чума. «Мор бысть силен зело по всей земле Русской». В следующие два года зима была необычайно ранняя: в сентябре выпадал глубокий снег, а затем наступала оттепель, «и мало кто жита пожал до схождения снега, и бысть глад по великом том мору», т. е. по вторичной вспышке эпидемии по всей Русской земле, и «умираху паки человецы от глаза». Наконец, в 1421 г. была третья вспышка эпидемии, а затем два года «великой меженины», неурожаев, голода и сильной дороговизны хлеба.

Эти бедствия остались надолго в памяти населения, и лет 40 – 50 спустя старожилы вели счет годам «от великого мора» или «от великой меженины». Все это не могло не отразиться на количестве населения Подмосковья. Запустение было так велико, что во многих местах не осталось никого, кто мог дать показания о бывших владельцах селений. Уцелевшие землевладельцы за отсутствием рабочих рук бросали свои земли, продавали их за бесценок или отдавали даром монастырям, и с этого именно времени, т. е. со второй четверти XV в., начался быстрый рост монастырского землевладения. Монастыри выступили в роли устроителей селений и эксплуататоров крестьянского труда и скоро заняли в этом отношении первое место.

В связи с развитием производительных сил, ростом товарного производства в период образования Русского централизованного государства Подмосковье быстро заселялось. Оно, став ядром государства, привлекало к себе население. Вторая половина XV и первая половина XVI в. были временем экономического расцвета и интенсивного заселения Подмосковья. Старые селения восстанавливались, возникло множество новых; леса расчищались под пашню, и к середине XVI в. Подмосковье достигло значительного экономического подъема.

Во второй половине XVI в. усиление феодальной эксплуатации и оформление крепостнических отношений, вызвавшие разорение зависи-

мого населения, а также тяготы 25-летней борьбы за Прибалтику и две чумные эпидемии снова привели к запустению центра.

После заключения мира с Польшей (1582 г.) и со Швецией (1583 г.) наступил период относительного спокойствия, и Подмосковье стало оправляться, но с 1601 г. последовал второй период еще больших разорений от «великого» голода, а затем польско-шляхетской интервенции – период, длившийся почти 20 лет. Эти разорения особенно тяжело отразились на Москве и на ее ближайших окрестностях. События этого времени хорошо известны и не раз были описаны историками, поэтому в настоящем рассказе о Подмосковье следует отметить только один интересный факт, не обращавший до сих пор на себя внимания.

Всякий раз, когда по счастливой случайности источники дают нам возможность сравнить количество населения какой-нибудь местности в первой половине XVI в. с населением той же местности в конце XVII в., мы не без удивления находим, что далеко не всегда оно увеличивалось. Очень часто мы видим, что оно едва достигало уровня начала XVI в., а иногда можем констатировать даже уменьшение населения.

Почему же после польско-шляхетской интервенции заселение шло так медленно? Ответ на этот вопрос надо искать в социальных и общеполитических условиях жизни XVII в.

В XV в. Московское княжество, да и вся северо-восточная Русь, расположенные в междуречье Волга – Ока, были окружены сильными и опасными соседями. Местности на юг от Оки подвергались постоянным нападениям со стороны южных кочевников, а восточные окраины страдали от казанских татар. Численно растущее население не находило выхода, собиралось в междуречье Волга – Ока и, в зависимости от обстоятельств, переходило из одного княжества в другое в поисках земли и возможности мирного труда. Образование Русского централизованного государства создало для заселения Подмосковья особенно благоприятные условия и обеспечило ему гот успех, о котором было сказано выше.

Присоединение в 1552 г. Казанского ханства освободило от постоянной угрозы разорений восточные окраины Русского государства. До заселения русскими поселенцами Среднего Поволжья было еще далеко, но на первых порах стали безопасными такие исконно русские земли, как Галич, Унжа, Юрьевец-Повольский, Нижний Новгород и другие.

Обеспечение безопасности восточных окраин привело к освоению черноземной степи. Во второй половине XVI в. на юг от Оки во многих местах правительство строит города-крепости, и под защитой их происходит оживленное заселение Тульского, Алексинского, Орловского,

Веневского, Каширского, Рижского и других уездов. Крестьяне, с усилением феодальной эксплуатации в центре, часто уходили за Оку. Так, во второй половине XVI в. начался отлив населения из центра на юг и восток.

События периода польско-шляхетской интервенции приостановили на некоторое время постройку городов и передвижку населения, но после 1620 г. наступление на степь и передвижка населения на восток и юг возобновились с новой силой. Очень существенно, что теперь процесс протекал в иных, чем в XVI в., социальных условиях — крестьянство было лишено права переходов и закрепощено. Если в XVI в. заселение южных и восточных окраин происходило стихийно, то после закрепощения крестьян их стали выводить и переселять в плодородные южные уезды сами землевладельцы центральных уездов, находя это выгодным для себя. Особенно интенсивным этот процесс становится в последней четверти XVII в., когда перед землевладельцами открылась возможность покупать у казны в вотчину, т. е. в полную собственность, так называемые «дикие поля» в черноземных южных уездах.

В общем и стихийное передвижение крестьян и владельческие переселения лишали Подмосковье во второй половине XVI и в XVII в. естественного прироста населения, и этим объясняется, что плотность населения Подмосковья в начале XVIII в. в лучшем случае была на том же уровне, что и за 150 лет перед тем.

я

я

я

ДРЕВНИЙ ЛАНДШАФТ

Московское княжество XIV в. было типичной для средней полосы Руси местностью непроходимых, первобытных лесов в частой сети рек и речек.

Память о большом боровом лесе возле самых стен Кремля сохранилась в названии Боровицкой башни и древнейшей церкви в Кремле — Спас на бору. В конце XIV в., как видно из сохранившихся памятников письменности, по реке *Сетуни* и ее притоку *Раменке* «обапол», т. е. по обеим сторонам, был непроходимый «раменный» первозданный лес. Под самой Москвой в конце XV в. между речками *Пресней* и *Ходынью* крестьяне села Кудрина расчищали лес под пашню, и ставили небольшие «починки», а земледельцы ссорились между собой из-за размежеванных земель.

В начале XIV в. на восточной окраине Москвы, начиная от устья *Яузы* и далее на юг и юго-восток, простирался огромный массив княжеского бортного леса, в котором были разбросаны небольшие поселки княжеских бортников — пчеловодов, тетеревников — охотников на тетеревов и другую птицу. О более отдаленных от Москвы районах и говорить нечего — там не было леса только в тех местах, где болота не позволяли ему расти.

Люди, заселявшие в течение трех веков Подмосковье, изменили его ландшафт во многих отношениях до неузнаваемости. Сильно изменился и состав лесных пород. В старых актах нередко упоминаются роши клена, ясеня, вяза, карагача и других, которые в настоящее время под Москвой встречаются только в парках. Особенно вредное влияние на сохранность лесов оказывал распространенный обычай выпаса скота по лесосекам.

Лесоведам хорошо известно, что при естественном возобновлении сведенного леса — а о насаждении лесов и вообще о рациональном лесном хозяйстве никто тогда не думал — в борьбе за существование одерживают верх менее прихотливые и менее ценные породы. Ель и сосна произрастают только от семян, падающих вблизи. Семена дуба (желуди) падают близко от дерева, но дуб хорошо возобновляется от корня. Осина растет и от корня и от корневой поросли, а семена ее в

большом количестве далеко разносятся ветром. На исход борьбы различных пород за существование оказывают влияние и другие условия — избыток или недостаток почвенных вод, быстрое истощение плодородия почвы при сведке леса под пашню и т. д. Этим и объясняется, что по мере истребления первобытных лесов сосна и ель уступают место листовым породам, а среди последних на смену дубу, ясеню и вязу приходят более выносливые — береза и осина.

В результате хищнического истребления лесов в XIV — XV вв. строевой лес, главным образом сосна и ель; уже в первой половине XVI в. в Подмосковье стал редкостью, а во второй половине века зачастую раздаются жалобы на недостаток леса для топлива и мелких поделок. В эти годы и позднее Москва получала лес для построек и для топлива уже не из окрестностей, а из далеких мест, главным образом внешним сплавом по Москве и ее притокам.

Истощение лесного богатства Подмосковья объясняется не столько успехами земледелия и спросом на лесоматериалы, который предъявляла растущая Москва, сколько беспорядочным и хищническим истреблением лесов. В древнейшие времена леса было так много, что лесные богатства казались неисчерпаемыми, и ими никто не дорожил. Земельные владения большей частью были не размежеваны, и все пользовались лесом, где было ближе и сподручнее, не считаясь с чужими владениями. Первым ограничением этого положения было запрещение пользоваться лесом для промысла или на продажу. Княжеских черных лесов, т. е. никому не принадлежавших, было так много, что и князья разрешали пользоваться ими всем соседям, «только не на продажу».

По мере роста населения и истощения лесных богатств обыкновенно пользоваться лесом для своих потреб где и как попало становилось несовместимым с интересами частных землевладельцев. В борьбе с самовольной порубкой крестьянами лесов феодалы стали обращаться к княжеской власти и получать от нее особые жалованные охранные грамоты на леса. И не случайно большинство жалованных грамот этого рода относится к последней четверти XV в. и к первой половине XVI в. Это было прямым следствием быстрого заселения Подмосковья со второй четверти XV в. и истребления вместе с тем лесов. Приведу несколько примеров.

Троице-Сергиев монастырь имел возле Переяславского озера соляные варницы, нуждавшиеся в большом количестве дров. В 1479 г. по жалобе монастыря великий князь Иван дал монастырю пристава для задержания самовольных порубщиков, но размер взыскания пени оставил за собою. Этого оказалось недостаточно, и в 1485 г. князь дал вторую грамоту, которой запрещал порубку леса «без доклада» (т. е. без

разрешения игумена), назначил пристава и определил пеню в один рубль. Наконец, грамотой 1490 г. пеня за самовольную порубку была удвоена, и суд о порубках был передан местному волостелю, что значительно облегчало борьбу с порубщиками. В 1520 г. Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде жаловался князю Юрию Ивановичу, что боярские, княжеские и монастырские крестьяне ездят в их лес «да секут де у них тот лес сильно, не являясь» — без доклада и разрешения. Князь дал монастырским приказчикам право «имать» порубщиков без княжеского пристава — «и кого передо мною в том уличат, и яз на том вею взяти заповеди два рубли московские».

Истребление лесов пагубно отражалось на различных лесных промыслах, которыми жило население в древнейшее время: охоту на пушных и разных других зверей, птичьих ловы и бортное пчеловодство. С незапамятных времен экспорт мехов и воска из Киевской Руси в Византию и в Западную Европу через Новгород были главной доходной статьей Северо-Восточной Руси.

Интересно рассмотреть, хотя бы в самых общих чертах, как население Подмосковья должно было с течением времени отказаться от этих промыслов.

Самым ценным пушным зверем был бобр. В XIV в. бобры водились еще во многих местах Подмосковья — под Серпуховом в мелких притоках Оки, в бассейне *Пахры* и ее притока *Десны*, где до наших дней несколько мелких речек носят название Бобровка, и на северо-восток от Москвы, в реках *Воре* и *Шерне*. В первой четверти XV в. князь Петр Дмитриевич Дмитровский пожаловал Троицкому монастырю рыбные ловли и бобровые тоны в реке *Воре* и Терменеве омуте от реки *Талицы* до Лепетни. Место Терменева омута определяется существующей ныне деревней Терменевой. Щедрость князя объясняется, быть может, тем, что бобры в омуте были уже на исходе. По крайней мере в последующих актах упоминаются в *Воре* только рыбные ловли, а о бобрах нет и помина.

Несколько дальше бобры продержались в мелких притоках *Клязьмы* — на восточной окраине Московского княжества, в волости *Вохне*, где позже возник Павлов Посад. В XV в. вся волость была населена княжескими бобровниками, которые платили ежегодный оброк за бобров «шерстью», т. е. мехами. В начале XVI в. вохонские бобровники получили право платить за бобров деньгами. Очевидно, бобры были уже на исходе, и бобровники затруднялись платить оброк «шерстью». Наконец, в жалованной уставной грамоте 1561 г. о бобрах уже не упоминается — бывшие бобровники платят за все деньгами и постепенно переходят на земледелие.

Куньи меха ценились значительно ниже, чем бобровые, и вообще об охоте на куню как о промысле мы не имеем сведений. Отметим только, что между *Ворей* и *Шерной*, левыми притоками *Клязьмы*, в восточной части Московского княжества была целая волость княжеских охотников, которая называлась Куньей волостью. В действительности охотники этой волости не имели специального назначения ловить куню. По актам XIV – XVII вв. известно, что Кунья волость, соседняя с ней Черноголовская и так называемый Отъезжий стан принадлежали сначала московским князьям, а затем – царям и были излюбленным местом больших княжеских и царских охотничьих «прохлад», на которые они «отъезжали» из своих сел Тайнинского и Воздвиженского. Главная «потеха» состояла в соколиной охоте на птицу и в облавах на медведей и лосей.

Беличий мех считался в XIV – XV вв. дешевым и употреблялся в обиходе широких слоев населения. Особенным изобилием белок отличались юго-восточные окраины Подмосковья, где большие леса перемежались с такими же болотами и сохранились тогда, когда в других частях Подмосковья леса были уже сведены. На всю Русь славилась шувойские белки, водившиеся в лесах по реке *Гуслице*, ее притоку *Шувою*, по рекам *Вохне*, *Рогожне* и другим. Шувойская белка была столь высокого качества, что стала стандартом лучших беличьих мехов по всей Руси и для экспорта. За отсутствием огнестрельного оружия белок ловили сделанными из конского волоса силками.

Пчеловодство в бортях – в дуплах деревьев – с незапамятных времен производилось без существенных изменений. Весной бортники обходили свои участки леса, свой «ухожей», как тогда говорили, осматривали и подчищали борти, удаляли заплесневевшую сушь и очищали дупла вымерших за зиму семей. Затем выделяли новые борти и ставили на «дельных» деревьях свои «знамена» – условные знаки. Во время роеня следили за выходом молодых роев и, случалось, ссорились из-за них с соседними бортниками. 1 августа (старого стиля) начинался сбор урожая. Это для бортника была страдная пора. Необходимы были большая наблюдательность и опытность, чтобы определить, какие рои следует погасить и взять из борти все содержимое, какие семьи оставить на зимовку, достаточно ли у них для этого меда и т. д.

Помимо сезонных работ, бортнику приходилось зорко охранять свой урожай и от медведей – больших охотников до меда. Медведя можно было поугатать, в крайнем случае выйти на него с рогатиной, но самым опасным врагом бортного пчеловодства была порча бортного дерева и вообще истребление лесов. Там, где оно принимало широкие размеры, бортное пчеловодство падало.

В XIV в. в ближайших окрестностях Москвы известно несколько очень обширных районов бортных лесов. На небольших притоках Москвы – *Медвенке* и *Вяземле* – был целый стан, который так и назывался Медвенском. На *Пахре*, недалеко от места, где много позже возник город Подольск, вокруг села Добрятина был огромный княжеский лес добрянских бортников. Особый интерес представляет бортный лес возле самой Москвы. В первой четверти XIV в. он находился в ведении какого-то Васильца, слуги князя Ивана Калиты. На месте этого леса в XV в. образовался так называемый Васильцев стан Московского уезда. Он простирался от села Косина до Измайлова, а в северной части доходил до устья *Яузы*. В состав его входили селения Карачарово, Кусково, Перово, Гиреево, Ивановское, Горенки, Реутово и Владычино.

Заселение этого района началось в XIV в., и в первой четверти XV в. здесь была слобода великокняжеских бортников и тетеревников. Позже о ней нет помина. В XV в. в Васильцеве стану, появились многочисленные частные владельцы и монастырские старцы, лес был сведен, тетерева разлетелись, а бортное пчеловодство стало невозможным. На месте бывшей слободы тетеревников и бортников в XVI в. образовалось небольшое село Бортное, Успенья Богородицы в Тетеревниках, которое на старых картах показано под искаженным названием Тетерки. По описанию 1576 г., в Тетеревниках числилось 50 десятин пашенной земли, 7 десятин леса и несколько-десятин покосов. К селу было приписано несколько пустошей, среди которых – пустошь Перово, где в наше время вырос город. В XVII в. после опустошений польско-шляхетской интервенции Тетеревники стали деревней с тремя-четырьмя дворами. Вот все, что осталось от огромного бортного леса времен Ивана Калиты.

В местностях, менее удобных для земледелия и заселения, бортное пчеловодство и первобытные формы хозяйства держались прочнее. Не только в XVII, но даже в XVIII в. в недалеких окрестностях Москвы были такие «медвежьих углы», где в лесах действительно водились медведи, а на озерах плавали лебеди, гуси и бесчисленное количество уток.

В 80-х годах XIV в. монахи Симонова монастыря, основанного на окраине Москвы около 1380 г., поставили на западном берегу *Большого Медвежьего озера* (километрах в 20 на северо-восток от Москвы) монастырек Преображения спаса. Пустынность места понравилась монахам, и чернец Савва решил закрепить его за монастырем. Он променял свою вотчину в Переяславском уезде великому князю Дмитрию Донскому и получил в обмен монастырек Спаса и участок земли, «и с озером с Верхним и с Нижним, и с деревнями с бортничьими... и с лесом и с болотом и с перевесами». На полученном от великого князя владенье в это время было пять однодворных поселков бортников, из

которых каждый «ходил» отведенный ему участок леса. Это и называлось бортным ухожем.

Для читателей, не знакомых со столь далекой от нас стариной, следует сделать небольшое разъяснение. За отсутствием другого оружия, кроме лука, птиц ловили обыкновенно силками, сделанными из конского волоса, или перевесами — сетями, которые развешивали на деревьях в местах пролета птиц. Отсюда, и самые места ловли птиц сетями называли перевесами.

Симоновские чернецы (монахи) не упускали случая увеличить и округлить свое владение. Ближайшим соседом их во второй половине XIV в. был некий Дмитрий Минич, богатый коломенский вотчинник, служивший московскому великому князю. В 1368 г. великий князь литовский Ольгерд совершил внезапный набег на Московское княжество. Летописцы рассказывают, что великий князь Дмитрий Иванович не успел собрать свои полки, но все, что было у него под рукой, отпустил в заставу против Ольгерда, «еже есть сторожевой полк, а воеводство приказал Дмитрию Миничу». Ольгерд превосходящими силами напал на заставу и разбил ее на реке *Тросне*, в пределах Оболенского княжества. В числе павших в бою был и Дмитрий Минич. В начале XV в. его внук Игнатий Васильевич дал Симонову монастырю свою «отчину и дедину» — пустошь Ревякинскую, с лесом и с бортью, смежно с монастырским владением.

Другим соседом Медвежьих озер был боярин Ив. Ив. Бутурлин. В середине XV в. его сыновья продали Симонову монастырю «за 3 руб. да в придачу овца» пустошь Максимовскую. Таким образом, у монастыря образовалось вокруг Медвежьих озер довольно крупное владение.

Как видно из дошедших до нас актов, и симоновские старцы, и Минины, и Бутурлины не вели в своих владениях никакого земледельческого хозяйства: вся их деятельность выражалась в эксплуатации природных богатств самыми примитивными способами — в бортном пчеловодстве, ловле рыбы в озерах и охоте на зверя и птицу. В начале XVI в. власти Симонова монастыря упразднили монастырек Преображенья спаса возле Нижнего озера, и на Медвежьих озерах оставалась деревня Утки и 5 — 6 хуторов бортников. В XVII в. деревня Утки стала называться деревней Медвежьей, а в справочниках селений XIX в. она называется деревней Медвежьих озер. В начале прошлого, XIX в. у Медвежьих озер началась разработка торфа, и это внесло некоторое оживление в жизнь обитателей этого медвежьего угла. В середине века бывшая деревня Утки насчитывала уже около полусотни дворов, но и до самых поздних времен весь этот район на восток от Лосинога острова оставался населенным сравнительно слабо.

я

я

я

ДРЕВНЕЙШИЕ ПУТИ СООБЩЕНИЙ

я

С незапамятных времен Волга была главным путем сношений народов всей северо-восточной Руси с народами Востока. *Москва-река* и *Клязьма*, протекавшие на расстоянии почти тысячи километров в междуречье Волга — Ока, значительно сокращали пути из Руси на Восток. Одновременно они были как бы узлом всех главнейших путей сообщения Руси. Важный путь из Прибалтийских стран шел через Великий Новгород, по реке *Мсте* через Вышний Волочек в *Тверцу*, к верхнему течению *Волги*. От Твери по реке *Шоше* и ее притоку *Ламе* через Волок Ламский попадали на верхнее течение реки *Москвы*. От города *Москвы* пути расходились, поднявшись по *Яузе*, переходили в бассейн *Клязьмы*, а спустившись вниз по течению *Москвы* в *Оку*, переходили по притокам *Оки* в верховье *Дона* и по *Дону* спускались в *Азовское море*.

Интересно рассмотреть с географической картой в руках сеть водных и сухих путей, проходивших по Подмосковью.

Непроходимые леса, болота и многочисленные реки, опасности сухих путей и отсутствие торных дорог заставляли население Руси пользоваться предпочтительно водными путями. На небольших лодках-однодеревках, т. е. долбленных из цельного дерева, пробирались наши предки по самым мелким речкам. Грузоподъемнее были так называемые набойные лодки, т. е. однодеревки с набитыми по бортам досками. На веслах и при помощи шестов на таких небольших судах плавание становилось уже невозможным, лодки разгружали и перевозолакивали по земле до верховья другой речки. Товары переносили на руках либо перевозили, навьючив на лошадей.

Таких волоков на Руси было очень много, и некоторые из них оставили по себе память в названиях существующих ныне селений. Таковы, например, Вышний Волочек на *Мсте*, Волок Ламский (ныне Волоколамск), Волок Лежский в бассейне *Костромь*, Волок Словинский на Белоозере и другие.

С незапамятных времен большое значение имел *волок* с реки *Ламы* в *Озерну*, или *Рузу*, и затем — в *Москву-реку*. Волоки, на которых суда приходилось разгружать, были удобными для князей местами сбора проезжих пошлин с товара. Эти места назывались мытами (мыт —

проездная пошлина). И на Волоке Ламском находился знаменитый в свое время Войницкий мыт, там, где ныне километрах в 26 от Рузы находится селение Война.

Для первых веков существования Москвы большое значение имел путь по *Яузе* в бассейн *Клязьмы*. Яуза берет свое начало в больших торфяных болотах. При впадении в нее небольшой речки *Работни*, там, где теперь находится город Мытищи, начинался волок в *Клязьму*. Лодки волочили по земле 7 – 8 км и спускали в *Клязьму* приблизительно в том месте, где находится село Городище, а по другую сторону *Клязьмы* против Городища – селение Баскаки. Наличие селений с такими названиями при волоках не случайность. На территории средней Руси можно указать еще несколько подобных селений. Так, например, деревню *Баскаки* мы находим на переволоке из реки *Сары* в *Нерль*, на древнем пути из Ярославля по *Которосли* в озеро *Неро* (Ростовское) и по *Саре* в *Нерль* и *Клязьму*.

По названиям селений и памятникам письменности мы можем представить себе древнюю историю *Яузского* пути. Известно, что татары первое время после завоевания Руси пытались управлять ею и собирать дани непосредственно – при помощи так называемых «баскаков», особых уполномоченных хана. Баскаки производили переписи населения (число) и собирали всякие дани, между прочим, и мыты – пошлины за провоз товаров. Перекрестки торговых путей и волоки, которых нельзя было миновать, служили удобными местами для сбора мытов, и здесь нередко поселялись баскаки. *Яузский* волок существовал с незапамятных времен, и для охраны этого торного торгового пути был поставлен Городок – небольшое укрепление. Здесь-то и поселился ханский баскак, о чем и осталась память в названии селенья. Злоупотребления баскаков и частые восстания русских убедили ханов в нецелесообразности непосредственного управления и сбора дани, и они сделали князей ответственными за сбор и уплату дани. Система баскачества, принесшая много горя русскому народу, в начале XIV в. была ликвидирована.

По дошедшим до нас памятникам письменности известно, что во второй половине XIV в. на *Яузе* было несколько запруд и стояли мельницы – верный знак того, что судоходство по *Яузе* уже было оставлено. Дело в том, что в начале этого века московские князья оттягали у рязанских князей Коломну, и москвичи стали пользоваться для перехода из бассейна *Москвы* в *Клязьму* другим путем, более удобным, в пределах Коломенского уезда через реку *Нерскую*, о чем будет подробно сказано ниже.

Известно, что на устье *Яузы* была мельница кн. Владимира Андреевича Серпуховского, соратника Дмитрия Донского по битве на Кули-

ковом поле. Несколько выше была мельница у села Тимофеевского, принадлежавшего боярину Федору Андреевичу Свиблому (свиблой, швиблой – шепелявый, косноязычный). Федор Свиблой в молодости принимал участие в постройке первых каменных укреплений Москвы (1367 г.), и память об этом сохранилась в названии одной из башен Кремля – Свибловой. Село Тимофеевское по владельцу стало называться Свибловым, и это название сохранилось за ним до наших дней. Еще выше на *Яузе* были мельницы у сел *Вашутина* и *Тайнинского*. Когда судоходство по *Яузе* прекратилось, то сбор мыта был переведен в Москву, а место, где некогда собирали мыт, стало называться *Яузским мытищем*. Следует пояснить, что слово «мытище» не значит – большой мыт. Оно образовано по аналогии с другими подобными речениями. Так, например, говорят пожарище – место, где был пожар, пепелище и печище, где был жилой дом с печью или очагом, усадище, мостище, городище, где был город, и т. п.

Вместо *Яузского* пути москвичи во второй половине XIV в. стали, как сказано выше, пользоваться для перехода в бассейн *Клязьмы* другим, более удобным путем – через реку *Нерскую*. Спустившись по *Москве* до устья *Нерской*, поднимались по этой речке и через короткий волок – не более километра – попадали в *Уину*, небольшой, но полный приток *Клязьмы*. На устье *Нерской* был знаменитый в свое время *Усмерский мыт*, дававший княжеской казне хороший доход еще в начале XVII в. Позже, с развитием дорог, и этот водный путь был заброшен.

Когда Коломна и нижнее течение реки *Москвы* были в пределах Рязанского княжества, то для перехода из бассейна *Москвы* в *Оку* пользовались таким путем: спустившись по реке *Москве* до *Пахры*, поднимались до верховья *Пахры* и через небольшой волок переходили в *Нару* и затем, минуя Серпухов, в *Оку*. На реке *Наре*, недалеко от села Фоминского, был *Фоминский мыт*, известный уже в XV в. Ныне в этом месте находится большой промышленный город Наро-Фоминск.

По мере заселения Руси, истребления лесов и обмеления рек водные пути стали уступать место сухим дорогам. Уже лет за 500 до нашего времени Москва стала центром сети дорог, расходившихся веером во все концы Руси. Трассы этих древних дорог в большинстве случаев совпадают с шоссевыми дорогами, проведенными в XVIII – XIX вв., и с железнодорожными линиями позднейшего времени.

Рассмотрим вкратце важнейшие дороги.

Прямо на восток от Рогожской заставы шла дорога во Владимир-на-Клязьме – центр Владимиро-Суздальской Руси. Это – знаменитая *Владимирка*, оставившая по себе в народе мрачную память, как путь ссылки в Сибирь. *Владимирка* начиналась приблизительно от устья *Яузы*,

прорезывала Измайловскую рошу и через села Ивановское и Горенки шла на Хупавну, от Хупавны правым берегом *Клязьмы* — на Рогожский ям. Здесь на небольшой речке Рогоже была ямская слобода, где ямщики меняли лошадей, а путники могли найти отдых. На месте Рогожской слободы при учреждении губерний был образован уездный городок Богородск, впоследствии переименованный в Ногинск. Около Бункова Владимирка переходила на левый берег *Клязьмы* и, минуя Ожерелки, шла на Покровский погост на реке *Вохонке*, ныне — Покров.

Другая дорога на Владимир проходила несколько севернее — через *Стромьинь* на реке *Дубенке*, на *Киржач* и далее на Владимир. Этот вариант пути назывался *Стромьинкой*, печальная память о которой сохранилась в песнях каторжан.

Переяславка — большая дорога на Переяславль Залесский, Ростов и далее на север — начиналась от села Красного, — приблизительно там, где теперь за вокзалами находится Красносельская улица. Переяславка пересекала *Клязьму* несколько выше села Черкизова, где на *Уче* был первый от Москвы ям. Затем, минуя Звягино, *Переяславка* шла на Радонеж, ныне — Городок, на село Стогово, где был второй ям, и далее на Переяславль.

Прямо на север из Москвы, через Хлебникове и село Троица-Сельцы, проходила дорога на Дмитров, Кашин и Бежецкий верх. Память об этой дороге сохранилась в названии московской улицы *Дмитровки*.

Древний путь, связывавший Москву с Великим Новгородом, начинался от Тверской заставы и проходил через села: Святые отцы (позже — Всехсвятское), Черкизово, Ржавки, Собакино и Стребуково. Здесь находился первый от Москвы ям — Пешков. Затем дорога шла на Клин, Тверь и далее.

Волоцкая дорога начиналась от Дорогомилова и проходила через село Тушино-Коробовское, совпадая в большей части с позднейшим Волоколамским шоссе.

Через Вяземский ям на реке *Вязьме* шла дорога на *Можайск*, *Вязьму* и далее в Смоленскую землю.

Через ям у села Фоминского, где был мыт на водном пути из Пахры в Оку, пролегла *Боровская* дорога.

На юг из Москвы вели четыре дороги. Главной из них была *Серпуховка*. Недалеко от селения Подол-Пахра (ныне г. Подольск) *Серпуховка* пересекала *Пахру* и шла на погост Воскресенья на Молодах, а первый ям от Москвы был на *Лопасне*. Серпуховка иногда называлась *Крымской* дорогой, так как была кратчайшим путем в Крым. В Рязанскую землю и на Дон отправлялись по *Каширке*. Каширка начиналась у Котлов и проходила на Фроловский ям на *Пахре*, затем на Шибануево,

Купчинино, Князеве и Каширу. В Рязанскую землю были еще две дороги, через Коломну. Первая, называвшаяся обыкновенно *Коломенкой*, начиналась у Котлов, у села Мячкова переходила на правую сторону реки *Москвы* и через Бронницкий ям шла прямо на Коломну. Другая дорога, так называемая *Брашевская*, проходила по левой стороне реки Москвы. Название свое она получила по несуществующему ныне селению бывшего Коломенского уезда. Важным ответвлением Брашевки была дорога на *Касимов*, через Егорьевский погост Высоцкой волости, теперь — город Егорьевск.

Как можно видеть по расположению подмосковных ямов, расстояние в 35 — 40 верст было нормальным перегоном ямской гоньбы, совершив который меняли лошадей.

Говоря о древних путях сообщения, нельзя ограничиться перечислением дорог. По нашим понятиям, большие дороги и вообще удобные пути сообщения являются всегда несомненным благом, но в условиях жизни Руси в средние века были особые обстоятельства, которые заставляли население смотреть на это дело иначе и избегать близкого соседства с большими дорогами. При больших дорогах крупные селения стали возникать и образовываться значительно позднее, в XVII в., когда страна вступила в новый период истории, обусловленный усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок.

Выше было упомянуто, что московские князья по требованию золотоордынских ханов должны были организовать прием и проводы ханских «послов». Послами тогда называли вообще всяких агентов Золотой Орды, которые часто, по разным делам и поводам, приезжали в Москву. Они являлись на Русь как хозяева, в сопровождении вооруженной охраны, а под их покровительством приходили большие караваны торговых людей с различными товарами и косяками степных лошадей, находивших на Руси всегда хороший спрос.

Прием и проводы степных «гостей» для ордынцев и числяков были тяжелой повинностью. Но особенно разорительными проходы татарских послов были для обитателей придорожных селений, на что в источниках мы встречаем прямые указания.

От этой далекой старины сохранились некоторые следы в названиях подмосковных селений. Таковы село Ордынцы недалеко от Подольска и за *Пахрой* еще селение с таким же названием. Полустертыми и для многих непонятными следами далекого прошлого являются такие названия селений, как Теплый стан (на Серпуховской дороге), Зимницы, Зименки и т. п. В различных старых актах и в писцовых книгах XVI—XVII вв. мы находим множество существующих ныне селений, которые

раньше носили двойные названия, а теперь известны под одним названием. Таковы селения: Щитово-Ордынцево на реке *Моче*, Шахово-Числяки, Внуково-Численное, Зименки-Численное в 25 км по Серпуховской дороге и другие.

Если памятники письменности сохранили сравнительно немного следов старины, то естественно, что мы не можем много спрашивать от народной памяти. И тем не менее, проходя пешком по указанным дорогам и не упуская случая побеседовать с местными старожилыми, мы нередко услышим интересные предания, связанные с различными урочищами. Старожилы расскажут нам передающиеся из поколения в поколение предания о коневом стойбище на Татарском овраге, о ногайском тырле (т. е. месте стоянки скота), об ордынском шляхе (т. е. дороге) и т. п. Происхождение этих преданий и исторический смысл их старожилым часто неизвестны, но чуткий к преданиям старинны краевед при помощи историка может осмыслить и разъяснить этот своеобразный топонимический фольклор, заслуживающий, бесспорно, систематического собирания и изучения.

От проходов татарских послов и караванов страдали преимущественно обитатели селений возле южных дорог Подмосковья, но по всей Руси тяжелым бременем для придорожных селений были частые проезды княжеских гонцов и ратных людей. По обычаям того времени, они имели право только на постой, а кормы себе и лошадям должны были покупать «ценою», т. е. по добровольному соглашению. На деле ратные люди и гонцы постоянно нарушали этот обычай и вызывали бесконечные жалобы населения. Хорошо еще было, если ратные люди шли большими соединениями под начальством воевод, которые поддерживали дисциплину и не позволяли «обижать» население. Но в большинстве случаев ратные люди сходились со всех концов Руси на сборные пункты мелкими партиями или даже в одиночку и таким же порядком разбредались по домам после службы. Население жаловалось, что гонцы и ратные люди берут кормы не ценой, а «сильно», травят и вытаптывают лошадьми посевы и покосы и обжигают «хоромы», т. е. употребляют на топливо «нутро избяное», все, чем можно обогреться. Монастыри и влиятельные частные лица добивались освобождения от этой повинности и получали от князей особые жалованные грамоты, дошедшие до нас в большом количестве.

Не менее серьезной опасностью на больших дорогах являлись разбои. При Иване Калите и долгое время после Калиты, и в XV, и в XVI, и даже в XVII веках, *разбои, конокрадство* и «*татбы*» на больших дорогах были постоянной угрозой для жителей придорожных селений. Недаром сложилась и удержалась на много веков поговорка: разбойник с большой дороги — поговорка, которую многие употребляют иногда

до наших дней, не всегда даже понимая ее историческое происхождение.

В мелких деревнях, разбросанных в непроходимых лесах, за мхами и болотами, жилось безопаснее, чем при больших дорогах. Во-первых, лихим людям здесь была небольшая пожива, а главное, что такие селения защищало бездорожье и невозможность ни добраться до них, ни выбраться из них, не оставив после себя следов. Спокойнее всего жилось в таких деревушках зимой, когда глубокий снег заносил все дороги.

Отрицательное отношение населения к дорогам сказалось в его решительной борьбе с так называемыми «непошлыми», т. е. самовольно прокладываемыми, дорогами. Княжеские гонцы, ратные люди и всякие путники иногда предпочитали свернуть с большой проезжей дороги, ехать, где им казалось удобнее. В одних случаях они сокращали, быть может, таким образом путь, в других — избегали встречи на большой дороге с лихими людьми. Население относилось к таким путникам крайне враждебно. Князья, учитывая это недовольство, запрещали кому бы то ни было самовольно прокладывать новые дороги, разрешая пользоваться лишь уже существующими

ГОРОДКИ, ПОГОСТЫ, СЕЛА И ДЕРЕВНИ

Интересно познакомиться с древними типами селений Подмосковья и посмотреть, как они изменялись с течением времени.

Очень древним типом селения были городки, все укрепление которых состояло из рва, земляного вала и частокола. Большинство населения жило в мелких поселках вокруг городка, в который оно сбегалось в случае опасности, сгоняя в городок скот и снося сюда свое имущество. Князья, отправляясь на полюдье, для суда и сбора дани, иногда останавливались в городках, но обыкновенно они устраивали свои станы на погостах. С XIV в. начинается процесс постепенного отмирания городков. Оборонное значение их переходит к немногочисленным городам — укрепленным центрам княжеских уделов. Утрачивают городки и свое судебное-административное значение. Несомненным свидетельством этого может служить то, что из трех десятков станов и волостей, из которых в XIV в. состояло Московское княжество, только два городка — Радонеж и Хотунь — сохранили значение административных центров.

Собирая сведения в разных источниках, мы можем констатировать, что в округе Москвы радиусом приблизительно в 50 км существовало до четырех десятков бывших городков. Вглядываясь ближе, мы замечаем, что городки в XIV—XVII вв. находятся в различных фазах отмирания. Радонеж на высоком берегу небольшой речки *Пажи*, где еще ныне видны следы земляного вала, в XIV в. был добавочным владением боровско-серпуховских князей. В XV в. он был уделом радонежского князя, а после ликвидации боровского и радонежского уделов стал центром великокняжеского стана Радонежа. Позже название Радонеж отпало, и в настоящее время это селение называется просто Городком.

Радонеж, Коломна и Хотунь были древними селениями новгородцев в северо-восточной Руси. Несколько селений с такими же названиями мы находим и в настоящее время в Новгородской области. В XIII в. Хотунь на реке *Лопасне* была окраинным городком Рязанского княжества и, несомненно, имела оборонное значение. В начале XIV в. московские князья, как уже говорилось выше, получили от рязанских князей Коломну и Хотунь и поставили городок Каширу на устье реки *Каширки*, на левом, низменном берегу Оки. Ныне здесь находится селение Ста-

рая Кашира, прежде называвшееся Каширским городищем. (На высокий, правый берег *Оки* Кашира перенесена в XVII в.) Таким образом, Хотунь утратила свое оборонное значение и превратилась в княжеское село и центр большой волости. В старых актах мы находим указания на то, что Хотунь некогда была городком — в писцовых книгах XVII в. упоминается «Хотунское городище».

Кроме Радонежа и Хотуни, мы находим в ближайших окрестностях Москвы более десятка селений с названиями:

Городище, Городок и Город. Таковы, например, три селения Городища на *Клязьме*, Городок на *Лопасне* и Городок в 20 км от Подольска, четыре селения в бывшем Коломенском уезде на речках *Коломенке*, *Осенке*, *Пре* и *Соринке*, село Городище в бывшем Звенигородском уезде и т. д. Существующие ныне селения с подобными названиями дают далеко не полное представление о множестве городков, разбросанных в древние времена в Подмосковье. В старых актах имеется много указаний на пустоши, «что было Городище». Изредка удается установить точно их местонахождение. Так, например, возле городка Шеренки ныне находится селение Могутово, на реке *Шерне* при слиянии ее с *Мележей*.

Интересно сообщить некоторые подробности о городке Перемышле. В XIII в. это был окраинный городок зарождавшегося Московского княжества и имел, несомненно, оборонное значение. После присоединения к Московскому княжеству Коломны и сооружения в Серпухове сильной крепости Перемышль утратил свое оборонное значение. По духовной грамоте Ивана Калиты 1328 г. Перемышль был дан в удел князю Андрею Ивановичу Серпуховскому. Затем по духовной боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго Перемышль был дан в удел (1410 г.) его пятому сыну — Василию. Так Перемышль стал столицей небольшого удела. Князь Василий Перемышльский умер бездетным в великий мор 1427 г., и Перемышль запустел. По позднейшим актам можно только приблизительно определить его место — он находился на реке *Моче* против впадения в нее небольшой речки *Колоденки*, где находится Сатино Татарское, а на другом берегу *Мочи* — погост Никольский.

Таких пустошей «что было Городище» в Подмосковье можно считать более трех десятков. Для точного определения местонахождения этих бывших городков необходимы обследование на местах и археологические раскопки.

Итак, городки были очень распространенным типом древнейших селений. Они заслуживают нашего внимания потому, что и сама Москва в глубокой древности была таким городком. Летописи, говоря о древней Москве, называют ее княжеским селом, но они употребляют слово «село» не в современном его значении, а в смысле населенного

участка земли. И едва ли можно сомневаться, что первоначально на высоком берегу *Москвы*, при впадении в нее *Неглинки*, был небольшой городок, под защитой которого в небольших деревнях жило население княжеского «села». Таких городков в Подмосковье было очень много, но история их была различной — немногие уцелели, и на месте их образовались селения различных размеров, а большинство городков исчезло, да так основательно, что отыскать их следы можно теперь только при помощи археологических раскопок.

Городки, несомненно, были местами древнейших поселений славян в Подмосковье.

Не менее древним типом селений, чем городки, были погосты. Они упоминаются на первых страницах наших летописей в X в. и позже. «Погост» происходит от слова «гость». В древнерусском государстве и позже, в период образования централизованного государства, «гостем» называли приезжего издалека торгового человека. В Москве гостями называли высший разряд торговых людей, ведших оптовую торговлю. В Китай-городе в Москве и во многих крупных городах Русского государства для торговых людей были устроены особые гостиные дворы. В Смоленщине до наших дней большая дорога, в отличие от малых проселочных дорог, называется «гостинцем».

В древние времена торговля была в руках приезжавших издалека гостей и носила сезонный характер. Места, где в определенные времена года происходили торжища, назывались «погостами». Весьма вероятно, что в древности торжища происходили в привычных для населения местах народных сходок и языческих мольбищ. С принятием и распространением христианства на погосте стали ставить церковь, и погост приобрел значение церковного прихода. Очень вероятно, что во времена язычества погосты были также местами погребения. Во всяком случае, с принятием христианства при погостах были кладбища.

Князья, отправляясь на полюдье, часто пользовались погостами для своих станов, на которых они получали с населения дани и творили суд и управу. Таким образом, погосты получили значение округов княжеского управления. В дальнейшем развитии, в зависимости от исторических судеб разных частей огромной территории северо-восточной Руси, погосты эволюционировали в разных направлениях. В Новгороде и его северных владениях погосты сохранили значение волостных и церковно-приходских центров. В трапезной погостской церкви происходили сходки волостного мира, производилась раскладка податей, а в праздничные дни устраивались братчины — мирские пиры вскладчину.

В центральных частях Руси княжеская власть и развитие крупного феодального землевладения изменили с течением времени древний тип погостов.

Землевладельцы, устраивая свои села, естественно, желали, чтобы они были не только центрами хозяйственного управления, но также центрами религиозно-бытовой жизни населения их бояршин. Получив от церковных властей разрешение учредить приход, они ставили церковь и приглашали священника. Соседний погост лишался прихожан, а вместе с тем доходов, причт погостской церкви разбрехался, и погост пустел. Землю его расхватывали соседи, и часто погост исчезал совершенно бесследно.

Влияние княжеской власти сказывалось в том, что погосты с течением времени утрачивали значение торговых и административных центров. Князья перестают ездить на полюдье и централизуют сбор дани и проезжих и торговых пошлин в городах. Политика князей в этом деле оставила по себе в XIV—XV вв. много ясных следов.

Затем князья, организуя в своих уделах суд и управление, — останавливаются не на погостах, как бывало во времена полюдий, а на станах — более крупных подразделениях уделов. Так погосты с течением времени утрачивают свое былое значение, и в XV—XVI вв. мы можем наблюдать погосты Подмосковья в различных стадиях отмирания. Множество погостов исчезло совсем, и память о них осталась только в названиях пустошей. Небольшое количество погостов сохранилось в видах кладбищ, а некоторые слились с образовавшимися возле них селениями.

Закончим краткий очерк о погостах, как типе селений, двумя конкретными примерами из жизни Подмосковья.

Крайней на востоке волостью Московского княжества была волость *Вохна*. Здесь исстари по *Клязьме* и ее притокам была слобода княжеских бобровников. Частных землевладельцев в волости не было, не было и сел, а стояло несколько погостов, из которых главным был Павлов погост на реке *Вохонке*. Царь Иван в 1582 г. променял волость *Вохну* Троицкому монастырю. Тогда у Павлова погоста стало образовываться село с двором приказчика и несколькими дворами крестьян. Церковь Павлова погоста сделалась приходской, село разрасталось и превратилось в большое селение — Павлов посад.

Интересными пережитками глубокой старины являются два подмосковных села, носящие довольно необычные названия — Десятая пятница. Одну Десятую пятницу мы находим недалеко от Подольска (позднее она называлась деревней Салковой). Другое селение — это Пятницкий погост на реке *Березовке*, в старинной княжеской волости *Куньей* (позже — в Богородском уезде). В XVII в. у Пятницкого погоста образовалось село, также получившее название Десятая пятница, так как у погоста исстари на десятой неделе после пасхи был торг местного значения. Еще в первой четверти XIX в. у погоста происходила на десятую пятницу оживленная ярмарка, а затем, с развитием городской торговли,

эта ярмарка, как и другие подобные местные торжки, вышла из обыкновения.

Погосты и городки заслуживают внимания археологов и краеведов, как места очень древних подмосковных поселений.

Самыми типичными для Подмосковья XIV — XVI вв. селениями были господское село и крестьянская деревня. Рассказывая о них, следует тотчас оговориться, что села и деревни того времени были во многом не похожи на те селения, которые мы знаем в XIX в. Село раннего феодализма было прежде всего резиденцией землевладельца-феодала и центром управления его боярщины. Все население села обыкновенно состояло из самого хозяина с чадами и домочадцами и большего или меньшего числа слуг и рабов. На господском дворе стояла теплая изба с горницею, крытая обыкновенно тесом, а в одном срубе с ней или через сенцы к теплой избе примыкала «повалуша» — холодная летняя пристройка. Вокруг главной избы располагались различные службы: ледники с напоебницами, сараи, конюшни и т. д. Возле господского двора лепились «дворцы» слуг и холопов. Если господское село находилось на суходоле, а не при речке, то при нем неизменно был копаный пруд. По мере того как села становились центрами церковно-приходской жизни, в селе ставили церковь, и население его пополнялось новым элементом — дворами сельского причта. Однако нередко бывало, что сельский поп и другие причетники жили не в селе при храме, а в особых деревнях-хуторах.

Все тяглое население боярщин, за которым не ранее XV в. утвердилось название крестьян, жило в мелких деревнях, разбросанных на полянах, расчищенных от леса. Деревню в 1 — 3 двора следует считать типичной для того времени. Деревни в 4 и более дворов были исключением.

Вот несколько примеров.

Село Пушкино на *Уче* можно считать типичным для крупного церковного владения. Оно с XV в. принадлежало митрополитам, а позже патриархам. В конце XV в. в Пушкине было 19 дворов, а вокруг него, на территории приблизительно в 1.600 десятин, было 17 деревень с 36 дворами. В начале XVI в. возникло вновь еще 8 деревень. Из всех этих деревень в настоящее время существует только одна — Сахарникова, в которой в виде исключения в XV в. было 6 дворов, все остальные деревни были мелкими селениями в 1 — 3 двора.

В селе Бужанинове (в 13 км от Загорска) в 1543 г. была большая благоустроенная усадьба Зворыкиных с господским двором и множеством служебных построек. Возле господского двора было 20 дворов «деловых» людей, слуг и холопов и двор попа. А крестьяне Зворыкиных жили в 40 мелких деревнях, разбросанных на территории в 1.400 десятин.

Повсеместно вокруг сел было множество подобных мелких деревень, сохранившихся до наших дней в виде редкого исключения. Так, у села Сабурова на реке *Баньке* (в 25 км на запад от Москвы) в середине XVI в. было 16 деревень. У села Нахабина (на запад от Сабурова) в начале того же века было два десятка деревень. Под самой Москвой у села Кудрина в 1490 г. было 14 деревень, поставленных на полянах, расчищенных от леса, и на берегу *Москвы-реки*. Ни одной из этих деревень в настоящее время не существует.

Частные случаи могут показаться неубедительными, но в сохранившихся писцовых книгах XVI—XVII вв. мы имеем массовый материал и везде находим одно и то же: возле многочисленных существующих ныне селений перечисляется большое количество пустошей, «что были деревни».

У читателя, естественно, возникают вопросы: как, когда и почему исчезли мелкие деревни-хутора, изменился тип подмосковных селений и вообще сельский ландшафт получил иной вид?

Если мы станем сравнивать селения, типичные для XIV—XV вв., охарактеризованные выше, с селениями XIX в., то сразу становится ясным, что мы имеем дело с двумя различными мирами, что переход от одного типа к другому был весьма длительным и что изменение характера селений, в сущности, было лишь внешним проявлением глубочайших перемен в социальной и экономической жизни Подмосковья, в быте населения и в технике, во всем строе сельского хозяйства. XVI в. был переходным временем от древнего типа селений к новому.

В условиях первичной расчистки лесов под пашню, при большом земельном просторе, крестьяне предпочитали селиться мелкими деревнями на полянах и не встречали в этом препятствий со стороны землевладельца. Крестьяне в это время каждый за себя договаривались с землевладельцами о тягле и условиях землепользования. В дальнейшем укрупнение селений обуславливалось развитием экономики в стране. Связано оно было также с естественным приростом населения и интересами землевладельцев. Уже в конце XV в. известны, правда редкие случаи, когда землевладелец соединял 2 — 3 деревни в одну в видах более удобного и выгодного использования земли и договора с крестьянами. Однако и в первой половине XVI в. укрупнение селений происходило очень медленно. На больших земельных просторах все еще возникали мелкие деревни старого типа.

Процесс укрупнения селений был прерван в третьей четверти XVI в. Затяжная война за Прибалтику, тяжелые чрезвычайные налоги, две эпидемии, неурожай и голодовки этого времени отразились особенно тяжело на Подмосковье. Страшные опустошения в Подмосковье произвел майский набег (1571 г.) крымского хана Девлета, когда Москва

была сожжена и ее ближайшие окрестности разграблены. После заключения в 1582 – 1583 гг. мира с Польшей и Швецией Подмосковье стало медленно оправляться от перенесенных бедствий. Произведенные в это время описания дают яркую картину глубокого разоренья и большой убыли населения. Множество мелких селений запустело, и пашня поросла лесом «в жердь и в кол», а где и в «бревно». Начавшийся процесс медленного подъема Подмосковья вскоре был прерван, и в начале XVII в. наступил второй период величайших бедствий — польско-шляхетская интервенция, длившаяся много лет.

Катастрофические события этих двух периодов уничтожили огромное количество селений. Во многих местах от селений не осталось никакого следа, и пашня поросла лесом. Когда после заключения мира со шведами и с Польшей открылась возможность вернуться к мирному труду, то восстановление селений и хозяйства происходило в условиях, во многих отношениях отличных от времен первичного заселения Подмосковья. Не входя в подробности по этому интересному вопросу, следует сказать о закреплении крестьянства.

Какой бы тяжкой ни была эксплуатация сельского населения в XIV–XVI вв., остается несомненным, что в это время за крестьянином все-таки оставалась известная свобода передвижения и выбора места поселения. В XVII в. крестьянин уже был лишен всякой возможности отказа и выхода (т. е. перехода от одного владельца к другому), а вместе с тем и возможности выбора места и условий поселения. Если вольный человек рядился в крестьянство вновь, то он должен был селиться там, где указывал ему землевладелец. В XIV в. в условиях большого земельного простора, при необходимости затратить много труда на расчистку леса, землевладельцы в своих личных интересах предоставляли крестьянину возможность селиться там и так, как он предпочитал. Риск устройства нового хозяйства падал на крестьянина, а землевладелец если принимал участие в устройстве на новом месте, то не столько судами, сколько льготами в податях и защитой крестьян от сторонних людей.

Расселение крестьян в мелких деревнях было сопряжено с беспорядочным использованием природных богатств и в первую очередь — леса. Оно было возможным и целесообразным только при большом земельном просторе и при редком населении. Расчищенные под пашню земли быстро истощались, тогда их бросали и расчищали новые участки. Обитатели мелких деревень содержали обыкновенно скот на воле, беспастушно, что тоже вызывало истощение лесного богатства. Наконец следует отметить, что поселение крестьян в мелких деревнях было невыгодно землевладельцам в том отношении, что не давало им возможности ввести нормы земельных наделов и повинностей. При

таких условиях землевладельцу по необходимости приходилось основывать свои отношения с крестьянами на договорных началах.

После лишения крестьян права отказа и выхода землевладельцы стали восстанавливать свои разрушенные усадьбы на новых началах. Они собирали оставшихся крестьян, призывали на льготу новых тягловцев и селили их в своих селах и сельбах, возле господского двора. Так прекратилось возникновение мелких деревень-хуторов и стали образовываться крупные селения нового типа.

Если мы возьмем существующие ныне селения Подмосковья и попытаемся выяснить время их происхождения, то увидим, что по меньшей мере девять десятых этих селений очень древнего происхождения. Значительная часть этих селений относится к тем, которые запустели во время интервенции и были восстановлены в 30-х годах XVII в., в период изживанья разорений предшествовавшего времени.

Таким образом, во второй половине XVII в. уже сложился тот комплекс селений Подмосковья, который в своей массе сохранился до наших дней.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ

НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ СЕЛЕНИЙ ПОДМОСКОВЬЯ

В Подмосковье существует много селений, которые сами по себе не отмечены какими-либо крупными историческими событиями, но заслуживают внимания. В названиях селений нередко находятся следы и отзвуки крупных событий, которые происходили в Подмосковье на протяжении многих веков.

Если Москву и Московскую область можно по справедливости назвать колыбелью Русского централизованного государства, то названия подмосковных селений можно сравнить с «Книгой бытия» Северо-Восточной Руси. Много интересных страниц вписала история в эту «Книгу», читать и понимать которую должны помочь совместными усилиями историки, археологи и лингвисты.

СЛЕДЫ И ОТЗВУКИ КРУПНЫХ СОБЫТИЙ В НАЗВАНИЯХ СЕЛЕНИЙ

АКАТОВО, МЕШКОВО, ВАЛУЕВО-ПОКРОВСКОЕ

В верховье реки *Ликовы*, являющейся притоком *Десны*, слева находится селение Акатово-Бараново. Ниже по течению *Ликовы*, в 3 – 4 километрах, с правой стороны, лежит селение Мешково, а еще ниже на таком же расстоянии – село Валуево-Покровское.

Все эти селения в начале XIV в. входили в состав большого владения Валуевых, Акатьевичи Валуевы были коренными москвичами и соратниками первых московских князей. Акатий в первой четверти XIV в. устроил в Звенигороде слободу, вероятно, по поручению Ивана Калиты, в духовной грамоте которого она упоминается.

Площадь подмосковной вотчины Акатия на реке *Ликове* можно определить по позднейшим описаниям примерно в 1.300 га.

600 лет назад долина реки *Ликовы* представляла большие удобства для поселения. В речке было достаточно воды, чтобы ставить мельницы, в прибрежных лесах водилась дичь и было приволье для пчеловодства, по берегам речки лежали места, удобные для огородничества, хорошие

луга. Отсутствие болот позволяло в любом месте расчистить лес под пашню.

После Акатия вотчина досталась его сыну Василию – боярину великого князя Симеона Гордого, а затем его внуку Тимофею, носившему прозвище *Валуи* (что значит гриб из рода сыроежек). Тимофей Васильевич *Валуи* был окольным великого князя Дмитрия Донского и пал смертью храбрых на Куликовом поле (1380 г.), стоя во главе Юрьевского и Коломенского полков.

Сыновья Тимофея *Валуя*, Даниил и Федор, были в боярах у великого князя Василья Дмитриевича. Летописи отмечают, как выдающееся событие московской жизни, что «Тое же осени (1382 г.) Федор Тимофеевич убиен бысть от своего лукавого раба». Даниил Тимофеевич в 1392 г., с боярином Ив. Дм. Всеволожем, был послан в Великий Новгород брать «черной бор». Это было очень ответственное и не всегда безопасное поручение, так как новгородцы очень неохотно, с постоянными пререканиями и задержками платили великому князю «черный бор» – свою долю в дани, которую Русь должна была платить Орде.

С течением времени потомки Акатия дробили в семейных разделах вотчину Акатия и отчуждали ее по частям. В начале XVI в. вотчина Акатия была разделена на 6, а в середине века на 8–10 частей. Между прочим, Григорию Михайловичу, носившему прозвище *Мешок*, принадлежало село, названное по владельцу: *Мешковым*.

Одним из последних владельцев *Валуева-Покровского* был Григорий Леонтьевич *Валуев*, прославившийся как хороший воевода в Смутное время и при освобождении Руси от шляхетских интервентов.

МАРФИНО, ВЕЛЬЯМИНОВО, ВОРОНЦОВО

Находившиеся на реке *Лихоборке* *Марфино* и *Вельяминово* связаны с родом *Вельяминовых*, которые занимали среди бояр – коренных москвичей одно из первых мест.

Родоначальником *Вельяминовых* был Протасий Федорович. При первых московских князьях он был боярином и тысяцким, т. е. главнокомандующим Московского княжества. О доверии к нему московских князей Юрья и Ивана Даниловичей свидетельствует то, что они во время своих отлучек оставляли Москву и все княженье на попечение Протасия Федоровича. В числе потомков Протасия был боярин Федор Воронцов. Когда пресекались старшие линии, выдвинулись *Воронцовы*. Они занимали первые места в боярской среде до пресечения фамилии *Воронцовых* в 1579 г. со смертью окольного Василия Федоровича, убитого при осаде Кеси.

Естественно, что Вельяминовы, занимая такое высокое положение, владели под Москвой многочисленными вотчинами и оставили по себе много следов в Подмосковье.

Одна из древнейших вотчин Вельяминовых находилась на нижнем течении Яузы. В середине XIV в. она принадлежала вышеупомянутому Федору Воронцу, и память о ней сохранилась в названии улицы Москвы, до недавнего времени носившей архаическое название — Воронцово поле (ныне [1940-е годы] улица Обуха). Тому же Федору Воронцу принадлежало подмосковное село Воронцово, за Калужской заставой.

История селений Марфино и Вельяминово такова. Протасий Федорович был патроном и строителем монастыря Богоявленья, «что за Ветошным рядом, в Китае городе». Он построил в монастыре каменный храм, одно из первых каменных зданий в Москве, и дал монастырю Вельяминово и Марфино. По позднейшим описаниям, в этом владенье было около 230 га земли. В 1596 г. власти монастыря променяли Вельяминово и Марфино князю Дм. Ив. Шуйскому на сельцо Топорково, на реке *Жабне*, притоке *Лихоборки*. Запустевшее в XVII в. Топорково находилось возле села Семчино. В 1639 г. князь Ив. Ив. Шуйский вернул Вельяминово и Марфино Богоявленскому монастырю, а в 1653 г. власти монастыря променяли Вельяминово патриарху, во владение которого Вельяминово получило свое современное название — Владыкино.

ПРОТАСЬЕВО, ИВАНОВСКОЕ, ДРАЧЕВО

Две старинные вотчины Вельяминовых мы находим на север от Москвы — одну на *Клязьме*, а другую на нынешнем канале имени Москвы. Возле канала находятся селения Протасьево и Ивановское, а на другой стороне канала — село Драчево. В писцовых книгах XVI в. возле Драчева упоминается запустевшее сельцо Воронцово. По актовым источникам известно, что во второй половине XV в. Протасьево и Драчево принадлежали Вас. Ив. Шадре-Вельяминову и в 1541 г. были даны его сыном Троице-Сергиеву монастырю. Таким образом, можно представить себе историю этого владения. В начале XIV в. оно принадлежало Протасию Федоровичу, а потом его внуку Федору Воронцу. Затем часть владенья по разделу досталась Ивану Васильевичу. Протасьево и Драчево позже перешли к младшей линии рода и, наконец, были отданы Троицкому монастырю.

ФЕДОСКИНО, АКСАКОВО, МИКУЛЬСКОЕ

Ближе к Москве, на реке *Клязьме* находятся ныне селения Федоскино, Аксаково и Миккульское. Очень возможно, что в XIV в. это была

вотчина Миккулы Васильевича, убитого в 1380 г. на Куликовом поле, свояка великого князя Дмитрия Донского. В середине XV в. Федоскино и Аксаково принадлежали Ивану Федоровичу Вельяминову, носившему прозвище Аксак, родоначальнику известной в истории русской культуры фамилии Аксаковых. Летописи в рассказе о хане Темир Аксаке (Тамерлан) поясняют, что Аксак на «половецком» (тюркском) языке значит хромец, а Темир — железо. Отсюда название Тамерлана «Железный хромец». Во второй половине XVI в. Федоскино как старинная вотчина принадлежало Андрею Ивановичу Батраку Вельяминову, а Аксаково и деревня Даниловская — его брату Леонтию Ивановичу.

История одного из Вельяминовых — боярина Ивана Васильевича, имевшего владения под Москвой, заслуживает внимания.

Иван Васильевич был старшим сыном последнего тысяцкого московских князей — Василья Васильевича. После смерти отца Иван Васильевич как старший в роде претендовал на должность тысяцкого, которую занимали его предки, но правительство великого князя Дмитрия Ивановича решило упразднить эту должность, дававшую в разросшемся государстве слишком большую власть лицу, занимавшему ее. Иван Васильевич принял это решение великого князя Дмитрия как личную обиду и с досады «отъехал» к сопернику и врагу великого князя Дмитрия — к тверскому князю Михаилу. Соблазнителем и пособником явился ловкий грек, сурожский гость Некомат, которому москвичи дали нелестное прозвище Брех, что значит враль, сплетник, смутьян. Некомат, хорошо знакомый, по своей профессии сурожанина, со всеми путями-дорогами в Орду, быстро съездил в ханскую ставку, большими подарками «умздил» хана и его вельмож и получил ярлык на великое княженье тверскому князю. Великий князь Дмитрий не обратил внимания на добытый таким путем ярлык и управился с тверским князем своими средствами, «на всей своей воле». Тогда Иван Васильевич и Некомат подбили татар пойти на Москву, но великий князь Дмитрий Иванович предупредил нападение татар, встретил их на реке *Воже*, в пределах Рязанского княжества, и разбил наголову.

Иван Васильевич в это время был задержан в Орде, а после поражения татар бежал и пробирался окольными путями в Тверь. За ним следили: схватили где-то в пределах Серпуховского княжества, привели в Москву и казнили на Кучкове поле. Казнь такого большого боярина произвела в Москве сильное впечатление, и летописец рассказывает, что при казни его «множество народа стояще». Родословцы добавляют, что у Ивана Васильевича было потомство, перечисляют его до середины XVI в. и прибавляют, что оно в своем роду «в счете не стояло», т. е. было из среды родословных служилых людей. Так преступление Ивана

Васильевича более 150 лет тяготело над его потомством в назидание всему служилому люду.

Несколько времени спустя был пойман в Москве и казнен и Некомат. Все вотчины Ивана Васильевича и Некомата были конфискованы, о чем есть упоминание в духовной грамоте великого князя Василья Дмитриевича.

ИВАНОВСКОЕ

Ивану Васильевичу Вельяминову принадлежало много вотчин и среди них село Ивановское на реке *Северке* в бывш. Левичине стану Коломенского уезда, близко от границ Московского уезда. Обращает на себя внимание то, что в 4 км от этого Ивановского находится упоминавшееся выше селение Микулино, возможно — вотчина брата Ивана Васильевича, Микулы, убитого на Куликовском поле. Соседство этих двух селений может быть и случайным, но нельзя не обратить внимания на то, что на север от Ивановского и Микулина мы находим еще два селения — Протасьево и Ивановское. Все это дает основание предположить, что в XVI в. здесь была одна очень большая или две крупные вотчины Протасия Федоровича и его ближайших потомков.

ПРОТАСЬЕВО, ВАСИЛЬЕВО, ТИМОФЕЕВО

О другой вотчине Ивана Васильевича мы можем говорить увереннее. В духовной великого князя Василья Дмитриевича (1425 г.) упоминается «село Ивановское Васильевича в Гремичах». Гремичами называлась местность на реке *Протве*, непосредственно на юг от Вереи, и здесь, в 5 — 7 км от Вереи, находятся три селенья в смежности и недалеко одно от другого; Протасьево, Васильево и Тимофеево. В связи с указанием на село Ивановское в Гремичах можно с большой вероятностью сказать, что в начале XVI в. здесь была большая вотчина Протасия, перешедшая к его сыну Василью, потом к внуку Тимофею, а затем и к правнуку Ивану Васильевичу, у которого была конфискована в 1379 г.

Подмосковные владения Вельяминовых представляются типичный для крупного боярства первых веков существования Русского государства. В XIV — XV вв. мы находим Москву, окруженной множеством вотчин, иногда весьма крупных, принадлежавших первым соратникам и сотрудникам московских князей. В XV в. картина мало-помалу начинает изменяться. Крупные владения дробятся во время семейных разделов, отчуждаются в большом количестве в монастыри, бывшие дружинники-бояре мельчают, и перед лицом московских государей XVI в. оказывается многотысячная толпа рядовых служилых людей. Среди них

много безземельных, все они не могут уже существовать без княжеского денежного жалованья и поместий. Соответственно с этим изменяется весь характер подмосковных селений.

Новые землевладельцы — помещики и старые вотчинники берутся за сельское хозяйство и за более интенсивную эксплуатацию крестьянского труда. Они ликвидируют множество мелких деревень-хуторов, стягивают тяглое население в села и в конце XVI в. переходят к закреплению крестьянства. После иностранной интервенции начала XVII в. процесс образования селений совсем прекращается. Восстанавливаются только старые селения.

СЕЛЕНИЯ ПРЕДКОВ А. С. ПУШКИНА

Мало кто знает, насколько тесно связаны были с Подмосковьем Пушкины. Целый ряд нынешних селений некогда являлся владениями предков великого русского поэта.

Первым историческим лицом из рода Пушкиных был Гаврило Алексич, витязь великого князя Александра Ярославича Невского, прославившийся в битве со шведами на *Неве* в 1240 г. Летописцы рассказывают, что Гаврило Алексич на коне вскочил на сходни вражеского судна, был сбит с конем в воду, но выбрался из воды, вновь налетел на неприятелей, врубился в гущу врагов и убил самого «епископа и воеводу».

По родословным преданиям Пушкиных Гаврило Алексич был правнуком Ратши и внуком его сына Якуна Ратшича. Ратша, Якун и Алекса — все это западнорусские и, в частности, новгородские формы имен Ратибор, Яков и Алексей.

Сыновья Гаврила Алексича, Иван Морхиня и Акинф Великой, как полагалось древним дружинникам, после смерти Александра Невского стали служить его сыновьям.

У сына Ивана Морхини — Александра Ивановича Морхинина было пять сыновей, из которых старший — Григорий — носил прозвище Пушка и стал родоначальником Пушкиных.

Григорий Александрович Пушка и его ближайшие потомки были очень богатыми людьми, но довольно скоро растеряли свои первоначально большие вотчины. По различным актовым источникам и по названиям селений можно составить очень большой список подмосковных селений, принадлежавших в разное время Пушкиным. Из числа этих селений отметим наиболее древние, а также те, которые остались у Пушкиных до XIX в.

Отметим прежде всего те селения, названия которых связаны с прозвищами Григорья Пушки и его ближайших потомков, живших в XV в.:

Федора Товарка (сына Пушки), Михаила Рожна, Михаила Мусы и Василия Улиты. В ближайшей округе Москвы, радиусом примерно в 35 км, мы находим восемь селений Пушкиных: одно *Товарково*, два *Рожнова*, *Мусино* и *Улитино*. Названия селений, взятые сами по себе, могут показаться неубедительными, но во многих случаях при помощи позднейших актовых источников можно доказать принадлежность этих селений Пушкиным.

Особенный интерес представляет один район Подмосковья, в котором Пушкины жили с XV в. и сохранили небольшие остатки былых владений до А. С. Пушкина. Это – бассейн среднего и нижнего течения реки *Истрицы*.

Великий князь Иван Калита в своей духовной грамоте 1328 г. упоминает между прочими владениями Мушкову гору, которую он завещал своей жене. Несколько позже упоминается погост Троицы на Мушковой горе или просто Мушков погост. В древности Мушков погост был центром целого района – Мушкова стана Дмитровского княжества, позже – уезда. Селения Мушкова стана были расположены справа от *Истрицы*, на север и северо-запад от города Воскресенска, ныне – Истры. На самой *Истре* находится ныне селение *Бужарово*^{*}, а несколько выше – *Ломиишино* и *Верхуртово*. На запад от них селения: *Ананово*, *Мушкино*, *Зорина*, *Мартюшино*, *Матвейчиково* и *Синева*, позже Синее-Семеновское. На левой стороне Истры селения – *Софоньево*, *Скориково*, *Степанкова*, *Куртасово*, *Огниково* и *Рожново*. Последнее селение ныне затоплено Истринским водохранилищем.

Все перечисленные выше селения лежали смежно и в первой половине XV в., несомненно, составляли одно очень крупное владение. Во второй половине XV века мы находим части этого владения в вотчинах за всеми сыновьями и внуками Григория Пушки, в том числе внука Константина, прямого предка А. С. Пушкина.

Нет никакой возможности проследить все разделы, переделы, продажи и покупки, которые совершались Пушкиными на этой территории за 400 лет. Для общего ознакомления достаточно будет остановиться на нескольких моментах, представляющихся наиболее характерными.

БУЖАРОВО. В 1512 г. Ирина Товаркова уступила Иосифову Волоколамскому монастырю за долг в 500 руб. село Бужарово с шестью

^{*}Наякартахя, явясп, скахянаселенныхяместяназван, яяселен, йяподвергаютсяявсевозможными, скажен, ямяВястарыхяактахя, ногдап, шетсяяБужарово, ятояяпредставляетсяяболеяяправ, льнымя

надцатью деревнями. В конце XV и в XVI в. Пушкины (Курчевы и Внуковы) раздавали по частям свои жребьи в родовой вотчине Чудова и Иосифову монастырям. Тем не менее, Пушкины продолжали сохранять остатки своих вотчин, а после Смуты сделали попытку их увеличить. В 1627 г. Пушкины всем родом – шесть глав семейств рода – выкупили у Чудова монастыря Синее-Семеновское, Матвейчиково и Мушков погост. Кроме того, Федор Федорович выкупил у Зыбина село Рожново-Павловское.

СИНЕЕ. Пушкины не только выкупили село Синее, но также занялись восстановлением своего родового богомолья на Троицком погосте. Писцовая книга 1627 г. сообщает, что на погосте церковь, а в ней вся утварь, книги, свечи, ризы и образа и «всякое церковное строение Федора Семенова сына да сына его Федора Пушкиных». По тем же писцовым книгам за Пушкиными записаны следующие старинные вотчины: село Синее-Семеновское за Федором Федоровичем и Федором Тимофеевичем; Ананово, Степанчиково, Матвейчиково и Мушков погост – за думным дворянином Гаврилой Григорьевичем (выведенным А. С. Пушкиным в «Борисе Годунове»); Лунево – за сыновьями Григорья Сулемши – Пушкина.

Село Синее имело очень скромный вид и небольшое хозяйство. На дворе вотчинников жило пять «деловых» людей, да в особых дворах приказчик и еще пять «деловых» людей. Пашни в селе было всего 15 десятин, перелог – 18 десятин, да под лесной порослью десятин 35. В сельце Рожнове было три семьи «деловых» людей, а крестьян, как и в Синем, не было.

После Федора Федоровича и Федора Тимофеевича село Синее досталось Ивану Федоровичу, который принял за хозяйство. В 1644 г. он взял у властей Иосифова монастыря в пожизненное владение пустоши Мартюшину и Сонину на льготу, на 6 лет, и дал такое обязательство:

«И мне Ивану в те 6 лет посадить -на тех пустошах своих вотчинных крестьян 4-х человек, а пятого крестьянина посадить в 10-й год... и дворы им крестьянские устроить...» «и пашня мне велеть распахать и санные покосы раскосить и леса пашенные распахать и расчистить». После льготных лет Иван Федорович Пушкин обязался платить в монастырскую казну по 4 руб. в год, а за каждого непосаженного по условиям крестьянина – по 50 руб. Пушкин обещался после своего живота вернуть взятое имение монастырю «со крестьяны и с хлебом стоячим и с молочным и с земляным и со всеми крестьянскими животы, и со всем с тем, что на тех пустошах устройства будет... по моей душе на вечной поминок».

Иван Федорович Пушкин, вероятно, добросовестно старался исполнить принятое на себя обязательство, но, очевидно, это было не просто.

По переписи 1678 г. село Синее было за ним, а в селе были: двор вотчинника с дворовыми людьми, двор приказчика и три двора крестьян с десятью человеками, а в Мартюшине было всего два двора, а в них восемь крестьян.

В 1705 – 1715 гг. Синее-Семеновское было за его сыном, Иваном Ивановичем. По переписи 1705 г. в селе было: двор вотчинника с 4 дворовыми людьми, двор приказчика с 3 человеками и 5 дворов крестьянских с 6 душами. По ландратской переписи 1709 г. – двор вотчинника с 3 людьми и 4 двора крестьянских с 11 душами. Наконец, по переписи 1715 г. – двор вотчинника с 17 людьми и 4 двора крестьянских с 13 душами.

Иван Иванович, не имевший детей, по духовной 1718 г. завещал все свое состояние Александру Петровичу, прадеду Александра Сергеевича.

Александр Петрович был невидным представителем рода. Он начал службу рядовым Преображенского полка и в 1722 г. получил чин капитанармуса, но на этом окончилась его карьера. В 1725 г. он в припадке ревности убил свою жену, был посажен за это в тюрьму, где и умер. Село Синее перешло к его сыну Льву. Лев Александрович был капраном артиллерии, когда произошел переворот 1762 г., возведший на престол императрицу Екатерину II. Лев Александрович, поддерживавший Петра III, после переворота был посажен за это в тюрьму. Так служебная карьера его была окончена, и он, просидевши в тюрьме около двух лет, вышел в отставку и деятельно занялся приведением в порядок родового имущества, расстроенного его отцом. Про него А. С. Пушкин в своем стихотворении «Моя родословная» писал:

Мойдед, якогдамятежяподнялся
 Средьяпетергофскогодвора,я
 КакаМинихиввереняоставался
 ПаденьяоттретьегояПетра.я
 ПопаляивячестьятогдаОрловыия
 Аядеямойвякрепостьявьякарантии
 Ияприсмирелянашяродясуровыйи
 Ияяродилсяямещанин.я

При Лье Александровиче, по третьей ревизии 1760–1782 гг., в селе Синем, Мушкино тож, числилось 20 душ мужского пола и 12 душ женского пола, в селе Ананове – 47 и 32 души, а в Мартюшине – 15 – 13 душ.

После Льва Александровича Синее-Семеновское перешло к его сыновьям, но было ли оно во владении отца Александра Сергеевича и когда было отчуждено Пушкиными, остается пока невыясненным.

Кроме описанного выше массива земель по обеим сторонам *Истры*, ближе к Москве Пушкиным принадлежали в XV–XVII вв. отдельные

владения на нижнем течении *Истры* и на реке *Всходне* и ее притоке *Горедве*. Так, например, Константин Никитич (внук Григория Пушки) около 1475 г. продал князю Д. Д. Холмскому за 50 рублей села Петровское и Федоровское, на юг от реки *Истры*, на границе Московского уезда. Приблизительно тогда же его племянник, Давид Иванович Курчев, дал Симонову монастырю деревню Гавриловскую на реке *Всходне*, «на поминоку душ» дедушки своего Никиты Григорьевича и отца своего Ивана Никитича. Недалеко от деревни Гавриловской у Давида Курчева была большая вотчина (слева от *Истры*) – село Вогнениково (ныне Огниково) с деревнями.

Не входя в излишние подробности, сообщим, что по писцовым книгам 1623 г. четырнадцати Пушкиным принадлежало в ближайших окрестностях Москвы не менее двадцати владений, большей частью небольшого размера. Отметим из них наиболее древние.

ВИНОГРАДОВО. В 18 км от Москвы находится ныне село Виноградово на Долгих прудах. В XVI в. деревня Дубровки, Виноградово тож, принадлежала упомянутому выше Гавриле Григорьевичу, а после его смерти (1645 г.) его сыновьям – Григорью и Степану. При них в деревне Дубровках была поставлена церковь, и Виноградово стало селом. Братья Гавриловичи были выдающимися деятелями царствования Алексея Михайловича. Григорий Гаврилович, любимый думец царя Алексея, за успешно проведенное посольство в Польшу (1646 г.) был пожалован в бояре. Сокольничий Степан Гаврилович в 1650 г. был также послом в Польшу. У Григорья сыновей не было, и после его смерти село Виноградово осталось за Степаном, а затем перешло к его сыновьям Якову и Матвею. Бояре Яков и Матвей Степановичи были в XVII в. самыми видными представителями рода Пушкиных и пользовались большим влиянием при дворе, но их слишком тесные связи с старообрядчеством кончились катастрофой, в результате которой все Пушкины навсегда утратили свое место в среде московской знати. Сын Матвея, молодой стольник Федор, женатый на дочери Алексея Соковнина, за участие в заговоре Соковнина и Цыклера на жизнь Петра был в 1697 г. казнен, А. С. Пушкин упоминал о нем в своей «Родословной»:

Упрямяствяду. янамявсемяподгадил:я
 Вьяроднюясвоюянеукротимия
 СяПетромьямойяпращурянеяполадилля
 Иябылязаягояповешениям.я

Но, кажется, А. С. Пушкину было неизвестно, что дело этим не ограничилось, что отец Федора, боярин Матвей, был сослан в Сибирь, а его брат Яков, как менее виновный, был сослан на Белоозеро и прину-

дительно пострижен. Впрочем, Петр I милостиво обошелся с опальными Пушкиными и разрешил им передать часть вотчин своим родичам. Таким образом, село Виноградове досталось Петру и Ивану Калининновичам Пушкиным. В 1729 г. Иван Калининнович продал Виноградове князю Василию Владимировичу Долгорукову, и таким образом эта старинная вотчина Пушкиных вышла из их рода.

СЛЕДЫ НОВГОРОДСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ

В названиях существующих ныне селений мы можем нередко найти несомненные следы новгородского происхождения. Таковы, например, **Коломна, Хотунь, Лопасня, Хочема** (возле Каширы), **Ситня, Талеж**; на север от Москвы — **Радомя, Радонеж** (ныне — Городок), **Витейнево** и др. Селения с такими названиями мы находим в настоящее время и в Новгородской области.

ЖИРОШКИНО

В 12 км от Бронниц ныне находится селение **Жирошкино**. Это — очень древнее селение: оно упоминается в духовной грамоте 1406 г. вел. кн. Василья Дмитриевича. Жирошка — уменьшительное от имени Жирослав. Славянское имя Жирослав было в большом распространении в Новгороде и в западнорусских землях. Из летописей нам известно несколько выдающихся лиц, носивших это имя.

Показательна значительная группа селений с новгородскими формами личных имен. Дело в том, что в Новгородской области были в большом употреблении такие формы имен, которые в северовосточной Руси не привились: Гавша — Гавриил, Павша — Павел, Парамша — Парамон, Прокша — Прокофий, Перша — Порфирий и т. п. В ближайших окрестностях Москвы мы находим следующие селения:

Гавшино — на реке *Наре*, недалеко от Серпухова, и другое — в 15 км от *Рузы*.

Павшино — на реке *Москве*, в 18 км на запад от Москвы. **Першино** — четыре селения в бывших Звенигородском, Верейском, Бронницком и Серпуховском уездах.

Прокшино — одно селение в 18 км от Подольска и два селения в бывш. Дмитровском уезде.

Новгородского же происхождения такие названия, как **Алехново** на *Истр*е (Алехно — Алексей), **Вантеева** и **Вантеевка** (Вантей — Иван).

Надо сказать, что выходцы из Новгорода оставили по себе следы в нашей истории. Следует упомянуть Федора Александровича Кутузова, родоначальника фамилии Кутузовых, внука новгородского боярина Прокши Андреевича*.

От Федора Кутузова и его братьев пошли фамилии Кутузовых и Голенишевых-Кутузовых, из которых вышел наш знаменитый полководец Михаил Илларионович Кутузов-Голенищев. Федор Кутуз, живший во второй половине XIV в., был очень богатым человеком. Он и сам и его ближайшие потомки обзавелись под Москвой вотчинами, породнились с виднейшими московскими боярскими родами и вошли в боярскую среду как свои люди.

Многие Кутузовы сложили свои головы в боях за родину. Сын Федора Кутуза, Иван Федорович, был убит в 1436 г. под Белевом в бою с татарами. В кровопролитном бою с татарами в 1453 г. были убиты: брат Кутуза — Григорий Горбатой с сыном Дмитрием и племянник Александр Ананьевич. Василий Федорович Кутузов, третий сын Кутуза, был видным боярином великого князя Василия Темного и оказал ему большие услуги в борьбе с мятежными удельными князьями.

Выдающимся воеводой, а в конце жизни — боярином был Федор Юрьевич Щука Кутузов.

ПЕЧАТНИКОВО

С прозвищем Федора Кутуза связан целый ряд существующих ныне подмосковных селений, не считая исчезнувших, известных нам из разных источников. На территории бывш. Московской губернии мы находим, по спискам населенных мест, семь селений Кутузовых. Некоторые селения носили двойное название, из которых до наших дней удержалось одно. Например, подмосковная деревня Печатниково — против Нагатина, за рекой Москвой — раньше называлось Кутузовой.

Из этих селений первым Кутузовым принадлежали уже в XV в. следующие: **Кутузово** в 5 км от Подольска, **Кутузово** на *Истр*е в бывш. Звенигородском уезде, упомянутое выше **Кутузово-Печатниково**, сельцо **Кутузово** на реке *Горедве*, в 32 км на северо-запад от Москвы.

ЩУКИНО

Подмосковное селение Щукино на реке *Москве* в конце XV в. принадлежало упомянутому выше боярину Федору Юрьевичу Щуке.

я

*ЯКутузья—яподушка,якоторойяпользуютсяякружевн, цыяпр, яплетен, , якружевяНаяВостокеякожаныяякутузяяодкладывал, яюдытебя,ягадысяянавелюя

МИСИНО

По сохранившимся актам известна большая вотчина Кутузовых на реке *Яхроме* на запад от Дмитрова, где ныне находится селение Мисино, получившее свое название от Александра Григорьевича, носившего прозвище Миса.

НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВЫХОДЦАМИ ИЗ ЮЖНОЙ РУСИ

Богатая в древности и высококультурная Киевская Русь во второй половине XIII в. была окончательно запустошена неоднократными нашествиями степных кочевников. В последних годах этого века Максим, митрополит всея Руси, решил покинуть разоренный Киев и перенес свою резиденцию в северо-восточную Русь — во Владимир-на-Клязьме. Тогда же в северо-восточную Русь — и, в частности, в Москву и Тверь — потянулось население разных званий и слоев.

В этом потоке переселенцев, в последних годах XIII в. прибыл в Москву черниговский боярин Федор Бяконт. Как тогда полагалось, он переселился «всем родом», т. е. с чадами и домочадцами, слугами и рабами. Московский князь Даниил Александрович принял Федора Бяконта с честью, пожаловал его в бояре и дал ему вотчины в своем княжестве. При сыновьях Даниила Александровича, Юрье и Иване Калите, Бяконт был наместником Москвы и управлял Московским княжеством во время частых отлучек князей в Орду и в походы.

Федор Бяконт прижился на новой родине и стал родоначальником нескольких значительных исторических фамилий. Старшим сыном его был митрополит всея Руси — Алексей, первый русский человек на митрополичьем столе. Хорошо образованный, преданный интересам родины, митрополит Алексей пользовался большим авторитетом в Константинополе и в Орде и неизменно стоял на страже интересов Московского великого княжества. Большая роль, которую он сыграл в возвышении Москвы и в борьбе московских князей за единство Руси, хорошо выяснена в исторической науке. Об авторитетности Алексея в среде московского правительства свидетельствует то, что во время малолетства вел. кн. Дмитрия Ивановича он в течение ряда лет был главой и руководителем внешней политики московского правительства. Младший брат митрополита Алексея — Александр носил прозвище Плещей, что значит — широкоплечий, и от него пошла известная в истории фамилия Плещеевых.

Плещеевы и другие потомки Федора Бяконта в течение 300 лет занимали видные места в среде московского боярства. Михаил Борисович Плещеев во время борьбы великого князя Василья Темного с мятежными княжатами оказал великокняжескому дому большие услуги. Между прочим, в 1447 г. он «изгоном», т. е. внезапным налетом, «с малыми зело людьми» (с небольшим войском) занял Москву и захватил в ней наместника мятежного князя Дмитрия Шемяки. Семья Михаила Борисовича выделялась в боярской среде своей культурностью и образованностью. Из нее в конце XV и в начале XVI в. вышел ряд выдающихся дипломатов — послы в Данию, Польшу, Валахию и наш первый посол в Турцию — Михаил Андреевич (1497 г.).

БЯКОНТОВО, ПЛЕЩЕЕВО

Названия многих селений Подмосковья связаны с именем потомков Бяконта.

Километрах в семи от Подольска находится ныне небольшая деревня Бяконтово, а ближе к Подольску, в 4 км, на *Пахре*, другая небольшая деревня — Плещеево. В начале XIV в. эти селения были вотчиной Федора Бяконта, а затем его сына Александра Плещея, боярина Дмитрия Донского.

Другое селение Бяконтово мы находим в 39 км на север от Москвы (теперь за каналом имени Москвы). Нахождение Бяконтова в этой местности едва ли случайность. Дело в том, что митрополит Алексей получил от московских князей для обеспечения митрополичьего дома большое владение, так называемую Селецкую волость, получившую свое название от ныне существующего села Троица Сельцы при реке *Уче*. Северная граница обширной Селецкой волости близко подходила, быть может, была даже смежной, с селением Бяконтово.

Отметим еще, что на запад от Москвы, в бывш. Волоколамском уезде мы находим на реке *Ламе* селение Буконтово, несомненно — Бяконтово.

О ряде древних подмосковных селений Плещеевых можно сообщить некоторые небезыңтересные подробности.

РОСТОКИНО

Село Ростокино под Москвой, на реке *Яузе*, ныне вошедшее в черту г. Москвы, принадлежало упомянутому выше боярину Михаилу Борисовичу Плещееву. В 1447 г. Михаил Борисович передал село Ростокино Троице-Сергиеву монастырю, «с серебром и с хлебом и со всем, что к тому селу потягло и с пустошьми, куда топор и коса и соха ходили».

Серебром называли вообще деньги, а в данном случае серебром названы ссуды, розданные крестьянам. Выражение: «куда топор и коса и соха ходили» означает, что владение не было отмежевано от соседей и границы его определялись землепользованием ростокинских крестьян по старине.

По описанию последней четверти XVI в. в Ростокинском владении - было около 26 десятин. У села было две деревни - Высокая на Яузе и Чеснокова, да две пустоши, раньше бывшие деревнями. Под пашней было около 160 десятин, под перелогами - 50, под лесной порослью - 45, под дровяным лесом всего 10. Кроме пашенного хозяйства, доход давала мельница на Яузе - «мелет в двои жерновы» на монастырский обиход, а сверх того «сбирают от молотья найму на год по 10 рублев, а на иной год, коли вода больше, собирают по 15 руб. на год». «Да под селом же на реке Яузе в весну перевоз, собирают с него в монастырь по 2 рубля с полтиною на год»... «А крестьяне на монастырь оброку никакого не дают - пашут пашню да сена косят, да им же поделка на мельнице - ежевесен землю к заплотине и навоз носят и лес секут».

В Смутное время Ростокино сильно пострадало, и по описанию 1623 г. в нем было 15 дворов, по переписи 1646 г. - 21 двор, и, наконец, в 1704 г. числилось 27 дворов, а людей в них - 73 человека.

Как видно, Ростокино было небольшим владением типа промежуточных хозяйственных баз крупного московского боярства.

НАХАБИНО

У того же боярина М. Б. Плещеева несколько дальше от Москвы было очень крупное владение, в котором велось большое хозяйство. Это - село Нахабино, на реке *Нахабинке*, в 32 км на запад от Москвы, по Волоколамскому шоссе. В первой половине XV в. оно принадлежало отцу Михаила Борисовича, а затем ему самому. После смерти в 1468 г. Михаила Борисовича Нахабино досталось его сыну Ивану. По позднейшим описаниям в Нахабинском владенье было без малого 3.000 десятины земли и к нему тянули сельцо Караулово и десятка полтора мелких деревень. Иван постригся в Троицком монастыре и по духовному завещанию в 1492 г. дал сельцо Караулово Троицкому монастырю, а село Нахабино завещал в пожизненное владение своей матери, с условием отдать все владение после своей смерти тому же монастырю. Племянники Ивана Михайловича выкупили Нахабино у Троицкого монастыря и уступили его Петру Михайловичу Плещееву.

П. М. Плещеев был выдающимся деятелем своего времени и близким к вел. кн. Ивану III человеком. В 1482 г. он был послан в Валахию

и привез княжичу Ивану, наследнику Ивана III, невесту - дочь Валахского воеводы Стефана. В 1493 г. он был заместителем великого князя в Великом Новгороде. В 1503 г. П. М. Плещеев был в полномочном посольстве в Польшу и весьма удачно выполнил возложенную на него важную задачу. По духовной грамоте 1510 г. он дал село Нахабино своему сыну Василью, который вскоре продал его за 400 рублей Троицкому монастырю.

В руках хозяйственных троицких монахов Нахабино процветало, но в 1571 г. сильно пострадало от набега на Москву крымского хана Девлета. По описанию конца XVI в. сельцо Караулово запустело, а в селе Нахабине было 34 двора крестьянских, а к селу тянуло всего 5 деревень с 26 дворами. И это - при площади владения в 3000 десятин. События начала XVII века и в особенности разбой тушинцев окончательно запустошили Нахабино - все селения были сожжены дотла и земля поросла лесом «в кол и в жердь, а инде в бревно». Только в 1633 г. в Нахабине была восстановлена деревянная церковь Покрова Богородицы, и оно стало медленно заселяться, но весь ландшафт местности изменился. Мелкие деревни, прежде окружавшие село, не были восстановлены, и все население сосредоточилось в селе. По переписи 1646 г. в селе было 26 дворов, по переписи 1678 г. - 21, по описанию 1685 г. - 22 двора. И только в 1704 г. Нахабино достигло той степени населенности, на которой оно было до набега хана Девлета.

ЮРЛОВО

В заключение отметим еще одну подмосковную вотчину Плещеевых - селение Юрлово, в 20 км от Пресненской заставы. В конце XV в. оно принадлежало околичному великому князю Ивану III, второму сыну боярина Михаила Борисовича - Тимофею Михайловичу, носившему прозвище Юрло.

ВОЛЫНСКОЕ, ДАВЫДКОВО, ОЧАКОВО

Во второй половине XIII в. население Киевской и Волынской земель, спасаясь от татарских нашествий, передвигалось на запад, в Галицкую и Прикарпатскую Русь. В середине XIV в. галичанам и волынянам пришлось испытать опустошительные набеги польского короля Казимира Великого. К этому времени относится выезд с Волыни в Москву крупного боярина, которого наши летописи иногда называют князем, - Дмитрия Михайловича Боброка.

Дмитрий Михайлович прибыл в Москву с большим «двором» дружинников, слуг и рабов и был принят на Москве - как тогда говорили

— с великой честью; великий князь Дмитрий Иванович дал ему в мужество свою сестру и пожаловал большими вотчинами.

Дмитрий Михайлович Боброк, получивший в Москве прозвание Волинской, был замечательным воеводой. Он принимал участие во всех походах Дмитрия Донского, а на Куликовом поле стоял во главе Засадного полка и своевременным и решительным выступлением из засады обусловил победный исход Мамаева побоища.

В Подмосковье известны три владения Д. М. Волинского и его ближайших потомков.

В недалеком расстоянии от Дорогомиловской заставы находятся селения Волинское и Давыдково на реке *Сетуни* и Очаково — на реке *Вешке*. Раньше они составляли одно владение. Еще не выяснено, когда Волинские его утратили. В конце XVI в. оно принадлежало воспитателю и любимому дядьке царя Федора Ивановича, а затем фавориту царя Бориса Годунова Андрею Петровичу Клешнину. Современники приписывали ему видное участие в убиении царевича Дмитрия. В начале XVII в. Волинское и окружавшие его деревни были разорены тушинцами. Впоследствии Волинское принадлежало известному воеводе, а затем боярину кн. Афанасию Васильевичу Лобанову Ростовскому. Очаково принадлежало Ирине Никитичне Романовой — тетке царя Михаила, жене Ивана Ивановича Годунова. В это время во всех трех селениях было всего 24 двора крестьянских. От князей Ростовских и Ирины Годуновой Волинское перешло к касимовскому царевичу Сеит Бурхану Араслановичу, в крещении — Василью, а затем к его сыну Ивану Васильевичу. В это время Волинское было очень небольшим селением — по переписи 1646 г. в нем были: двор царевича и 2 двора крестьянских, а в них 18 человек, по переписи 1678 г. — 3 двора крестьянских и 4 бобыльских.

От касимовских царевичей Волинское с деревнями перешло по родству к кн. Алексею Григорьевичу Долгорукову. Новый владелец села Волинского был ярким представителем той титулованной и нетитулованной знати, которая после смерти Петра I сделала несколько попыток ограничить самодержавие российских императоров и ввести вместо него олигархическое правление аристократии. По своим родственным связям Алексей Григорьевич быстро делал блестящую служебную карьеру. После смерти Петра I императрица Екатерина I пожаловала Алексею Григорьевичу Долгорукову звание сенатора и назначила его воспитателем царевича Петра Алексеевича. Недалекий и честолюбивый Алексей Григорьевич Долгоруков не занимался образованием вверенного ему наследника престола, поощрял его страсть к охоте и другим развлечениям и часто увозил в свое подмосковное имение Горенки.

Здесь воспитатель помолвил несовершеннолетнего своего воспитанника с своей дочерью Екатериной. Брак не состоялся, так как Петр умер на 16-м году от оспы (в 1730 г.).

После смерти Петра II «верховники», т. е. члены Верховного тайного совета, решили призвать на престол Анну Ивановну (родную племянницу Петра I), ограничив ее власть известными «кондициями» (условиями). Алексей Григорьевич Долгоруков был единственным из верховников, который был противником призвания Анны Ивановны. За это после воцарения Анны Ивановны он со всей своей семьей был сослан в Березов, где и умер в 1734 г.

В связи с этим село Волинское было конфисковано. До нас дошло очень подробное и интересное описание этого села и деревни Давыдково. Подробно описаны различные строения, плодовый сад, мельница на реке *Сетуни*, скот, домашняя птица, хлеб в житницах и дворы крестьян с указанием лиц, живших в них, и их возраста. Отметим некоторые подробности. На дворе приказчика стояли две светлицы, соединенные сенцами, одна светлица четырех сажень с изразчатой печью, а другая трех сажень с кирпичной печью. Светлицы и сени крыты тесом. Людская изба трех сажень с глиняной печью была крыта дранью и соломой.

«Сад мерою в длину 65, поперек 45 сажень, а в нем дерев — яблоней 200, груш 50, крыжовнику 50 кустов, красной смородины 20 кустов». Некоторые крестьяне были довольно зажиточны — имели по 2 лошади, по 2 — 3 коровы и по 4 — 5 овец. Мельница на реке *Сетуни* давала по 65 рублей в год, а рыбная ловля — по 5 рублей.

ВОРОНОВО

Другое старинное владение Волинских находилось на юг от Москвы. Это — существующее ныне селение Вороново на реке *Моче* (правом притоке *Пахры*). Во второй половине XV в. оно принадлежало Григорию Давидовичу Волинскому, носившему прозвище Вороной. В роду Волинских Вороново оставалось до конца XVIII в. Владельцы Вороново и самоселение не представляют особого интереса.

ПОЛУЕКТОВО

В 5 км на север от Рузы находится ныне село Полуектово. В начале XV в. оно принадлежало внуку Дмитрия Михайловича Боброка — Полуекту Борисовичу и от него получило свое название. Полуект Борисович был убит в 1436 г. под Белевом в бою с татарами. Полуектово-Покровское было небольшим селением и оставалось в роду Волинских: до конца XVII в.

НАЗВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВЫХОДЦАМИ ИЗ ЮЖНЫХ СТРАН

В нашей истории XIV и XV вв. были временем весьма оживленных торговых и культурных сношений Москвы с народами Ближнего Востока и вообще с зарубежными странами. Появление здесь в это время многочисленных выходцев из-за рубежей свидетельствует о большой притягательной силе Москвы и Русского государства, о ее возросшей культурной и экономической роли.

Главными посредниками в торговых сношениях были греки и итальянцы генуэзских колоний на южном побережье Крыма, но очень деятельное участие принимали и торговые москвичи. Самый большой рынок находился в Сурожке (итальянская Солдайя, ныне — Судак), и потому в Москве за крупными оптовиками, греками, итальянцами и москвичами, утвердилось название «сурожских гостей». В Москве, в Китай-городе, для сурожан был отведен особый ряд, сохранивший название Сурожского: и много позже, когда Сурож уже утратил свое значение крупного торгового центра.

Летописная повесть о «Мамаевом побоище» сообщает, между прочим, что великий князь Дмитрий Иванович, отправляясь в поход против татар, взял с собой «10 мужей сурожан гостей», как знатоков всех дорог-путей на юг, людей, известных «в Ордах и во Фрязах», где они пользовались большим кредитом.

В числе сурожан, сопровождавших Дмитрия Донского, летописи называют Михаила и Дементья Саларевых. Вероятно, это были итальянцы Солари, что в переводе на русский язык значило Солнечные или Солнцевы.

СОЛОСЛОВО

Московские князья разрешали сурожанам приобретать под Москвой земли, и Саларевы оставили по себе след в названиях двух подмосковных селений.

Первое селение — это Солослово, в 23 км от Звенигорода, которое раньше называлось Саларевым-Солословлем, а позже — Солословлем.

САЛАРЕВО

Второе селение — Саларево, на верховье реки *Сетуни*, в 23 км от Подольска. Относительно принадлежности этого селения Саларевым

мы имеем определенные сведения. В середине XV в. оно принадлежало Даниилу Салареву, сурожскому гостю. От Даниила Саларева оно перешло к сыну Федору, а в середине XVI в. было за Тимофеем Саларевым, вероятно, внуком Даниила.

ТРЕПАРЕВО

Отметим, кстати, что смежно с Саларевым находится ныне селение Трепарево (правильнее — Тропарево), которое в конце XV в. принадлежало сурожскому гостю Фоме Тропареву.

СОФРИНО

Не менее богатыми, чем Саларевы, были сурожане Сафарины. Об этом можно судить по тому, что они имели вотчины не только в Московском княжестве, но и в Рязанском. В пределах бывшего Рязанского княжества, позже в Каменском стану, Рязанского уезда, на реке *Грязивой*, находится донине селение Сафарино. Название подмосковного владения Сафариных подвергалось искажению.

Возле линии железной дороги находится ныне село Софрино на реке *Воре*. В XV в. оно по владельцу называлось Супоневым, затем, по новому владельцу, стало называться Сафариным. В середине XVI в. оно принадлежало Ивану Сафарину. Позже оно стало называться Сафориным, Софориным и наконец — Софриным.

Самым богатым выходцем из Крыма был Стефан Васильевич, от которого пошла известная в нашей истории фамилия Головиных. По родословным преданиям, он пришел из Судака и из Кафы (ныне Феодосия) в конце XIV в.

ХОВРИНО

Сын Стефана Васильевича, Григорий, получил в Москве некрасивое и совсем не греческое прозвище Ховра, что значит неопрятный, нечистоплотный человек (отсюда — выражение ховронья, свинья).

Григорий Ховра около 1405 г. построил на свой счет в Симонове монастыре каменный храм. Сын Григория Ховры, Владимир, оставаясь гостем, в то же время был пожалован в бояре. Владимир Григорьевич Ховрин в 1450 г. построил на своем московском дворе каменный храм Воздвиженья, а в 1472 г. великий князь Иван III поручил ему и его сыну Ивану Голове наблюдение над постройкой Успенского собора, которую с 1475 г. вел Аристотель Фиораванти. И после этого Ховрины-Головины продолжали украшать Москву каменными зданиями. В

1486 г. Иван Владимирович Голова заложил на своем московском дворе «палаты кир-пичны», а его брат Дмитрий — «палату кирпичну и ворота заложив, и свершил».

Естественно, что Ховрины при своем богатстве обзавелись под Москвой вотчинами и оставили следы в названиях некоторых подмосковных селений. Григорию Ховре в первой половине XV в. принадлежали два существующих ныне селения — Ховрино на реке *Лихоборке*, в 12 км от Тверской заставы, и другое Ховрино, в 13 км от Крестовской заставы.

ГОЛОВИНО

В 3 км от первого Ховрина находится ныне селение Головине, бывшая вотчина внука Ховры, боярина и гостя Ивана Владимировича Головы.

ФРЯЗИНО, ФРЯЗИНОВО

В 29 км от Москвы находится селение Фрязино. Близ Бронницкой дороги в 49 км от Москвы имеется селение со схожим названием — Фрязиново. Эти селения получили свое наименование от слова фрязь, фрязин. Так в XV в. в Москве называли генуэзцев крымских колоний, а затем — вообще всех итальянцев. Поселяясь в Москве в качестве мастеров или служилых людей, они приобретали, как тогда полагалось, небольшие подмосковные владения, чтобы завести хозяйство и по возможности не зависеть от рынка и покупных продуктов. Им и принадлежали некогда упомянутые Фрязино и Фрязиново.

С фрязами связаны и два других селения: Фряново на реке *Шеренке*, известное своей старой ткацкой мануфактурой, и Френево, расположенное ближе к Москве, на той же Стромьинской дороге.

ЛАРЕВО, ФОМИНО

В свите греческой царевны Софьи Фоминичны Палеолог, невесты великого князя Ивана III, в Москву прибыло из Рима в 1472 г. много греков.

В числе прибывших были родственники Софьи — Дмитрий и Эммануил Ивановичи Рале. Москвичи стали называть их, для удобства произношения, Ларевыми. Ларевы были приняты во двор великого князя, но карьеры не сделали и не прижились на новой родине. У Дмитрия Ивановича, насколько известно, детей не было. У Фомы Ларева, женатого на княжне Ромадановской, был сын Иван, у которого тоже не было детей, и он отдал в 1545 г. свою вотчину в Верейском уезде Волоколамскому монастырю. Больше о Ларевых ничего неизвест-

но. Однако, несмотря на кратковременное пребывание в Москве, Ларевы оставили по себе несколько следов в названиях селений.

В 34 км от Москвы, возле канала имени Москвы, находятся ныне селения Ларево и Фомино, бывшая вотчина Фомы Ларева. По описанию 1584 г., в этом владении было около 175 десятин земли. Еще два селения Ларевы находятся в 22 — 25 км на юг от Москвы, одно от другого на расстоянии 5 км.

АНГЕЛОВО

В 20 км на запад от Москвы, на реке *Баньке*, находится селение с весьма необычным названием. Это — небольшое сельцо Ангелово. Происхождение этого названия таково. В свите Софьи Палеолог в Москву между прочими прибыли греки Никуда и Эммануил Ивановичи Ангеловы. Оба они были приняты во двор великого князя, и Никуда в 1495 г. был с великим князем в Новгородском походе. В 1504 г. он упоминается в числе дворян, принимавших в Москве царского (императорского) посла. Эммануил в 1509 г. был печатником, т. е. хранителем печати великого князя. На этом карьере Ангеловых кончилась, и больше об их службах ничего неизвестно.

В конце XV в. Никуда купил, или получил от великого князя, участок земли, поставил на нем церковь во имя своего патрона чудотворца Николая, и основанное им сельцо стало называться Ангеловым. От Никуды Ангелова сельцо Ангелово перешло к Ивану Кувшинову, который в 1532 г. продал его Иосифову-Волоколамскому монастырю.

ТРАХАНЕЕВО

Более значительную роль играли греки Траханиоты. Родоначальниками их были Дмитрий и Юрий Эммануиловичи Траханиоты, прибывшие в Москву тоже в свите Софьи Палеолог. При дворе великой княгини Софьи они занимали первое место и были ее боярами. Сын Дмитрия, Юрий Малой, был при великом князе Василии Ивановиче в 1506 г. печатником, а позже, в 1509 — 1522 гг., — казначеем. Сын Юрия Малого, Василий Юрьевич, был в боярах, а его внуки, Иван и Никифор Васильевичи, служили в казначеях. По поводу этой должности следует заметить, что она требовала от лица, занимающего ее, не только известной состоятельности, на случай возможной ответственности, но также больших познаний в товарах и в торговых операциях, так как казначеям московских государей приходилось хранить, оценивать и продавать меха, покупать различные заморские товары и производить всевозможные торговые операции. Богатые греки считались для этой ответственной должности особенно подходящими, и этим объясняется то, что почти весь XVI в. в казначеях служили греки: Ховрины, Головины, Траханиоты и Хозя Тютин, казненный во время опричины.

Занимая при дворе высокое положение, Траханиотовы обзавелись большими вотчинами.

Самой значительной из них было существующее ныне село Траханеево-Успенское, на север от Москвы, на реке *Клязьме*. В XV в. оно принадлежало Якову Константиновичу Козодавлю и по владельцу называлось Козодавлевым. В конце века Яков Козодавль променял свое село великому князю. В меновой грамоте у села Козодавлева упоминаются деревни: Игнатовая, Антипина, Архимаричья, Левушина, Павлецова, Строева, Павлова и починок Бедарев. Из всех этих деревень до наших дней уцелела одна Павлики-Спасское. В середине XVI в. Козодавлево неизвестным путем досталось Траханиотовым и оставалось в их роду до конца XVIII в. При новых владельцах Козодавлево стало называться Траханеевым.

Сохранившееся описание Траханеева последней четверти века дает типичную картину подмосковной вотчины крупных бояр XVI в. Под селом и окружавшими его деревнями числилось немного более 1.200 десятин земли, из которых под пашней было 120, под перелогом 320, лесной поросли разного возраста более 600, под лесом всего лишь 22 десятины. Вся остальная земля была под лугами. Царские казначеи Иван и Никифор Васильевичи Траханиотовы владели вотчиной нераздельно. В селе было два господских двора, двор челядинный и четыре двора людских. Возле села на реке *Клязьме* была мельница — «мелет в одно колесо». К селу тянуло пять деревень, в которых были еще один господский двор, двор конюшенный, двор людской и семь дворов крестьянских. Из этого описания ясно, что в Траханеево не велось сколько-нибудь значительного хозяйства. Небольшие размеры запашки, три господских двора, большое количество людских дворов по сравнению с крестьянскими, мельница, — все это — мелкие штрихи, свидетельствующие о том, что Траханеево не было самодовлеющим и достаточным хозяйством для таких богатых людей, как царские казначеи Траханиотовы: оно играло роль промежуточной базы между московскими дворами Траханиотовых и их более отдаленными от Москвы большими вотчинами, в которых велось крупное хозяйство.

ПОДУШКИНО

В конце XV в. известен был богатый московский гость сурожанин Иван Владимирович Подушка. На земском соборе 1566 г. в числе московских гостей был внук Ивана Подушки, Михаил Петрович Подушкин. О землевадении Подушкиных под Москвой известно, что в 1567 г. упомянутый М. П. Подушкин продал Чудову монастырю село Бояркина Кузьминское, в Жданском стану, на юго-запад от Москвы. С прозви-

щем Подушки связаны два существующих ныне селения и одно, запустевшее в Смутное время. В 22 км на юго-запад от Москвы, близ бывш. Смоленской дороги, находится ныне село Подушкино, справа от Белорусской железной дороги. Затем на север от Москвы в 18 км от Бутырской заставы находится деревня Подушкина. Наконец, село Подушкино было в Радонеже, в бассейне р. *Вори*, запустевшее в Смутное время.

ЧАШНИКОВО

Из торговых москвичей следует упомянуть о Чашниковых. Они были представителями тех предприимчивых новгородцев, которые поддерживали торговые связи Москвы с Великим Новгородом и через Новгород — с народами Прибалтики.

В числе новгородских бояр, выселенных великим князем Иваном III из Новгорода, были Чашниковы. Разоренные принудительным переселением в московские города и конфискацией их земель, Чашниковы сошли с исторической сцены, но одна ветвь из рода отделилась еще в XIV в. и поселилась на Вологде, которая в то время была колонией Новгорода. В XV в. московские великие князья завладели Вологдой, и Чашниковы стали московскими гостями. Известно, что в середине XV в. Григорий Юрьевич Чашников дал Кириллову монастырю село Ивановское близ Вологды, а его сын Юрий в 1524 г. дал тому же монастырю деревню Чашникову под Вологдой. Племянники Юрья Григорьевича — Андрей и Дмитрий Чашниковы — упоминаются в числе кредиторов князя Андрея Васильевича Вологодского (младшего сына великого князя Ивана III) в его духовной грамоте 1481 г.; Андрей Чашников упоминается как кредитор также в духовной грамоте того же времени Ивана Ивановича Салтыка Травина. Очевидно, Чашниковы были крупными ростовщиками своего времени.

Следами подмосковного землевадения Чашниковых являются три селения: 1) Чашниково в 38 км на север от Москвы, которое позже по новому владельцу стало называться Чашниковым-Собакиным; 2) Чашниково на *Скалбе (Лбе)* в 20 км от Москвы и 3) Чашниково Воскресенское на реке *Студенце*.

ЧЕРКИЗОВО, МЯЧКОВО

Среди подмосковных селений обращают на себя внимание такие, которые в своих названиях сохранили указания о принадлежности их некогда татарам. Из этих селений особенно интересны четыре села Черкизова и три — Мячкова. История этих селений дает повод написать интересную страницу из жизни Московского княжества XIV — XV вв.

Историки давно обратили внимание на факт выездов в Москву большого количества иноземцев, но не обращали внимания на то, что как раз в это время, т. е. в XIV — XV вв., в жизни Западной и Юго-Западной Руси, а также в жизни Золотой Орды происходили такие события и складывались такие обстоятельства, которые заставляли людей покидать свою родину и разбредаться в разные стороны в поисках лучшей жизни. Русское государство, процветавшее и быстро развивавшееся под твердой властью московских великих князей, привлекало этих людей, принимало их к себе на службу и давало честь и место всем полезным элементам.

Со смертью в 1341 г. золотоордынского хана Узбека началась «великая замятня» — эпоха разложения Золотой Орды, в связи с процессом ее феодализации. В 1360 г. малолетнему Дмитрию Ивановичу пришлось, после смерти отца, ехать в Орду за ярлыком на великое княжение. Одновременно в Орду были вызваны и другие русские князья. Дмитрий в том же году благополучно выбрался из Орды, но другие князья были задержаны, и на их глазах в короткий срок произошло несколько кровавых переворотов. Хан Хидырь, только что перед тем убивший Невруса, был убит своим сыном Темир-хозой, который, в свою очередь, через месяц был свергнут с престола. После жестокой борьбы воцарился наконец Амурат, брат Хидыря, который и дал Дмитрию Ивановичу ярлык на великое княжение (1362 г.). Между тем, борьба за ханский престол продолжалась, выбрасывая за пределы Золотой Орды царевичей и вельмож, потерпевших поражение в переворотах. В эти годы мурза Тагай основал в Наровчатке, в Мордовской земле, свое татарское царство, а князь Булат Темир утвердился в области камских булгар.

В 1371 г. великому князю Дмитрию Ивановичу пришлось вторично ехать в Орду за новым ярлыком, который ему удалось получить ценой огромного выкупа. Ко времени «великой замятнн» в Орде и поездок туда великого князя Дмитрия Ивановича и относится выезд большого количества татар на службу в Москву к великому князю и к митрополиту Алексею, который бывал в Орде и пользовался там большим авторитетом.

Родословцы дают сведения о выездах только самых значительных лиц. По Государеву родословцу при великом князе Дмитрие Донском выехал из Золотой Орды царевич Серкиз и на Москве крестился. Имя Серкиз, повидимому, испорченное имя армяно-григорианской церкви Саркиз. Сын Серкиза Андрей Иванович Серкизов на Куликовом поле был воеводой Коломенского (в некоторых летописях Переяславского) полка и был убит в бою Мамаем, с которым, может быть, у его отца были старые счеты. У Андрея Ивановича Серкизова (иногда — Черки-

зова) был сын Федор, носивший прозвище Старко, и от него пошла боярская фамилия Старковых, угасшая в конце XVI в.

Мячковы не принадлежали к московскому боярству, и сведения о них мы находим только в частных родословцах, которые сообщают, что у великого князя Дмитрия был посол Теврижского государства (так называли тогда Армению) Олбуга, он остался в Москве и крестился. (Олбуга по-узбекски значит окунь) От его внука Ивана Мячика пошла фамилия Мячковых.

Возможно, что Серкиз и Олбуга привезли с собой кое-какие остатки отечественного богатства и на них приобретали в Московском княжестве земли, но несомненно, что они также были щедро пожалованы вотчинами. Первые поколения их потомков были очень богатыми людьми и владели вотчинами в Московском, Дмитровском, Переяславском и Коломенском уездах. Но, очевидно, они плохо приспособлялись к непривычным для них условиям жизни и хозяйства и довольно быстро растеряли большую часть своих первоначальных владений.

История подмосковного села Черкизова, теперь включенного в черту Москвы, несложна. Серкиз недолго владел этим селом и продал его своему соотечественнику Илье Озакову. Крещенные татары Илья и Сергей Озаковы были слугами митрополита Алексея и занимали при его дворе видное место. Сергей Озаков в 1377 г. был в числе митрополичьих дворян, сопровождавших Митяя в его поездке в Царьград для постановления его в митрополиты. Илья Озаков владел Черкизовым недолго и продал его митрополиту Алексею. Алексей основал в Московском кремле Чудов монастырь и по духовному завещанию 1378 г. обеспечил его землями. В числе других владений он дал Чудову монастырю и село Черкизово, которое затем было во владении монастыря почти 400 лет, до секуляризации монастырских имуществ в XVIII в.

Непродолжительное пребывание крещеных татар в Черкизове оставило в нем небольшие следы. Илья Озаков поставил в селе церковь во имя своего патрона пророка Ильи. Возле Черкизова ныне существует Озаковский переулок. Затем среди селений, окружавших Черкизово, мы находим деревню Алымов, — позже Алымово-Богородское, о которой теперь напоминают Алымовы улица, переулок и тупик. По описанию конца XVI в. видно, что Черкизово было очень крупным владением — не менее 2000 десятин. На этой территории упоминаются 10 селений, среди которых существующее ныне Колошино, и 36 пустошей, что некогда были деревнями. Из этого можно заключить, что Черкизово в XIV — XV вв. было окружено множеством мелких деревень-хуторов, с течением времени ликвидированных.

СТАРКОВ ПОГОСТ

Второе крупное владение Черкизовых находилось под Коломной, где в настоящее время километрах в 12 от Коломны, на реке *Москве*, находится с. Черкизово, в 2 км от него — селение Старков погост, в 7 км от Черкизова — село Мячково и в 4 км от Мячкова — селцо Настасьино, на реке *Северке*. Это село Мячково не следует смешивать с Мячковом на устье *Пахры*, о котором речь будет ниже. Коломенское Мячково в конце XIV в. принадлежало Ивану Мячку, от которого неизвестным путем, быть может, куплей, перешло к Федору Ивановичу Старку Серкизову, а затем к его сыну, боярину Ивану Федоровичу Старкову.

Непонятно, что побудило Ивана Федоровича Старкова «коромолить» против великого князя Василия Васильевича с мятежными княжатами и вмешаться в дело ослепления великого князя. После поражения мятежников Иван Федорович Старков за крамолу подвергся опале и лишился своих вотчин. В связи с этим его мать Анастасия и дочь Ирина, имевшие в пожизненном владении Коломенское-Черкизово и Мячково, должны были «продать» эти владения великому князю, и позже Черкизово, Настасьино и Старков погост находились в дворцовом ведомстве.

О Черкизове Горестова стана, в 20 км на северо-запад от Москвы, имеем только поздние сведения. В XV—XVI вв. оно было в дворцовом ведомстве, в конце XVI в. было за царицей Леонидой — вдовой царевича Ивана Ивановича, затем опять во дворце, а в 1689 г. было пожаловано царскому шурину — Льву Кирилловичу Нарышкину.

Наконец, последнее Черкизово — на *Клязьме*, в 20 км от Москвы, принадлежало Ховриным-Головиным, затем великому князю Ивану и его родственнику князю Михаилу Васильевичу Глинскому. В 1566 г. по духовной грамоте Глинского Черкизово было дано Троицкому монастырю, во владении которого оставалось до секуляризации монастырских имуществ.

Имея в виду несомненный факт большого богатства Серкизовых, а также характерность названия двух последних Черкизовых, можно считать очень вероятным, что и они, если и не были основаны самим Серкизовым, то, во всяком случае, получили свое название от него.

Село Мячково на реке *Москве* при впадении в нее *Пахры* замечательно своими древними каменоломнями. Первые каменные укрепления Московского кремля и многие московские древние церкви строились из мячковского камня. Очень вероятно, что Мячково существовало уже давно, но в последней четверти XIV в. оно принадлежало Ивану Мячку и по новому владельцу получило свое название, ставшее историческим.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО БОЯРСТВА

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
В XIV—XV ВВ.

ОЧЕРК ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОГО БОЯРСТВА

История московского боярства представляет двойкий научный интерес. Боярство, во-первых, было одним из важнейших элементов социально-экономического строя русского феодализма, а во-вторых, большой политической силой, на основе и при помощи которой московские государи добились великокняжеской власти, а затем ликвидировали раздробленность Руси и объединили ее в мощное великорусское государство. Само собой разумеется, что в истории социально-экономическое положение боярства было неразрывно связано с его политической ролью, но для удобства исследования и изложения вопрос следует расчленить на две темы.

Начнем с политической стороны вопроса, с роли боярства в образовании единого великорусского государства. Приступая к этой теме, приходится сделать довольно большое отступление в область взаимных отношений князей и их бояр-дружинников. В этой области многое освещено в историографии недостаточно или, как мне представляется, неверно.

Известно, что в дружинах киевских князей были очень разнообразные элементы: наряду с лицами отечественного происхождения — выходцы из Скандинавии, из Прибалтики, из южных степей и т. д. Отсюда, естественно, рождалось представление о «текучести» состава княжеских дружин. Если князь, по выражению одного историка, был политической «случайностью» в своем уделе, то случайностью же были и бояре и слуги бояр. В этом отношении дружинники мало чем отличались от основной массы населения, крестьянства, которое тоже бродило в составе населения княжеств, было тоже случайностью. Возможно, что в такие времена нашей истории, от которых не сохранилось никаких памятников письменности, представление о всеобщей бродячести, текучести и случайности было близко к правде, но, вероятно, это было очень давно. Во всяком случае, памятники уже XIV приводят нас к прямо противоположным представлениям.

Около ста лет тому назад М. П. Погодин внимательно пересмотрел летописи и пришел к выводу, что уже в XII—XIII вв. служба княжеских дружинников, по крайней мере значительных и как таковых попавших на страницы летописей, была нередко наследственной.

На основе различных источников XIV в. можно с уверенностью сказать, что если текучесть состава княжеских дружин древнейшего времени в какой-то мере действительно была, то с течением времени она быстро шла на убыль, и уже в XIV в. бояре и слуги вольные князей, как общее правило, служили своим князьям наследственно, а отъезды бояр и слуг были редким исключением.

Насколько нам известно, крестоцеловальная запись человека, поступившего на службу, конкретизируя общее понятие наследственности, состояла в следующем. Дружинник за себя и за своих детей давал клятву князю и его детям в верной службе, в том, что он и его дети всегда и во всем будут «хотеть добра» князю и его детям, по совести, без утайки сообщать своему государю о всяком «лихе и добре», касающемся князя, повиноваться ему безо всякого ослушания, не нарушать клятвы и «не отъехать» ни к кому и никуда.

Такая присяга на деле была обязательством наследственной службы, т. к. в случае смерти присягавшего его дети возобновляли по той же форме присягу, за себя и за своих детей, а в случае смерти князя дружинник приносил новую присягу новому князю и его детям.

Напомню прекрасный рассказ летописей о предсмертных завещаниях Дмитрия Донского. Обращаясь к боярам, Дмитрий напоминал им, что он вырос на их глазах, что их отцы и они сами давали клятву служить верно не только ему, но и его детям. Формула присяги первой половины XV в., сохранившаяся в одном сборнике митрополичьих посланий, свидетельствует о том, что Дмитрий Донской высказывал боярам не свои личные пожелания, а лишь напоминал об обязанностях всякого служилого человека, освященных исконными обычаями.

О том, что служба бояр и вольных слуг была наследственной и что отъезды были исключением из общего правила, мы имеем более убедительные свидетельства, чем показания отдельных памятников. Эти неопровержимые свидетельства мы находим в истории московского боярства.

Составители родословцев и служилые люди, пользовавшиеся ими в местнических счетах, были очень внимательны к отъездам, т. к. отъехавший человек со всем своим потомством лишался заслуженного его предками и им самим места среди служилых людей князя. Бывало, что отъехавший или его сыновья возвращались к своему прежнему государю, но в таких случаях они должны были начинать свою карьеру сызнова. Просматривая Государев и частные родословцы, мы видим, что случаи отъездов были очень редки, причем выражения «отъехал в Тверь» или «отъехал в Литву», с конца XV в. сменяются отметками: «бежал в Литву» и т. п.

Эти показания родословцев следует изучать с поколенными росписями соответствующих родов в руках. Это дает возможность проследить карьеру лиц рода и оценить значение отъездов. Произведенное таким внимательным образом исследование генеалогии боярских родов приводит к следующим выводам.

В первой половине XIV в. крупное боярство Руси находится в состоянии сильного брожения. Бояре, как это полагалось верным дружинникам, принимают горячее участие в борьбе потомков вел. кн. Александра Невского за великокняжескую власть. С 1328 г., когда Иван Калита получил в Орде ярлык на первую половину великого княжения, крупные бояре общерусского масштаба начинают стекаться в Москву. Решающим моментом в процессе концентрации боярства в Москве следует считать 1339 г., когда тверские князья были убиты по приказу хана в Орде и таким образом обозначился решительный перевес Москвы. В ближайшее десятилетие после этого заканчивается процесс сосредоточения крупного боярства в Москве. После долгой кровавой борьбы великорусское боярство нашло, наконец, в Москве политический центр Великороссии, а в лице московских князей — государей.

Так в четвертом и пятом десятилетиях XIV в. в Москве образуется крепкое ядро боярства, которое стоит во главе государства в последующие века. Образующие это ядро роды и лица служат неизменно из поколения в поколение московским князьям и правом отъезда не пользуются. Редкие исключения только подтверждают общее право наследственности их службы.

Одновременно с образованием московского ядра боярства наблюдается обособление боярства по крупным княжениям: Тверскому, Рязанскому и, вероятно, другим. Местные бояре, оставшиеся верными своим князьям, тесно связывают свои служебные интересы с землевладельческими и редко решаются покидать своих князей и терять вследствие этого свои вотчины. Таким образом в Твери и Рязани образуются группы сильных местных родов, известных нам по родословцам и поступивших на службу московских государей после ликвидации независимости соответствующих княжеств.

Во второй половине XIV в. мы можем наблюдать также обособление по уделам князей московского дома местных бояр и землевладельцев более мелкого масштаба. К сожалению, по этому вопросу мы имеем пока мало сведений. По Боровско-Серпуховскому уделу известны Новосильцевы, Сатины (от кн. Шонура Козельского) и Станищевы, по Верейско-Белозерскому уделу — Монастыревы и Нащокины. Вследствие небольшой исторической значительности этих местных удельных бояр мы имеем о них мало данных, но служебное обособление средних и

мелких землевладельцев московских уделов не подлежит сомнению. И не только в XV, но и в XVI в. мы видим, что основная масса средних и мелких землевладельцев служила обыкновенно тому князю, в уделе которого находились их вотчины.

Все эти наблюдения дают основание говорить о растущей с течением времени все более и более тесной связи между служебной карьерой крупных, средних и мелких вотчинников и их землевладельческими интересами.

После смерти вел. кн. Василия Дмитриевича в среде князей московского дома вспыхнула «великая замятия», длившаяся около 30 лет и едва не погубившая все дело Ивана Калиты и его преемников. События, в частности политическая сторона междукняжеской замятии, давно занимали историков и в общем исследованы и описаны верно и достаточно полно. Но глубокие, несомненно, причины и пружины, вызвавшие мятеж удельных княжат против вел. кн. Василия, остаются еще загадкой. Если понимать буквально летописные рассказы о перипетиях многолетней междукняжеской замятии, то можно подумать, что весь спор и борьба заключались как будто в том, кому быть великим князем — сыну ли вел. кн. Василия Дмитриевича или его дяде Юрию Дмитриевичу, а после смерти последнего его сыну Дмитрию Шемяке. В действительности ставка борьбы была неизмеримо крупнее, чем смена лица на великокняжеском престоле. В чем же было дело?

У нас нет никаких оснований предполагать, что кн. Юрий Дмитриевич и его сын Дмитрий Шемяка были принципиальными сторонниками удельного строя и стали бы поддерживать раздробленность Руси, если бы им удалось утвердиться на великокняжеском столе. С другой стороны, следует напомнить, что московские великие князья тоже не были принципиальными противниками уделов. Дмитрий Донской, Василий Темный и объединитель Руси Иван III добросовестно, по-родственному наделяли своих сыновей уделами (все трое — по четыре удела). И даже царь Иван Грозный, которого историки считают принципиальным врагом уделов, в своей духовной грамоте (1572 г.) предполагал дать удел своему сыну Федору. Очевидно, были какие-то силы, которые помимо московских великих князей работали в пользу объединения Руси и относились враждебно к уделам и к удельным князьям.

Одной из таких сил было великокняжеское боярство, верхний слой землевладельческого класса. По летописям, генеалогическим и актовым источникам и договорным грамотам московских князей мы можем достаточно полно выяснить личный состав наиболее видных участников замятии, их происхождение: карьеру их самих и их предков и потом-

ков. Все, что мы знаем по этому вопросу, приводит к определенным выводам: великокняжеское старое боярство в массе остается верным вел. кн. Василию и обеспечивает в конце концов ему победу над княжатами. На стороне удельных княжат выступают их собственные бояре и немногочисленные представители великокняжеских родов, переходившие на сторону княжат по личным соображениям, не имевшим ничего общего с классовыми и сословными интересами крупных землевладельцев.

Интересно отметить, что лица, проявившие во время замятии шаткость и колебания, а тем более лица, изменившие великому князю по личным мотивам, как, например, Иван Дмитриевич Всеволож, Петр, Иван и Никита Константиновичи Добрыньские или Иван Федорович Старков, были так или иначе сурово наказаны — они со всем своим потомством навсегда выбыли из среды московского боярства, потеряли свою «честь» и должны были служить в низших чинах дворянства, в лучшем случае, а то и с городовыми детьми боярскими. Таким образом, можно сказать, что «великая замятия» была для великокняжеского боярства испытанием его верности, после которого боярство очистилось от ненадежных элементов.

Но почему же московское боярство так стояло за Василия Темного? Не все ли равно было ему, кто будет на великокняжеском столе? Мне кажется, ответ ясен после того, что было сказано выше о наследственности службы бояр и слуг вольных. Двор великого князя складывался постепенно из местных и приезжих слуг, которые по времени поступления на службу, по своей предшествовавшей боевой репутации и по личным заслугам размещались в известном порядке. У каждого были свое «место» и своя «честь», и всякий дорожил своей служебной честью. Двор великого князя как аппарат власти был медленно складывавшимся и крепким организмом, а отнюдь не случайным сбродом случайных людей.

Ясно, что при таком строе двора приход к власти кн. Юрия Дмитриевича или какого-либо иного князя грозил полным разрушением всего аппарата великокняжеской власти и в первую очередь местнического распорядка великокняжеского боярства. Ведь естественно, что Юрий Дмитриевич или Дмитрий Шемяка, получив великокняжескую власть, должны были дать преимущество своим боярам и слугам и нарушить сложившийся в великокняжеском дворе распорядок. И они не могли поступить иначе.

Наследственностью службы вообще и указанным строем великокняжеского двора и объясняется, что московское боярство в своих собственных служебных и землевладельческих интересах было на стороне

вел. кн. Василия Васильевича. В какой мере московское боярство, поступая так, имело в виду ликвидацию удельной раздробленности Руси и объединение ее под властью московских государей, сказать трудно. Мне кажется, что вполне допустимо считать великокняжескую ориентацию московского боярства важным фактором преодоления удельной раздробленности Руси, а последовавшее позже объединение Руси — если не ясно осознанной целью боярства, то, во всяком случае, гетерогенным и вполне естественным следствием его политической и социальной сущности.

О праве отъезда бояр и слуг вольных

Данная мною характеристика боярства и его служебных отношений очень плохо мирится с укоренившимися в историографии представлениями о свободе древнего боярства и его неограниченном праве отъезда, т. е. о праве по своему желанию и усмотрению покинуть своего князя и перейти на службу к другому князю или даже не служить совсем. Свобода отъездов была будто бы настолько велика, что отъехавший боярин-дружинник сохранял свои вотчины. Возможно, что подобные представления имеют некоторое основание для XI—XII вв., но для XIV—XV вв. они не отвечают действительности.

Источником ошибочности и поверхностности указанных представлений является невнимательное отношение к источникам. В договорных грамотах князей московского дома мы неизменно видим статью: «а боярам и слугам вольным меж нас (т. е. договаривающихся князей. — С. В.) воля». В некоторых договорах мы находим дополнительно к этому основному положению обязательства не «держатъ нелюбия» к боярам и слугам, перешедшим на службу к кому-либо из договаривающихся князей, и «блюсти» бояр и слуг чужих, «как своих». Наконец, в некоторых договорах князья взаимно обязываются не приобретать земель самим и не позволять своим боярам приобретать земли во владениях чужого князя и не увеличивать таким путем чересполосицы княжеских и частных прав. Отрицательное отношение князей к этой чересполосице нашло свое выражение в той статье княжеских договоров, которая в общей форме говорит, что всякий землевладелец должен «тянуть судом и данью по земле и воде» тому князю, в уделе которого находится его вотчина.

Для правильного понимания приведенных статей этих договорных грамот не следует ни на минуту забывать, что это были договоры князей — близких родственников, считавших все княжение и все уделы его своей единой вотчиной, что князья были связаны между собой не только до-

говорами, а прежде всего узами близкого родства. Каждый князь считал себя временным владельцем доли в общей вотчине рода и потому, естественно, должен был «блюсти» бояр и слуг своего сородича, как своих, и по-родственному допускать переходы слуг к своим сородичам.

Подобные статьи изредка встречаются и в договорах московских князей с тверскими и рязанскими, но и это не может служить свидетельством полной свободы боярских отъездов. Такие договоры московские князья заключали с независимыми княжествами только в тех случаях, когда они имели в виду заключение тесного оборонительного и наступательного союза.

Нет никакого сомнения, что не только в XIV—XV вв., но и раньше отъезд к князю, не связанному с покидаемым князем договором, и тем более отъезд к князю враждебному, находившемуся в «розмирье», т. е. в состоянии войны, всегда считался изменой и навлекал на отъехавшего боярина самые суровые наказания.

Во всяком случае, каковы бы ни были междукняжеские отношения, не следует представлять себе отъезд упрощенно, как бытовое явление — будто боярину было достаточно собрать свои пожитки, захватить жену, чад и домочадцев, челядь и прочее и, не попрощавшись со своим князем, отправиться куда вздумается. Отъезд был юридическим актом или, выражаясь точнее, практическим выводом из юридического акта — расторжения дружинником договора о службе князю.

Вполне возможно проводить аналогию между боярским отъездом и крестьянским отказом и выходом. Крестьянин жил у землевладельца на основании ряда или поряды, словесного или письменного договора. Одностороннее нарушение этого договора навлекало на крестьянина весьма невыгодные последствия. Если он желал расторгнуть договор, то он должен был предварительно «вырядиться», «отказаться» по правилам, установленным обычаями и княжескими указами. Он должен был отказываться в срок, рассчитаться с землевладельцем в ссуде и господских повинностях, в недоимках по княжеским даням и т. д.

Равным образом и боярин, желавший отъехать, должен был предварительно расторгнуть свой договор с князем, которому он приносил присягу. Мы видели, что боярин, вступая в службу, давал князю обязательство, скрепленное крестным целованием, лично за себя и за своих детей, служить и повиноваться князю и его детям. На первый взгляд может показаться, что присяга была односторонним обязательством, а не договором, но в действительности дело было совсем не так. Подобно тому как землевладелец, поряжая крестьянина, принимал на себя известные обязательства, например дать двор и землю, сберечь от «сторонних людей» и т. п., так и князь, принимая присягу дружинника,

принимал одновременно известные обязательства, нарушение которых давало служилому человеку основание «сложить с себя крестное целование» и отказаться служить.

С владетельными князьями как с равными князья заключали письменные договоры. Есть указания, что письменные же договоры заключали князья и с так называемыми служебными, невладетельными, князьями. С рядовыми боярами и слугами князья не писали договоров, но это не значит, что князь, принимая к себе на службу боярина или слугу, не принимал никаких обязательств. Не было надобности в особом договоре, т. к. общие обычаи определяли права и обязанности и князя и его слуги. Если бояре при поступлении в службу присягали и давали на себя запись за крестным целованием, то это было религиозным подкреплением договора о службе.

Таким образом, можно сказать, что обязанности князя определялись обычаями дружинной службы, составлявшими своего рода неписаную конституцию феодализма. Представление об этих обычаях и, в частности, об обязанностях князя мы можем составить себе только по случайным указаниям различных источников. Поэтому естественно, что наши наблюдения будут носить общий характер.

Первой обязанностью князя было оказывать своему дружиннику покровительство и защиту от всех «сторонних людей». Покровительство-защиту можно считать краеугольным камнем всего здания феодализма. От всякой сторонней силы, находившейся за пределами власти князя, князь мог и должен был защищать своих слуг вооруженной рукой, но в пределах княжества защита осуществлялась судом князя, исключительной подсудностью дружинников и слуг лично князю.

Принцип исключительной подсудности дружинника княжескому суду известен уже Правде Русской. На Руси княжеских уделов исключительная подсудность служилого человека князю определяется однообразной и четкой статьей жалованных несудимых грамот: «А кому будет чего искати на NN, ино сужу яз сам, князь NN, или мой боярин введеный».

Второй обязанностью князя было «жаловать» своих бояр и слуг за службу и смотря по службе. Если служилый человек по роду своей службы должен был жить во дворе князя, то он «ел его хлеб и пил его чашу», т. е. получал от князя стол и помещение. Затем князья жаловали своих слуг оружием, вещами, деньгами, кормлениями и вотчинами. С последней четверти XV в. очень важным видом княжеского «жалования» стали поместья.

В глазах княжеских дружинников и слуг тароватость, щедрость князя на всякие виды жалования была его первой добродетелью, которая ценилась едва ли не выше, чем справедливость в этом деле. Летописец

в похвале кн. Васильку Ростовскому, убитому татарами (в 1238 г.) и позже причисленному к лику святых, рисовал идеал князя своего времени: «Бе же сей Василко лицом красен, очима светел и грозен взором, и паче меры храбор, сердцем же легок, а кто ему служил, хлеб его ел, чяшу его пил, той за его любовь никако же можаше у иного князя быти, ни служити: излише бо слугы своя любляше. Мужество и ум в нем живяше, правда же и истинна с ним ходиста, бе бо всему хитр»¹.

Лет через полтора года другой летописец дал нам образ идеального князя Московского княжества и московских понятий. «Повесть о жизни и преставлении великого князя Дмитрия» риторична, страдает, быть может, некоторыми преувеличениями, но по существу верно характеризует отношение князя к своим боярам и слугам. Дмитрий Донской, обращаясь перед смертью к своим сыновьям, говорил: бояр своих любите и воздавайте им достойную честь против дела каждого. Обращаясь к боярам, Дмитрий говорил: при вас я родился и вырос, с вами держал свою вотчину великое княжение, с вами был страшен в бранях врагам, вами покорял врагов и вельми укрепил великое княжение, великую честь и любовь имел к вам, под вами держал города и волости, вы были у меня не боярами, а князьями моей земли, никому из вас я не делал зла, никому не досадил, никого не обесчестил, но всех держал в великой чести.

В предсмертных словах Дмитрия Донского следует обратить внимание на то, что он «воздавал» каждому «честь» по его делам, всех слуг своих «держал в великой чести» и никого не обесчестил. В понятие княжеского жалования входили как существенный элемент понятия: воздавать честь по делам, держать в чести и не обесчестить. Необходимо раскрыть эти понятия, т. к. именно по вопросу о служебной чести у князей чаще всего происходили столкновения с боярами, вызывавшие отъезды.

Под словом «честь» понимали не только известный почет и связанные с ним выгоды, но также и то место в княжеской дружине (в XIV в. и позже в государевом дворе), на которое служилый человек имел право рассчитывать по службе князю своих родителей и по своим личным заслугам. Честь и место служилого человека определялись вовсе не его родовитостью, как полагает большинство историков, а сочетанием заслуг его самого со службой его отца, деда и других прямых и боковых восходящих «родителей» (т. е. родственников).

Поскольку служба дружинников и бояр бывала обыкновенно наследственной, на почве наследственности службы с течением времени сложилось понятие родовитости. Но родовитость понимали весьма условно. Человек, отъехавший от своего князя, утрачивал не только свое

место в иерархии чинов и лиц княжеского двора, но также и родовую честь, свою «родовитость». Если отъехавший человек позже возвращался к своему князю и был принят им на службу, то ему приходилось начинать свою служебную карьеру сызнова и зарабатывать себе честь и место.

Какая-нибудь служебная провинность, нерадивость, пострижение в монашество, наконец, увечье и полная неспособность к службе отражались на родовой чести человека и снижали его самого и его сыновей и внуков на большее или меньшее количество мест. Наоборот, выдающиеся служебные заслуги, смерть в бою, «попонное терпение» не оставались без вознаграждения — и не только в виде материальных благ, но и в отношении чести и места сыновей служилого человека.

Приведу несколько примеров. Иван Васильевич Вельяминов, представитель первостепенного боярского рода, старший сын московского тысяцкого и сам боярин, в 1375 г. отъехал к врагу московского князя Дмитрия и пытался при помощи Орды лишить его великого княжения. Пойманный, он был казнен на Кучкове поле, и вотчины его конфискованы. Относительно его потомства родословцы отмечают: «От Ивана дети опалы для (т. е. вследствие опалы и казни. — С. В.) в своем роду и в счете не стояли», т. е. они выбыли из числа родовитых людей и навсегда лишились своих чести и места.

А вот два противоположных примера из того же времени, т. е. княжения Дмитрия Донского. Дмитрий Минич и Тимофей Васильевич Волюй происходили из второстепенных родов московских князей. Отец Тимофея Волюя был в боярах, однако он сам и Дмитрий Минич не были в думе великого князя, хотя и занимали высокое положение при дворе и были воеводами. Дмитрий Минич был убит на р. Тросне (1378 г.) в бою с литовцами, а Тимофей Волюй пал на Куликовом поле. Их сыновья «за кровь» отцов при вел. кн. Василии Дмитриевиче были в боярах.

Обычаи, определявшие родовую честь дружинников и место каждого члена служилых родов, имели столь большое положительное значение в истории класса служилых землевладельцев и в организации княжеских дружин, а позже — государева двора московских князей, что вполне заслуживают детального исследования и подробного изложения.

Понятие служебной чести (в указанном выше смысле), порождало идею связи и преемственности поколений. Дружинник, служа князю и отдавая ему свой труд, а иногда и жизнь, проходил жизненный путь с мыслью, что его верность присяге и рачетельная служба принесут пользу и все возможные блага жизни не только ему самому, но и его семье и дальнейшим поколениям его рода, а нерадивость и тем более измена

навлекут опалу князя и кары не только на него самого, но и на его потомство.

Внимательное исследование истории боярских родов показывает, что служебная родовитость вовсе не обеспечивала всякому бездельнику выгодного служебного положения, она открывала ему жизненные пути, но как он использует эту «путевку в жизнь» — это зависело от него самого. Служебную дифференциацию мы наблюдаем не только в родах, но и в пределах родов — захудание целых отраслей рода, и даже в семьях. Становится очевидным, что местнический распорядок людей вовсе не мешал князю выбирать нужных ему и пригодных людей и не задерживал жизненного отбора и удаления социальных отбросов класса.

Для правильного понимания указанной идеи родовой чести следует напомнить, что весь аппарат княжеской власти основывался на личных отношениях князя к своим слугам, что идеи отечества, долга перед родиной, идеи гражданства и гражданских обязанностей были неизвестны. Зарождение этих идей становится заметным только в XVI в. Без идеи родовой чести, без представлений и обычаев, сложившихся на почве наследственности службы, княжеская дружина была бы не крепким аппаратом власти, каким она была в действительности, а сбродом случайных людей.

Что обычаи относительно чести и места служилого человека не мешали князьям подбирать нужных им людей вообще и для отдельных поручений в частности, мне представляется настолько несомненным, что я не нахожу нужным об этом говорить. Столь же бесспорным мне представляется то, что эти обычаи сильно ограничивали княжеский произвол. С точки зрения либерального интеллигента XIX в., знакомого с местническими спорами того времени, когда местнические обычаи были в полном разложении и доживали свои последние дни, местничество было продуктом боярской родовой спеси, доходившей в своей нелепости до комизма. Не входя в полемику с подобными поверхностными взглядами, позволю себе заметить, что указанные обычаи в свое время были весьма положительным явлением, совершенно несовместимым с тем расцветом державного фаворитизма, который мы можем наблюдать в XVIII в., когда местничество было торжественно отменено.

Местнический распорядок родов и лиц в княжеской дружине ограничивал княжеский произвол, но важно отметить, что одновременно он обуздывал и дисциплинировал дружинника. Люди нашего средневековья не верили в исключительные таланты и не ценили их. Да это и понятно, т. к. тогдашняя служба требовала от человека не исключительной талантливости и ярко выраженной индивидуальности, а знаний

и навыков в ратном деле, выносливости и мужества, доступных рядовому служилому человеку. Поэтому они не любили ни княжеских выдвинутых, ни тем более чересчур энергичных самовыдвинутых. Только такое продвижение по службе считалось нормальным, которое происходило постепенно, с прохождением всех чинов и «мест» и с соблюдением законных интересов соседей по службе.

Поэтому неосновательные притязания дружинника на место «не по своей мере», бестолковые споры о местах, по-нашему — бузотерство, навлекали на дружинника опалу князя и очень суровые наказания. В местнических делах XVI—XVII вв. мы часто находим решения суда о выдаче местника «головой» его противнику, выигравшему тяжбу. Выдача человека кому-либо «головой» означала отдачу в полное рабство, но в местнических делах XVI—XVII вв. такое решение тяжбы имело символическое и бытовое значение. Обычаи местничества в это время настолько обветшали и разложились, что никогда ни одному местнику не приходило в голову сделать своего противника рабом.

Выданный по суду головой местник с покорным видом, с непокрытой головой шел на двор своего нового господина. Последний, вероятно, в присутствии чад, домочадцев и дворни делал местнику более или менее суровое внушение, давал ему почувствовать в полной мере свою власть и затем милостиво прощал. Смотря по взаимным отношениям столкнувшихся лиц и фамилий, дело могло окончиться либо подобной сценой унижения, либо полным примирением. Оправданный местник приглашал к себе своего «холопа» в дом, сажал за стол, и недавние враги за чаркой вина добросовестно старались устранить моменты личной обиды и сходились на признании принципиальной правильности царского решения их спора.

Выдача «головой» в местнических приговорах XV в. была пережитком той глубокой старины, когда складывались понятия и были в полной силе обычаи, охранявшие честь и место дружинника от неосновательных притязаний его сотоварищей по службе.

Подводя итоги вышесказанному, можно сказать, что обычаи относительно служебной чести и места дружинников и, позже, бояр ограничивали произвол князя, не давали места для развития княжеского фаворитизма, но в то же время дисциплинировали дружину, не открывая простора чересчур талантливому и предприимчивому самовыдвинутым. Те же обычаи и наследственность службы придавали аппарату княжеской власти ту крепость и силу, которые позволили московским великим князьям в XV в. ликвидировать феодальную раздробленность Руси и построить крепко сплоченное мощное государство.

Нет сомнения, что указанные обычаи дружиннической службы складывались очень медленно, но за недостатком источников по этому вопросу мы не можем выяснить все этапы этого процесса. Можно только сказать в общих выражениях, что отъезды стали выходить из обыкновения приблизительно со второй половины XIV в. и что с этого же времени наследственность службы становится общим правилом.

Мы не имеем указаний на то, что князь при вступлении на престол приносил своим слугам присягу, но тем не менее на него возлагались обязательства — оказывать слуге покровительство и защиту, жаловать по службе и бласти честь и место слуги. Нарушение этих обязательств могло дать дружиннику повод расторгнуть его договор о службе и сложить с себя крестное целование.

Обычаи относительно расторжения договора о службе представляются чрезвычайно интересным вопросом истории феодальных отношений, но, к сожалению, источники на этот счет очень скудны и позволяют говорить только в общих выражениях и наметить основные положения обычного права.

Следует считать несомненным, что дружинник, недовольный князем и считавший свои права и интересы нарушенными, должен был заявить свою претензию князю. Поэтому нарушение дружинником присяги и такой отъезд от князя, когда дружинник отъезжал, «не бивши челом» о своей обиде, не получив от князя удовлетворения или отказа, считались клятвopеступлением и изменой, за которые князь имел право «опалиться» на дружинника и подвергнуть его любой каре. «В вине» слуг князь был вполне волен и мог «казнить», т. е. налагать то или иное наказание по своему усмотрению — прогнать слугу со своих глаз и удалить со службы, сослать в его деревню или в заточение, конфисковать все или часть имущества, наконец, казнить смертью.

На немотивированное и одностороннее расторжение договора дружинник решался пойти только в тех случаях, если не видел других путей отстаивать свои права и интересы. Нормальным путем защиты своих прав были челобитье князю и просьба о суде и исправе.

Упомянутая выше форма присяги после изложения обязанностей служилого человека содержит гарантии прав его. Неравенство сторон, т. е. великого князя и его слуги, наложило на эту часть присяжной грамоты печать некоторой неопределенности и скромной недоговоренности: «А через ею мою грамоту яз, имярек, • а со всеми своими детьми, что им ем думати и починати, или явится что которое лихо наше перед нашим государем перед великим князем, имярек, и перед его детьми, ино не буди на мне, ни на моих детях милости божиехх ни в сей век, ни в будущий, а государь мой, князь великий, и его дети над

мною и над моими детьми по нашей вине в казни волен. А по грехом по нашим какова придет на нас от кого обмолва государю нашему великому князю, имярек, и государю нашему великому князю без суда и без исправы не учинити нам ничего»².

Так, приносящий присягу дружинник признает за князем право «казнить», т. е. наказывать, «по вине», самого провинившегося слугу и его детей, но князь должен дать суд и исправу, т. е. возможность оправдываться и привести в свое оправдание все, что считал нужным. Исправа, т. е. возможность оправдываться, была особенно необходима потому, что на практике князь редко мог лично увидеть и констатировать вину своего слуги, а обыкновенно основывался на какой-либо «обмолве», т. е. на сообщениях и донесениях, правильных, ошибочных и явно клеветнических, своих же слуг.

О каком же суде и исправе шла речь? Это необходимо разъяснить, т. к. наши понятия о суде очень расходятся с понятиями по этому вопросу феодального средневековья. Князь в столкновении со своим дружинником, в споре о его вине, за которую он мог «казнить», как ему угодно, был одновременно и обвинительной стороной и судьей. Казалось бы, что при таких условиях ни о каком истинном суде не могло быть речи. В действительности дело было не так, как мы представляем себе, исходя из привычных нам понятий о суде.

Прежде всего следует сказать, что суд князя не был единоличным. Все важные вопросы жизни князь решал по совету со своей старшей дружиной. Можно считать весьма вероятным, что и вопросы о винах дружинников князь решал не единолично, а со своими старейшими дружинниками. Известно, что в XIV в. из всей массы княжеских бояр выделяется небольшая группа особо приближенных к князю лиц, которые называются «введенными боярами», т. е. допущенными в княжескую думу — совет.

Введенное боярство с течением времени стало чином государевой думы, и термин «боярин введенный» вышел из употребления. Таким образом, суд князя никогда не был единоличным — на суде князя присутствовало большее или меньшее количество бояр, а кроме бояр всегда присутствовали так называемые судные мужи.

Судные мужи — чрезвычайно характерный и интересный институт не только русского, но западноевропейского феодализма. Напрасно некоторые историки говорили, что судные мужи, выборные от населения, были новостью земских учреждений царя Ивана. В действительности присутствие их на всех судах, не только княжеских, но и на судах княжеских наместников и волостелей, было исконным обычаем древнего суда вообще и естественно вытекало из самой сущности древнего судопроизводства.

Древний суд был в подлинном смысле слова тяжбой, состязанием сторон. Обе стороны назывались первоначально истцами, т. к. каждый искал своего. Роль судьбы состояла в том, чтобы наблюдать за состязанием сторон и не допускать не освященных обычаями средств борьбы и взыскивать с виноватого в свою пользу и в княжескую казну установленные пошлины. Судные мужи были представителями общественности, свидетелями тяжбы и в случае надобности давали показания по вопросам обычного права.

На суде князей XV в. в судных мужах были дворяне, про которых источники говорят, что они «живут» у государя в думе, т. е. присутствуют. Во второй половине XVI в. думное дворянство стало чином государевой думы. Из самой сущности древнего суда как тяжбы сторон вытекало чрезвычайно важное следствие — недопустимость заочного суда и решения.

Таким образом, можно сказать, что княжеский суд был не только публичным, но по существу был судом общественного мнения ближайшего окружения князя, его бояр в собственном смысле слова и дворян, которые «жили» у князя в думе.

В конфликтах князя со своими слугами по вопросам службы и служебной присяги, когда князь был одновременно и судьей и как бы тяжущимся, обычное право требовало не только публичности суда, но и непременно присутствия княжеского слуги.

Князь должен был в присутствии своих дворян объявить прямо, в лицо своему провинившемуся слуге его вину и дать ему суд и исправу, т. е. возможность привести в свое оправдание все, что он имел и находил нужным сказать. Заочный суд без предъявления вины и без возможности оправдываться считался грубым произволом князя. Эти обычаи относительно княжеского суда были как бы конституционной гарантией прав дружинника-слуги нашего средневековья и нашего раннего феодализма.

Присутствие и участие тяжущейся стороны в суде князя относительно его слуги было в сущности выражением основного принципа древнего судопроизводства. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться внимание на то, какими жесткими формальностями обставляли обычное право и судебники те исключительные случаи, когда судья имел право вынести заочное решение, например в иске о холопстве присудить человека «в беглые», т. е. признать человека беглым холопом, которого господин имел право «поймать любым приставом», и вернуть человека в холопство без суда, в порядке исполнения решения судьбы. В имущественных исках заочное решение, путем выдачи истцу «безсудной правой грамоты», допускалось только в случае несомненного и до-

казанного злостного уклонения ответчика от явки к ответу на суд (см. по этому вопросу ст. 41 Судебника 1497 г.).

Когда провинившийся слуга князя был осужден указанным выше порядком, то князь был волен «казнить» его, т. е. наказать по своему усмотрению. Не следует представлять себе так называемые опалы князей как бытовое явление, как вспышки княжеского гнева. Опала была юридическим актом княжеской власти и состояла в том, что опальный, как нарушитель присяги и крестного целования, лишался защиты и покровительства князя и становился как бы вне закона. Право князя казнить провинившегося слугу по своему усмотрению вытекало из той присяги, которую приносил человек при поступлении на службу. Поэтому наказания, налагаемые князем на опального, могли быть очень различными. Опала начиналась с того, что князь удалял опального со своих глаз, лишал его своих «очей», т. е. лицезрения. Затем могли последовать понижение по службе или удаление со службы, ссылка в деревню без права показываться в Москве, конфискация части или всего имущества (вотчин, движимости и холопов), принудительное пострижение в монашество или, наконец, смертная казнь.

Словом, князь в опале был волен «казнить» виновного, как ему угодно, но подвергать опале он мог только после правого суда и исправы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСРЛ, т. X, с. 112.

¹ ГИМ, Синодальное собр., кн. 562, л. 123–124.

ГЛАВНЫЕ ЭТАПЫ ОБРАЗОВАНИЯ КЛАССА СЛУЖИЛЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОГО БОЯРСТВА

Земельная политика московских государей протекала в сложной обстановке образования класса служилых землевладельцев. Этот интересный вопрос в целом выходит далеко за пределы истории частного землевладения, но для правильного понимания земельной политики московских князей необходимо хотя бы вкратце обрисовать главные этапы образования ядра того класса землевладельцев, который в течение нескольких столетий занимал в великорусском государстве господствующее положение. Если мы попытаемся наметить периоды в образовании указанного класса, то сразу заметим, что они довольно близко совпадают с политическими моментами роста и усиления Москвы и объединения великорусской народности под властью московских государей.

Первый период охватывает время от возникновения Московского княжества до получения Иваном Даниловичем Калитой в 1328 г. первой, а в 1332 г. второй половины великого княжения. Территория, находившаяся под властью первых московских князей, была невелика, и так же невелико было количество бояр и слуг, группировавшихся вокруг них.

Первое место среди бояр московских Даниловичей занимал Протасий Федорович Вельяминов. Позднейшие родословные предания считали Вельяминовых потомками великокняжеских бояр и говорили, что они пришли в Москву из Владимира. Это весьма вероятно. Во всяком случае, достоверно известно, во-первых, что Протасий и его ближайшие потомки имели старые и весьма значительные вотчины под Москвой и в Московском княжении, а во-вторых, что Протасий был московским тысяцким и первым соратником Юрия и Ивана Калиты Даниловичей в их борьбе за великокняжеский стол. Это дает право высказать предположение, что Вельяминовы были из числа старых великокняжеских бояр и, владея вотчинами на первоначальной территории Московского княжества, раньше и решительнее других великокняжеских родов приняли сторону Даниловичей.

О второстепенных и рядовых сотрудниках первых московских князей мы знаем очень мало. Пока известны только два человека, ставшие родоначальниками известных позже родов, — Окатий и Мина. Сын Окатия Василий был боярином вел. кн. Семена, а от его внука, Тимофея Васильевича Волюя, пошла фамилия Валуевых. Мина упоминается в житии Сергия Радонежского как «вельможа» вел. кн. Ивана Калиты, оставивший по себе в Ростове худую память жестокостью и разорением ростовцев. Его сын, Дмитрий Минич, был незаурядным служилым человеком, хотя едва ли верно сообщение некоторых родословцев о том, что у вел. кн. Дмитрия Дмитрий Минич был в боярах.

Само собой разумеется, что кроме Окатия и Мины у первых московских князей были и другие бояре и слуги, но пока мы их не знаем. Однако возможные новые открытия по этому вопросу не изменят наших представлений об ограниченности круга лиц, служивших первым московским князьям. Еще важнее тот несомненный факт, что за исключением рода Бяконтовых-Плещеевых, о которых речь будет ниже, и Вельяминовых, которых я полагаю возможным считать старым великокняжеским родом, все прочие исторически значительные боярские роды, как это известно достоверно, стали служить в Москве только после того, как московские князья получили великокняжеский стол.

ВТОРОЙ ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОГО БОЯРСТВА

Второй период в истории московского боярства начинается приблизительно в 1328 г., когда Иван Калита получил ярлык на половину великого княжения. В этом периоде за 20–25 лет в Москву стекаются представители крупнейших родов, из которых образуется крепкое ядро правящей верхушки будущего Московского государства.

К числу крупнейших родов этого периода принадлежит род Ратши, судьбы которого мы можем проследить с середины XIII в.

Первым историческим лицом рода Ратши является Гаврила Алексич, витязь вел. кн. Александра Невского, прославившийся своими подвигами в бою со шведами на Неве в 1240 г.¹ После смерти Александра Невского сыновья Гаврилы Алексича, Иван Морхиня и Акинф Великий, как полагалось княжеским дружинникам, стали служить сыновьям Невского. В начале XIV в. мы находим их на службе у третьего сына Александра Невского, у Андрея Городецкого. Андрей Городецкий получил великое княжение в 1294 г. и умер без потомства в 1304 г.

Смерть тверских князей Александра и Федора, убитых в Орде по приказу хана, освобождала тверских бояр от присяги; дело тверских князей казалось безнадежно проигранным; и к этому именно времени

относится сообщение летописей о том, что многие тверские бояре выехали служить в Москву². В числе выехавших в Москву бояр были и Ратшичи, т. е. сыновья Акинфа Великого и его брата Ивана Морхиня, всем родом, с чадами и домочадцами, и со своими дружинами слуг, послужильцев и рабов.

Уже в 1339/40 г. мы видим на службе в Москве двух представителей рода Ратши — по приказу хана вел. кн. Иван Данилович отпустил под Смоленск с ханским послом Товлубием — своих воевод Александра Ивановича Морхинина и Федора Акинфовича, того самого, который в 1304 г. спасся бегством после поражения его отца под Переяславлем. А в 1347/48 г. упоминается в походе на Новгород и другой сын Акинфа — Иван³.

Чтобы не обременять рассказ излишними подробностями, назову только наиболее исторически значительные фамилии рода Ратши. От Григория Александровича Пушки Морхинина пошли фамилии Товарковых, Пушкиных, Мусиных-Пушкиных, Бобрищевых-Пушкиных, Кологривовых и Рожновых. От Ивана Акинфовича пошли фамилии Федоровых Хромого, Чеботовых, Чулковых, Жулебиных, Слизневых, Мятлевых, Бутурлиных и Челяднинных.

Вторым родом великокняжеского боярства общерусского масштаба можно считать род Миши Прушанина. По летописям и родословным преданиям, Миша Прушанин был соратником вел. кн. Александра Невского, отличившимся на Невском побоище, за что был пожалован в бояре. Некоторые родословцы прибавляют, что он был погребен «у Михаила святого на Прусской улице» в Великом Новгороде. Время и обстоятельства перехода потомков Миши Прушанина на службу в Москву неизвестны. Несомненным представляется, что они появились в Москве во время великого княжения Ивана Калиты, не позже 1341 г. Известно по источникам, что вдова Ивана Семеновича Мороза, Анна, занимала третье место среди великокняжеских боярынь⁴. Из этого можно видеть, что Морозовы занимали в Москве очень высокое положение. Сын Ивана Мороза, Лев Иванович, и его дядя Юрий и Федор Елизаровичи были убиты в 1380 г. на Куликовом поле.

Старший сын Ивана Мороза, Михаил, был боярином и в 1382 г. исполнял очень ответственное по обстоятельствам времени поручение — ездил в Тверь к митрополиту Киприану, которого вел. кн. Дмитрий не хотел пускать на митрополичий стол⁵. От Михаила Ивановича Морозова пошел ряд крупнейших боярских фамилий:

Морозовы-Поплевины, Салтыковы, Козловы, Шеины, Давыдовы, Тучковы и Брюховы-Морозовы. От Василия Семеновича Туши, брата Ивана Мороза, пошли Русалкины, Чеглоковы и Шестовы. Менее значи-

тельным было потомство Елизара Михайловича. От него пошли фамилии Вешняковых, Бурцевых и другие, менее значительные.

Морозовы-Поплевины, Салтыковы и Шеины настолько хорошо известны в последующей истории Московского государства, что для общей характеристики значительности рода Миши Прушанина я приведу справку только относительно Морозовых-Поплевиных. Делая обзор по поколениям, мы находим, что в боярах и окольных были: 1) Михаил Иванович (1382 г.), 2) Василий Михайлович Слепой, 3) Григорий Васильевич Поплева (1476–1492 гг.), 4) Иван, Василий и Яков Григорьевичи, 5) Семен Иванович (окольный в 1552 г.), Григорий, Владимир и Петр Васильевичи, Михаил Яковлевич, 6) Василий Петрович, 7) Иван Васильевич и Борис Иванович (1634–1662 гг. — боярин), 8) Михаил Иванович.

Третьим родом общерусского масштаба был род костромского боярина Александра Захаревича Зерна, убитого в Костроме в 1304 г. во время «замятии», которая произошла во всей Суздальской земле в связи с тяжбой Михаила Тверского и Юрия Московского из-за великого княжения. Летописный рассказ о событиях в Костроме неясен. Неясно, на чьей стороне был Александр Зерно и кто его убил. Позднейшая, совершенно фантастическая легенда о родоначальнике Зерновых, мурзе Чете, выехавшем будто бы в Москву в 1330 г. к Ивану Калите, не выдерживает никакой критики. В Москву выехал не мурза Чет, а его внук Дмитрий Александрович, сын Александра Зерна, и очень вероятно, что в 1330 г. Подобные хронологические смещения событий присущи почти всем генеалогическим легендам. Второй сын Дмитрия Александровича Зернова, Константин Шея, был видным боярином Дмитрия Донского и его сына вел. кн. Василия. От третьего сына, от Дмитрия Дмитриевича, пошла фамилия Вельяминовых-Зерновых. От внуков Дмитрия Александровича, от Федора Ивановича Сабурова и от Ивана Ивановича Годуна, пошла известные фамилии Сабуровых и Годуновых. Самыми значительными в XV–XVI вв. были Сабуровы.

Четвертым крупнейшим родом второго периода образования московского боярства был род Андрея Ивановича Кобылы. С него начинается родословие Кобылиных в Государево родословце, и мы последуем его примеру и не будем тратить время на разбор нелепой легенды о Камбиле Дивоновиче и прочем.

На исторической сцене Андрей Иванович Кобыла появляется в 1346/47 г. и притом сразу в чине боярина с весьма ответственным поручением. Летописи сообщают, что вел. кн. Семен послал в Тверь Андрея Кобылу и Алексея Петровича Хвоста сватами невесты великого князя, дочери тверского князя Александра.

Можно думать, что А. И. Кобыла не сразу по выезде в Москву получил боярство и что, следовательно, его выезд относится к более раннему времени. Род Андрея Кобылы настолько известен и истории, что мне достаточно перечислить фамилии, вышедшие из него, и сообщить некоторые существенные для характеристики рода в целом подробности.

От первого сына Андрея Кобылы, от Семена Жеребца, пошли Лодыгины, Коновницыны, Горбуновы, Кокоревы и Образцовы; от второго сына, от Александра Елки, — Колычевы, Хлуденевы, Мунзорины-Хлуденевы, Стербеевы и Неплюевы; от четвертого сына, от Гавши (Гаврилы), пошла Боборыкины; наконец, от пятого сына, от Федора Кошки, — самые значительные фамилии Захарьиных, Яковлей и Захарьиных-Юрьевых и от них Романовых и Шереметевых.

Захарьины-Кошкины, занимая в XV–XVI вв. неизменно очень высокое положение, трижды находились в родстве с великокняжеским домом (в третий раз — когда Иван IV женился на Анастасии Романовне Юрьевой Захарьиной).

Ко второму периоду относится появление в Москве Алексея Петровича Хвоста Босоволкова. Его потомство не принадлежало к верхам московского боярства и с исторической точки зрения не было значительным, но жизненная карьера самого А. П. Хвоста настолько характерна для процесса образования боярского класса, что о ней стоит рассказать подробно.

От Алексея Петровича Хвоста пошли следующие фамилии: Хвостовы, Отяевы, Белкины, Лебедевы, Шафровы и Пыжовы.

С некоторым вероятием ко второму периоду можно отнести выезд еще двух родов: Квашниных и Кутузовых.

Новгородское происхождение Кутузовых не подлежит сомнению. По родословным преданиям, их родоначальник Гаврила служил вел. кн. Александру Невскому. Внук Гаврилы, Прокша Андреевич, был погребен в Спасском на Нередице монастыре под Новгородом (Прокша — новгородская форма имени Прокофий). Возможно, что в Москву выехал его сын Александр. Тогда выезд Александра Прокофьевича следует отнести ко времени Ивана Калиты или немногим позже. Во всяком случае, несомненно, что внук Прокши, Федор Александрович Кутуз, был уже в Москве и был женат на дочери крупного московского боярина Константина Дмитриевича Шеи Зернова. Этот факт свидетельствует о том, что Федор Кутуз был сразу принят в среду московского боярства как свой человек.

Родословные предания Квашниных, осложненные позднейшими прикрасами, рассказывают о выезде Квашниных довольно сбивчиво.

Отбрасывая все недостоверное, можно принять, что их родоначальник Нестер Рябец или его сын Родион выехали в Москву из Киева при вел. кн. Иване Калите или немногим позже. Сын Родиона Нестеровича, Иван Квашня, был одним из крупнейших бояр вел. кн. Дмитрия Донского. На Куликовом поле он сражался во главе Коломенского полка. В числе бояр «веряеиших паче всех», по выражению летописца, Иван Родионович Квашня был свидетелем духовного завещания Дмитрия Донского.

От Ивана Родионовича Квашни пошли следующие фамилии (в порядке старшинства): Дудины, Квашнины, Невежины, Самарины, Розладины, Фомины и Тушины.

ПРИМЕЧАНИЯ

я

¹ ПСРА, т. X, с. 122.

¹ А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пг., 1918, с. 157–158.

¹ ПСРА, т. XVIII, с. 96.

¹ ГИМ, Собр. Уварова, кн. 157, л. 157.

¹ ПСРА, т. VIII, с. 47.

МОСКОВСКОЕ БОЯРСТВО В XIV В.

Ввиду сравнительной кратковременности княжения первых трех московских великих князей и малого количества фактов рассмотрим состав боярства с вокняжения Ивана Калиты до Дмитрия Донского. Принятие такого периода тем более целесообразно, что при вел. кн. Дмитрии состав боярства значительно обогащается новыми родами.

За тридцатилетний промежуток времени до вел. кн. Дмитрия, т. е. до 1359 г., по родословцам и другим источникам можно установить следующие роды.

1. Протасий Вениамин Федорович был тысяцким у вел. кн. Ивана Калиты. Эту должность унаследовал его сын Василий Вельяминович.

2. В 50-х годах XIV в. выдвигается соперник Василия Вельяминовича — Алексей Петрович Хвост Босоволков. Он занимает место тысяцкого. Между этими двумя родами происходит борьба, которая приводит к тому, что в 1356 г. Алексей Петрович был найден убитым неизвестными людьми на площади Кремля. В связи с этим Василий Васильевич Вельяминов в числе других бояр отъезжал в Рязань, но в 1358 г. по приглашению вел. кн. Ивана Ивановича вернулся в Москву и тогда же, вероятно, получил должность тысяцкого, которую занимал до своей смерти в 1373 г.

3. Потомки Ратши, Ратшичи, служили кн. Андрею Городецкому, а после его смерти поехали служить вел. кн. тверскому Михаилу Ярославичу. В 1304 г. Акинф Великий во главе тверской рати напал на Переяславль, где затворился Иван Калита, и был убит в бою. Его дети Иван и Федор бежали обратно в Тверь. В 1339 г. тверской князь Александр с сыном Федором были убиты в Орде, и вел. кн. Иван Данилович использовал это событие, чтобы нанести Твери удар и глубокое унижение.

В связи с этим, как сообщают летописи, многие тверские бояре выехали к московскому великому князю. В следующем году мы видим уже двух Ратшичей, Александра Ивановича Морхинина и его двоюродного брата Федора Акинфовича, на службе московского великого князя. В 1347/48 г. упоминается и брат Федора — Иван Акинфович. По-видимому, все они выехали около 1339/40 г. и заняли сразу очень видное положение.

4. В 1346/47 г. появляется на сцене родоначальник одного из самых могущественных родов — Андрей Иванович Кобыла. Вел. кн. Семен Иванович дал ему и А. П. Хвосту почетное и важное поручение привезти ему невесту, дочь тверского князя Александра. Поскольку подобные поручения исполняли позже виднейшие бояре, можно думать, что Андрей Кобыла был уже старым слугой вел. кн. Ивана Калиты.

5. К самому началу московского великого княжения относится выезд из Чернигова боярина Федора Бяконта. По родословцам, выехал к вел. кн. Ивану Калите, был у него боярином и московским наместником. Житие св. Алексея относит выезд к княжению Даниила Александровича и говорит, что на Москве у Федора родился сын Елевферий, впоследствии митрополит Алексей, а воспреемником при крещении был юноша кн. Иван Данилович. У Федора Бяконта было пять сыновей: Елевферий, Феофан, Матвей, бездетный Константин и Александр Плещей. Феофана можно считать несомненным боярином, Матвея — вероятным, а служба младшего сына, Александра Плещея, относится, по видимому, к княжению Дмитрия Донского.

6. Ко времени утверждения великого княжения за Иваном Калитой относится выезд могущественного рода костромских бояр Зерновых, от которого пошли Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы и за которым без достаточного основания утвердилось название рода мурзы Чета.

Мне кажется, что Зерновы были старым родом костромских бояр и что переход их на службу московских князей связан с утверждением за последними великого княжения, в состав которого входила Кострома. Родоначальником рода следует считать Дмитрия Александровича, сына того костромского боярина Александра Зерна, который был убит на Костроме вечниками в 1304 г.

7. Первым представителем рода Морозовых, который упоминается в летописях, был Михаил Иванович, боярин вел. кн. Дмитрия, но выше было показано, почему его отца, Ивана Семеновича Мороза, и вообще весь род следует считать исконным московским родом, который служил уже вел. кн. Ивану Калите.

8. Ко времени княжения Ивана Калиты следует отнести выезд Родиона Нестеровича, родоначальника Квашниных. К такому выводу мы приходим, если очистим легенду о выезде Родиона и его столкновении с Акинфом Великим от хронологических и других несообразностей. Показание же легенды о выезде в 1332 г. кажется правдоподобным. Поэтому я думаю, что Родиона можно считать весьма вероятным боярином рассматриваемого нами периода, в конце которого, быть может, вышел на сцену его сын Иван, бывший в 1371 г. одним из первых бояр вел. кн. Дмитрия. К этим боярским родам, несомненно служившим

московским князьям еще до Дмитрия Донского, следует прибавить роды, которые могут быть присоединены к первым с большой вероятностью.

9. К ним, во-первых, можно причислить потомков легендарного ордынского царя Редеди или Редеди, от которого пошли бояре Добрыньские и Белеутовы, а по некоторым родословцам и Сорокоу-мовы и Глебовы. Легенду о царе Редеге можно, конечно, без сожаления отвергнуть и считать этот род старым великорусским родом, который в лице Константина, жившего приблизительно во второй половине XIV в., имел вотчины в Юрьевском уезде и получил прозвище Добрыньского от одного из своих сел (Добрыньское и Сима километрах в 20—25 от Юрьева на север). Брат Константина Добрыньского Андрей Одинец, по свидетельству родословцев, был боярином, а сын Одинца Александр Белеут известен из источников как боярин вел. кн. Дмитрия. Поэтому с большой вероятностью можно считать, что Константин Добрыньский и Одинец занимали видное место среди бояр в середине XIV в.

10. К вероятным родам следует причислить потомков кн. Константина Фоминского. По родословцам и Бархатной книге кн. Константин был сыном вел. кн. смоленского Юрия Святославича. У Константина было три сына — все Федоры. Одного из них мы видим в 1339/40 г. как воеводу вел. кн. Ивана Даниловича, посланного с Товлубием в числе других под Смоленск. Затем известно, что вел. кн. Семен, разведясь со своей женой кн. Евпраксией, выдал ее замуж за кн. Федора Красного (старшего сына Константина). По поводу этого брака летописи сообщают, что вел. кн. Семен перезвал к себе на службу кн. Федора Святославича (отца Евпраксии) и дал ему Волок. От Константина, брата этого Федора, пошли Фоминские, а от его сыновей — Собакины, Салтыковы-Травины, Вепревы, Карповы, князья Козловские, Ржевские, Толбузины и другие. Из источников достоверно известно, что сыновья Федора Красного были боярами уже при вел. кн. Дмитрии. Сопоставление этих данных приводит к выводу, что Константиновичи Фоминские перешли на службу к московским князьям в 50-х годах XIV в., служили сначала с княжеским титулом, а позже при вел. кн. Дмитрии «княженье сложили» и стали нетитулованными боярами.

Перечисленным родам, конечно, не исчерпывается боярство Ивана Калиты и его сыновей Семена и Ивана. Более чем вероятно, что существовали роды, которые не оставили по себе никаких следов ни в летописях, ни в актах, а также память о которых не сохранилась в родословцах, т. к. они либо совсем вымерли, либо так «охудали», что их потомки не помнили уже своей связи с отдаленными предками и были столь мелкими людьми, что никто их родословием и не инте-

рессовался. Представителей подобных родов мы видим подписавшимися как бояре на договоре 1341 г. вел. кн. Семена со своими братьями. Там мы читаем (текст испорчен), что послухами были: «Василий..... тысяцкий, Михаиле Олександрович..... Васильевич, Василий Окадьевич, Она-нья, окольник[ий], Иван Михайлович»¹.

Первое имя следует прочесть «Василий Вельяминович», т. к. его сын Василий, последний тысяцкий, получил этот чин не раньше конца княжения вел. кн. Ивана Ивановича.

Что касается Михаила Александровича, Ивана Михайловича и окольника Анапия, то они не могут быть приурочены ни к одному из родов, записанных в Государеве родословце, в Бархатной книге и встречающихся в частных родословцах. Их следует искать среди бояр удельных князей, и вот почему. Из шести лиц, подписавшихся под договором 1341 г., несомненно, были бояре князей Ивана и Андрея, как представители их государей. Такими боярами и были Михаил Александрович и Иван Михайлович, а может быть, и Анапий. Это предположение подтверждается следующими фактами.

В Симеоновской летописи и в рогожском летописце под 6892 (1384) г. есть сообщение о том, что вел. кн. рязанский Олег захватил Лопасну «и наместника изнимаша Михаила Александровича и поведоша его на Рязань и биша его, и многы пакости сътвориша ему, и потом одва выкупили его»². В летописи не сказано, чьим он был наместником, но зная, что Лопасна в то время входила в состав удела кн. Владимира Андреевича Храброго, едва ли можно сомневаться, что Михаил Александрович был боярином этого князя.

Подтверждение этому мы находим в договоре вел. кн. Дмитрия и его брата кн. Владимира Андреевича с Ольгердом (1371 г.), при заключении которого были и присягали бояре Дмитрий Михайлович (Боброк Волынский), Иван Михайлович, Дмитрий Александрович и Иван Федорович (вероятно, Собака Фоминский; менее вероятен Воронцов). И здесь Дмитрий Александрович и Иван Михайлович выступают как вероятные бояре кн. Владимира Андреевича. Этому предположению не противоречит то, что в повествовании о Донском побоище, вставленном в Никоновскую летопись, Михаил Александрович упоминается как «московский боярин», который производил подсчет побитых воинов³: кн. Владимир Андреевич со своими боярами принимал большое участие в бою, а Михаил Александрович мог быть назван московским боярином в противопоставление многочисленным союзным князьям и их слугам, принявшим участие в побоище⁴.

Если принять это предположение, т. е. считать, что Михаил Александрович, Иван Михайлович и, может быть, окольник Анапий были

боярами кн. Ивана, кн. Андрея и его сына Владимира, то исчезновение их для родословцев становится легко объяснимым. Как было показано в монографиях родов, например, Монастыревых, Сатиных и других, которые переходили на службу к удельным князьям или сначала были слугами удельных князей, только постоянная служба при дворе великих князей давала роду прочное положение. Переход на службу к удельным князьям, как правило, был безвозвратной деградацией рода. Этим объясняется то, что в источниках XIV в. упоминается много бояр и слуг кн. Владимира Андреевича, и в большинстве случаев мы не можем найти для них места ни в одном роде из числа тех, которые попали в родословцы и Бархатную книгу.

Таковы, кроме указанных выше, воеводы кн. Владимира Андреевича – на Куликовом поле Данила Белоус, Константин Конанович (в списке синодика Успенского собора из собрания Шукина – в числе убитых), Андрей Шуба (в числе убитых, по летописям) – Акинф Федорович Шуба, убитый в 6876 [1368] г. Ольгердом. Также невозможно выяснить при помощи родословцев бояр того же князя, подписавшихся у его духовной: Константина Ивановича⁵ (Шонуров Козельский?), Михаила Ивановича, Алексея Григорьевича, Андрея Борисовича и Григория Михайловича.

При вел. кн. Дмитрии и его сыне Василии состав боярства осложняется новыми родами, но без преувеличения можно сказать, что в своей основе его следует считать сложившимся до вел. кн. Дмитрия. Такое утверждение может показаться чрезмерно смелым и неосновательным, но ниже оно будет развито и обосновано, а пока укажу на тот разительный факт, что две трети нетитулованных думцев Шереметевского списка за время от вел. кн. Ивана III до начала Смуты вышли из перечисленных выше старых родов, служба которых на Москве за время до вел. кн. Дмитрия Донского несомненна.

Роды, выехавшие или выдвинувшиеся при вел. кн. Дмитрии Донском.

1. Полевы и Еропкины выводили свое происхождение от смоленского кн. Федора Юрьевича, который приехал с отцом к вел. кн. Василию в 6912 [1403/04] г. В 1390 г. Александр Борисович Поле был уже боярином вел. кн. Василия Дмитриевича. Остается предположить, что Полевы происходили от какого-то другого смоленского князя и их родоначальник А. Поле выехал на Москву во второй половине княжения вел. кн. Дмитрия.

2. Ко времени вел. кн. Дмитрия относится, несомненно, выезд Всеволожей, сыновей Александра-Всеволода Глебовича Смоленского. По родословцам, у кн. Александра было четыре сына, из которых Иван

Большой остался в Смоленске, а его братья Дмитрий, Владимир и Иван Меньшой, от которого пошла ветвь Заболотских, выехали на Москву. Дмитрий и Владимир на Куликовом поле занимали очень видное место, они командовали передовым полком. Выезд их предположительно можно отодвинуть лет на двадцать перед этим — в 60-е годы XIV в., когда политика Ольгерда относительно смоленских княжат заставляла многих из них бежать.

3. Дмитрий Минич, родоначальник Софроновских и Проесте-вых, появляется на сцене в 1368 г. как воевода вел. кн. Дмитрия, посланный против Ольгерда и убитый в бою. Поскольку ни один родословец не говорит ничего о его выезде, род Минин можно считать старым московским родом и вести его от того «вельможи» Мины, который с Василием Кочевым был послан вел. кн. Иваном Калитой в Ростов, когда Ростов достался Ивану Калите вместе с великим княжением.

4. Род Беклемишевых, Княжнинных, Орловых по частным родословцам и росписи, поданной в Разряд, выводит свое происхождение из «Немец» и относит свой выезд ко времени вел. кн. Василия Дмитриевича. Выше было показано, что последнее утверждение ошибочно и что Беклемишевы служили уже вел. кн. Дмитрию. Поэтому и показание относительно выезда из «Немец» можно взять под сомнение.

5. Род Старковых родословцы выводят от царевича Большой орды Серкиза (Черкиза), который выехал к вел. кн. Дмитрию и в крещении получил имя Ивана. Это показание можно считать вероятным, т. к. сын Ивана — Андрей Иванович Серкизов, воевода Переяславского полка — был убит на Куликовом поле.

6. Ко времени княжения Дмитрия Донского с большой вероятностью можно приурочить выезд Кутузовых. Из родословной легенды о выезде можно сделать только тот вывод, что это род новгородский.

7. В 1378 г. появляется на сцене родоначальник Монастыревых — Дмитрий Александрович, воевода вел. кн. Дмитрия, убитый в бою с татарами на р. Воже. Происхождение Монастыревых от смоленских княжат более чем сомнительно. Несомненным же является то, что Монастыревы в течение нескольких столетий были вотчинниками на Белоозере, что дает основание считать их коренным белозерским родом, вышедшим на службу московских великих князей, быть может, до вел. кн. Дмитрия и в XV в. служившим верейско-белозерским князьям, кн. Андрею и его сыну Михаилу.

8. Относительно Волынских достоверно известно, что родоначальник их выехал к вел. кн. Дмитрию. О том, что он был принят с большой «честью», говорит то, что вел. кн. Дмитрий выдал за него свою сестру, кн. Анну. Время его выезда относится к первой половине княжения Дмитрия, т. к. уже в 1371 г. мы видим его воеводой в походе на Ря-

зань. В источниках Д. М. Боброк называется Волынским и иногда называется, быть может не без основания, князем (например, в Бархатной книге). Г. А. Власьев в исследовании о роде Волынских⁶ высказывает предположение, что Дмитрий Михайлович происходил из Червонной Руси, из местечка «Бобрка» на речке того же имени, километрах в тридцати от Львова, и был владельцем этого местечка. Эта местность лежала на границе Польского государства и как раз в середине XIV в. не раз подвергалась опустошительным набегам польского короля и неоднократно переходила из рук в руки, от Литвы к полякам и обратно. Это предположение кажется весьма вероятным. Во всяком случае, можно считать несомненным, что род Д. М. Волынского — юго-западного происхождения.

Ко времени княжения вел. кн. Дмитрия относится, по родословцам и другим данным, возникновение еще нескольких родов, собственно не боярских, известных в истории и попавших в родословцы либо по своему выдающемуся родоначальнику, либо по нескольким думцам, вышедшим из этих родов. К этим родам принадлежат:

9. Новосильцевы, исконный русский род, позже (в XVII в.) разукрасивший свое происхождение выездом из Свейских немцев.

10. Меликовы (Старые и Милюковы), ведущие свое происхождение от воеводы вел. кн. Дмитрия Семена Мелика, выехавшего будто бы из «Немец» и убитого на Дону.

11. Мячковы, считавшие себя потомками Олабути, сродника «теврижского» царя, выехавшего к вел. кн. Дмитрию.

12. Поливановы, выведившие крайне сбивчиво и фантастично свое происхождение от ордынского татарина Кочевы.

13. Быть может, к концу княжения Дмитрия следует отнести выезды потомков муромских князей, Василия и Ивана, родоначальников Овцыных, Лыковых и других фамилий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ СГГД, ч. I, □ 23, с. 37 [ДиДГ, □ 2, с. 13].

¹ ПСРА, т. XVIII, с. 98–99.

¹ Там же, т. XI, с. 65; т. XV, изд. 2, вып. I, стлб. 63.

¹ Михаил Александрович упоминается в синодике Успенского собора (ДРВ, ч. VI, с. 450).

¹ Константин Иванович — боярин кн. Владимира Андреевича в Москве в осаде 1408 г.

¹ Г. А. Власьев. Род дворян Волынских. — ИРГО, вып. IV, с. 127–201.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ БОЯР ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ

Первое место, без сомнения, занимали Вельяминовичи. Старший представитель рода, Василий Васильевич, был тысяцким до своей смерти в 1373 г., его брат Федор Воронеж — боярином, а Тимофей — окольничим. Через сына Василия, тысяцкого Микулу, Вельяминовичи были в свойстве с великим князем, т.к. Микула и вел. кн. Дмитрий были женаты на родных сестрах, дочерях кн. Дмитрия Константиновича Суздальского. К концу княжения Дмитрия Донского Вельяминовичей постигает ряд ударов — несчастий. После смерти Василия вел. кн. Дмитрий не назначает никого на должность тысяцкого, потому ли, что решил уничтожить эту должность, или потому, что не желал дать ее сыну Василия или представителю другого рода. По-видимому, на этой почве старший сын Василия, Иван, чувствуя себя обиженным, отъехал в Тверь и добыл в Орде тверскому князю ярлык на великое княжение. В 1379 г. он был пойман и казнен на Кучкове поле за свою измену, а все его потомство навсегда лишилось того положения при дворе, на которое оно могло рассчитывать по своему происхождению. В следующем году Вельяминовых постигает еще новый удар: Микула погибает на Куликовом поле, не оставляя потомства. В конце XIV в. погибает, не оставив мужского потомства, третий сын тысяцкого Василия, Полиевкт. Есть указание, что он «убился с церкви». Так, к концу княжения Дмитрия остаются в живых Тимофей, дочь Полиевкта, вышедшая в 1406 г. замуж за кн. Петра Дмитриевича Дмитровского, единственный сын Федора Воронца Иван и Юрий Грунка, младший брат Василия тысяцкого.

За долголетнее княжение Дмитрия Донского на исторической сцене появилось много лиц. Но выяснить, какие именно роды выдвинулись, представляется довольно трудным. Главным источником в этом вопросе, несомненно, являются подписи на духовных грамотах. Можно с уверенностью сказать, что великий князь приглашал быть послухами у своих духовных не всех бояр, и с большим основанием утверждать, что приглашенные были действительно самые близкие и влиятельные бояре — «вернейшие паче всех», как выражается один летописец. Такой список вернейших бояр, призванных вел. кн. Дмитрием перед смертью (летопись не говорит о подписях на духовной), дает так называемый

список Дубровского Новгородской IV летописи¹. Когда сравниваешь этот список лиц с лицами, подписавшимися на второй духовной, то возникает интересный вопрос: заимствовал ли летописец свой список из духовной (что было вполне возможно) или у него были какие-то другие источники. К сожалению, список, несомненно, испорчен переписчиками, что значительно его обесценивает. Рассмотрим подписи на духовных и список летописца.

Первая духовная (1371г.)	Вторая духовная (около 1389 г.)	Список Дубровского Новгородской IV лет.
1. Тимофей Васильевич окольничий	5. Дмитрий Михайлович 6. Тимофей Васильевич	15. Дмитрий Михайлович 16. Тимофей Васильевич
2. Иван Родионович	7. Иван Родионович 8. Семен Васильевич	17. Иван Родионович 18. Дмитрий Константинович 19. Семен Иванович
3. Иван Федорович	9. Иван Федорович 10. Александр Андреевич	20. Иван Федорович 21. Никита Федорович
4. Федор Андреевич	11. Федор Андреевич 12. Федор Андреевич 13. Иван Федорович 14. Иван Андреевич	22. Федор Андреевич 23. Иван Федорович Квашнин

Замечу, что выяснению лиц, подписавшихся на второй духовной, помогает список этих лиц с фамилиями, который мы находим в некоторых частных списках разрядов.

Так, в разрядной книге из собрания В. О. Ключевского (ныне принадлежащей автору) читаем такую запись:

«Того же году, волею божиею, князя Дмитрия Ивановича Донского не стало, а у духовной сидели приказшики: отец его духовной преподобный игумен Сергий, да игумен Севастьян, да бояре сидели Дмитрий Васильевич (ошибка — следует «Михайлович»). — С. В.) Вольнской, Тимофей Васильевич Воронцов, Иван Родионович Квашня, Семен Васильевич да Иван Федорович Воронцовы, Олександро Ондреевич Азатый, Федор Ондреевич Свибло, Федор Ондреевич Кошка, Иван Федорович Собака, Иван Ондреевич Хромой».

Дословно такой же список, с той же ошибкой в отчестве Д. Вольнского, мы находим в разрядной книге Федора Васильевича Бутурлина

(окольничий с 7158 [1649/50] г., умер в 7181 [1672/73] г.), списанной с книги Мелентия Клементьевича Квашнина².

Как можно видеть, составители этой разрядной имели доступ к такому важному документу, как [вторая] духовная великого князя, и по ней составили свой список, присоединив к нему фамилии и прозвища.

1, 6 и 16-й — несомненно, Т. В. Вельяминов, брат Федора Воронца, окольничий в 1371 г. и боярин в конце княжения Дмитрия Донского.

2-й, 7-й и 17-й — И. Р. Квашня, родоначальник Квашниных, умерший в 1390 г., вероятно в глубокой старости.

3-й — И. Ф. Собака Фоминский или И. Ф. Воронцов. 9 и 20-й — И. Ф. Воронцов, племянник Тимофея Васильевича.

4-й — из двух бояр Дмитрия Донского с этим именем более вероятным представляется Ф. А. Свибло, правнук Акинфа Великого, т. к. Ф. А. Кошка был, по-видимому, моложе Свибла.

5-й и 15-й — несомненно, Д. М. Волинский, как показано в разрядных книгах.

8-й — единственным возможным лицом является Семен Васильевич, брат Тимофея Волюя Окатьевича, убитого на Куликовом поле. В разрядах он ошибочно объединен с И. Ф. Воронцовым. В роде Воронцовых-Вельяминовых такого лица не было.

10-й — А. А. Остей, брат Федора Свибла, как показано в разрядах, наиболее вероятен, т. е. на боярство его тезки и современника А. А. Елки Кобылина прямых указаний нет.

11-й и 22-й — Ф. А. Свибло, упомянутый выше под □ 4.

12-й — Ф. А. Кошка, сын Андрея Кобылы, как показано в разрядах. В летописном списке не упомянут, быть может вследствие недосмотра переписчиков.

13-й — единственное возможное лицо как указано в разрядах, — Собака, сын Федора Константиновича фоминского.

14-й — И. А. Хромой, брат Ф. Свибла и А. Остей, как показано в разрядах.

Таким образом, мы видим, что сделанное в частных разрядах определение фамилий лиц, подписавшихся на второй духовной, следует признать вполне правильным. Ошибка допущена только относительно Семена Васильевича Валуева Окатьевича, но это понятно, т. к. этот род, как было выше сказано, сошел со сцены в начале XV в., а указанная редакция разрядов была сделана много позже, когда память об этом угасшем роде исчезла.

В летописном списке вернейших бояр мы видим новые лица.

18-й — Дмитрий Константинович среди боярских родов был один: это — Д. К. Заяц Добрынский, младшие братья которого при

вел. кн. Василии Дмитриевиче и вел. кн. Василии Васильевиче были боярами. Но это сомнительно, как потому, что на боярство Д. Заяца пока не найдено нигде указаний, так и потому, что для его боярства, если оно было, это как будто рано. Если высказывать предположения, то вероятнее, что в данном случае произошла ошибочная перестановка имени и отчества, и, очевидно, можно видеть в этом боярине Константина Дмитриевича Шею Зернова.

19-й — Семен Иванович, это, несомненно, ошибка и следует — Семен Васильевич (□ 8), т. к. Семена Ивановича за это время нет ни в одном роде.

Наконец, 21-й — Никита Федорович. С таким именем есть одно лицо — Н. Ф. Туриков-Всеволож, но он жил много позже (при вел. кн. Василии Темном), и на боярство его тоже нет указаний в источниках.

Таким образом, сопоставление подписей на двух духовных с летописным списком вернейших бояр показывает, что последний заимствовал имена духовной, но через вторые руки, пропустил по недосмотру одного Федора Андреевича и перепутал другие имена, не дав ни одного нового и в то же время достоверного лица.

Внимательное исследование подписей на духовных вел. кн. Дмитрия вскрывает состав ближайших бояр этого князя, а также интересный факт выдвижения Акинфовичей.

Не говоря о Вельяминовичах, по-прежнему высоко стоит старший боярин И. Квашня, единственный сын Родиона Нестеровича. Выдвигается старший правнук Акинфа Великого — Федор Свибло, дядя которого Михаил Иванович, живший в это время и убитый на Куликовом поле, кажется, не дослужился до боярства. Вслед за Свиблом попадают в бояре его братья: Иван Хромой и Александр Остей. Если напомнить, что несколько позже выдвигаются другие братья Свибла — Иван Бутурля, Андрей Слижень и Михаил Челядня, то мы должны признать несомненное выдвижение Акинфовичей.

Другие старые роды стоят на втором плане. В самом деле, из рода Морозовых за это время известен как боярин только старший сын Ивана Мороза, Михаил, но его подписи мы не видим.

Затем, из рода Андрея Кобылы в конце княжения Дмитрия Донского выдвигается только Федор Кошка. Его выдвижение несколько загадочно. Дело в том, что в XIV—XVI вв. в зависимости от счетов старшинства лиц в роде мы видим, что в думу попадают обыкновенно старшие сыновья. Часто, например, можно наблюдать такую картину: старший попадает прямо в бояре, следующий сын или сыновья — сначала в окольничие, а потом уже в бояре, а младшие либо совсем не

попадают в думу, либо не дослуживаются до боярства. Федор Кошка, пятый и последний сын Андрея Кобылы, становится видным боярином, тогда как о службе его старших братьев ничего неизвестно. Остается предположить одно из двух: или то, что четыре старших брата не попали в думу благодаря исключительно неблагоприятному стечению обстоятельств, например ранней смерти, или то, что Кошка обладал исключительными способностями и пользовался исключительной милостью великого князя» давшего ему боярство вопреки обычаям.

Из старых родов выбывают из думы Хвостовы. Выше было показано, что возвышение Алексея Хвоста на должность тысяцкого, столкновение его на этой почве с Вельяминовичами и насильственная смерть от рук неизвестных убийц вывели его род из числа боярских родов великого князя.

Несколько непонятно отсутствие Бяконтовых, тогда как во время написания первой духовной были живы братья митрополита Алексея — Феофан Федорович (вероятно) и Александр Плещей (наверное). Наконец, в конце княжения Дмитрия, несомненно, был боярином, и очень значительным, Данила Феофанович. Когда он умер в 1392 г., то летописи отметили его смерть и заслуги: «Бе истинный боарин великого князя и правый доброхот, служаше бо государю безо лъсти в Орде и на Руси паче всех, и голову свою складаше по чюжим странам, по незнаемым и по неведомым местом, многы труды понес и истомы претерпе; егда же бежа из Орды князь Василий, и тако угоди своему господеви; и тако тогда великий князь, любве ради иже к нему, на погребении его сжалился по нем, прослезился и плака на мног час»³.

Следует отметить еще, что в числе свидетелей духовных нет представителей старого рода зерновых. Из рода князей Фоминских выдвигается второго сына Федора Красного — Иван Собака.

Наконец, отмечу, что как Василий Окадьевич был свидетелем договора вел. кн. Семена с братьями, так его сын Семен является свидетелем второй духовной Дмитрия. (Его брат Тимофей Волуй был убит до написания второй духовной, на Куликовом поле.)

Замечательно, что из новых родов мы видим только одного представителя — Д. М. Вольнского, шурина вел. кн. Дмитрия.

Другим источником для выяснения выдающихся бояр вел. кн. Дмитрия являются списки участников Куликовского боя, а также убитых на этом бою, находящиеся в летописях, и список убитых в синодике Успенского собора. К сожалению, и в летописях и в синодике много ошибок, внесенных переписчиками. Дополнением к этим источникам служат данные родословцев.

Наиболее полное и исправное перечисление лиц дает Никоновская летопись. Несколько имен прибавляет Новгородская IV по списку Дубровского. Сопоставляя эти источники, можно установить следующий список главных участников по родам.

Из рода Вельяминовых воеводами были Тимофей Васильевич и Микла Васильевич. Последний убит. Новгородская IV летопись прибавляет к ним, как второго воеводу в правой руке, Федора Грунку.

Из рода Ратши был убит воевода Михаил Иванович, а его племянник Федор Свибло оставлен на Москве для охраны города и семьи великого князя.

Новгородская IV летопись прибавляет еще храброго костромича в полк Ивана Родионовича Квашни⁴ — Григория Холопищева, правнука Ивана Гавриловича Морхини, брата Акинфа Гавриловича Великого.

Из рода Морозовых был убит воевода Лев Иванович Морозов. По родословцам, убиты также Юрий и Федор (Злизаровичи, двоюродные дядья Льва (Федор — родоначальник Вешняковых).

Из рода зерновых упоминается как костромич в полку И. Р. Квашни⁵ один Федор Сабур, родоначальник Сабуровых.

Наконец, из старых родов следует упомянуть убитого Тимофея Васильевича Волуя Окадьевича.

Затем следуют представители новых родов: знаменитый воевода Д. М. Вольнский, один из главных организаторов победы, убитые воеводы Андрей Иванович Серкизов и Семен Мелик, воеводы два брата Всеволожи — Дмитрий и Владимир Александровичи и убитый в бою любимец вел. кн. Дмитрия Михаил Андреевич Бренко. Некоторые летописи называют его боярином, но, очевидно, это слово здесь не означает боярского чина. Судя по всему, Бренко был худородным любимцем великого князя и ни его родители, ни потомки не входили в состав боярства. В XVII в. Челищевы, выведившие свой род ни мало, ни много, как от Вильгельма Люнебургского, включили Михаила Бренка в свое генеалогическое древо. Их родословие, достоверное для XVI—XVII вв., для более раннего времени не может быть подтверждено источниками и весьма фантастично. В общем ни о предках, ни о потомках Бренка мы ничего не знаем.

Имена убитых в большинстве летописей передаются в испорченном переписчиками виде. Относительно некоторых имен мы наблюдаем отмеченное мною в родословных преданиях явление: хронологическое смещение фактов и аберрацию памяти. Так, в числе убитых показаны Дмитрий Минич, который был убит в 1368 г. в бою с Ольгердом, и Дмитрий Александрович Монастырев, убитый в 1378 г. в бою на Воже.

Представляют интерес другие лица, поименованные в летописях: Семен Михайлович, Иван Александрович и Андрей Шуба. В последнем можно видеть с некоторой вероятностью родственника боярина кн. Владимира Андреевича, Акинфа Федоровича Шубы, который был убит Ольгердом в 1368 г. Первые два лица вызывают сомнения. Семена Михайловича нет ни в одном роду за это время, а Иван Александрович только один. Это — младший брат Дмитрия и Владимира Всеволожей, которые упоминаются в летописях и в родословцах, тогда как про их младшего брата не сказано ничего ни в летописях, ни в родословцах. Нет Александра Ивановича и в синодиках. Все это дает основание думать, что в летописях это имя испорчено.

К сожалению, в синодике приходится констатировать порчу имен и, быть может, пропуски, допущенные переписчиками. Так, из числа многих князей, убитых на Куликовом поле, записаны только кн. Федор Белозерский и его сын Иван. После них записан Константин Иванович, но, очевидно, это — ошибка. В Шукинском списке синодика вместо него — Константин Константинович, как раз тот воевода кн. Владимира Андреевича, который указан в летописях в разряде полков, но не упомянут в числе убитых. Далее записан Семен Михайлович. Если это не белозерский князь, который упоминается в летописях в числе убитых, то и это имя следует считать испорченным. Наконец, в синодике после Михаила Ивановича (Акинфовича, как было сказано выше) записано: «другому Михаилу Ивановичу». Мне кажется, что это один из бояр кн. Владимира Андреевича.

* * *

Это небольшое количество родов, едва достигающее двух десятков, образует очень сплоченный круг лиц, связанных с князьями и между собой узами родства и свойства. Даже отрывочные сведения, дошедшие до нас, дают очень выразительную картину. Микула Васильевич Вельяминов и вел. кн. Дмитрий были свояками, т. е. были женаты на родных сестрах, дочерях суздальского князя Дмитрия Константиновича. Дочь Микулы выходит замуж за Ивана Дмитриевича Всеволожа. Кн. Петр Дмитриевич Дмитровский, сын Дмитрия Донского, женится на дочери Полиевкта Васильевича Вельяминова. Федор Андреевич Кошка выдает свою дочь за кн. Федора Михайловича Микулинского. Иван Федорович Собака Фоминский был сыном несчастной кн. Евпраксии Смоленки, разведенной жены вел. кн. Семена Гордого. Брат Свибла Иван Андреевич Хромой, Александр Андреевич Белеут, Семен Мелик и Иван Толбуга, двоюродный брат боярина Ивана Собаки, — все были женаты на род-

ных сестрах, дочерях боярина Д. А. Монастырева. У третьего сына Ивана Мороза, Дмитрия, одна дочь — замужем за Иваном Семеновичем Меликовым, а другая — за Юрием Степановичем Бяконтовым, митрополичьим боярином, племянником известного боярина Даниила Феофановича. Дочери боярина Константина Дмитриевича Шеи Зернова были замужем: одна — за Федором Кутузом, другая — за кн. Александром Федоровичем Ростовским.

Представители этих родов при дворе вел. кн. Дмитрия все были наперечет, все на виду. В такой среде сложился, как средство самозащиты от инородцев и пришельцев, как принцип внутренней дисциплины и порядка обычай местнических родовых счетов, который одинаково связывал как великого князя, так и его слуг. Если соотношение родов между собой и положение того или иного лица в роде связывали в известной мере князя и давали право каждому лицу претендовать на соответствующее его происхождению место, то, с другой стороны, они обязывали каждого родича отстаивать свое положение и честь рода, т. е. даже если бы он не желал этого по тем или иным причинам, его заставили бы это делать остальные родичи.

Позже, с наплывом новых родов, в зависимости от роста государства, с разветвлением размножившихся родичей старых родов, с усложнением всех отношений вообще этот строй начинает распатываться. Непоправимо тяжелые удары наносит ему самодержавная политика вел. кн. Ивана III и в особенности царя Ивана. В XVII в. местнические счета — уже уродливый анахронизм, благодарная, но едва ли разумная пища для презрительных насмешек Котошихиных и историков, которые описывают местничество «по Котошихину».

В связи с местническим родовым счетом стоит право выкупа родовых вотчин как средство сохранения за родом основы его могущества — земли.

Это родовое строение служилого класса, особенно отчетливое и последовательное в его верхах, в боярстве, составляет очень существенную черту XIV в., и этим явлением объясняется то, что в течение двух следующих столетий старые роды, несмотря ни на что, занимают в правящем классе первое место.

Вопрос об отъезде бояр и вольных слуг, по праву и на практике, будет рассмотрен особо. Здесь я сделаю только те замечания, которые касаются изучения состава боярских родов.

По родословцам, взятым в связи с другими источниками, мы можем проследить службу около тридцати родов за промежуток времени

более двух столетий. Материал значительный для выводов, тем более что он касается самой верхушки служилого класса.

На основании этого источника мы можем сделать несколько выводов.

Мы видим, что уже к середине XIV в. образовалось основное ядро московского боярства. К концу этого века его можно считать вполне сложившимся. Позже оно обрастает новыми наслоениями, но все пришедшие позже роды, за небольшими исключениями, уже не могут занять видного и прочного положения. Случаи отъездов и выездов, конечно, бывали, и некоторые из них отмечены в родословцах, но подавляющая часть бояр и слуг служит наследственно, из поколения в поколение. Такое же обособление боярского класса произошло в XIV в. и в других больших княжениях — в Тверском, Рязанском, Нижегородском и т. д. Московские бояре не отъезжают, потому что не желают утратить выгодного положения на службе у растущего Московского великого княжения, а боярам и слугам других княжений нет расчета пользоваться своим правом отъезда по той простой причине, что им нет почти никакой возможности занять в сплоченной среде московского боярства видное место. Попытки в этом направлении не могли быть удачными. В родословцах на этот счет есть очень интересные случаи. Например, родословие Сидоровых-Ковылиных рассказывает, что их родоначальник Семен выехал из Литвы к вел. кн. Василию Дмитриевичу, но, очевидно, не устроился и отъехал в Рязань. Сын Семена, Семен же, выехал опять на Москву и будто бы был боярином вел. кн. Василия Темного. Но и ему не пожилось на Москве, и его сын Яков опять отъехал в Рязань. Сыновья Якова были в Рязани боярами, но с присоединением Рязанского княжества к Москве потомки этих бояр заняли скромное место в третьих-четвертых рядах московского служилого класса.

Тверское боярство было, по-видимому, много сильнее рязанского, но и оно не смогло сохранить своего положения. Случаи выезда тверских бояр в Москву были крайне редки, так же как и отъезды москвичей в Тверь. Некоторым тверским родам удалось сохранить свое социальное положение только тем, что они перешли на службу в Москву незадолго до присоединения к ней Твери. Из этих родов, покинувших своего государя, когда дни его были сочтены и падение можно было предвидеть, только некоторые отрасли самого могущественного рода Бороздиных заняли в Москве видное и прочное положение.

История московских родов вскрывает еще интересные факты. Когда кто-либо из старых родов отъезжал в Литву или Тверь, то он сам и его потомство теряли навсегда свое положение при дворе. Интересный

случай мы можем наблюдать в роде Белеутовых. Феодосии Белеутов, отец, дед и два младших брата которого были боярами, в начале XV в. отъехал в Литву. Его сыновья Алехно и Михаил выехали обратно в Москву, но и они и их потомки вышли навсегда из боярской среды. Совершенно исключительный случай мы можем наблюдать в одной отрасли рода князей Фоминских. Внук Федора Слепого, Федор Андреевич Коробкин, отъехал в начале XV в. в Тверь. Незадолго до падения Твери тверские бояре стали отъезжать в Москву, и в 1476 г. выехали, в числе других, внуки Федора Коробкина — Василий Бокеев и сыновья Карпа. Сами выехавшие не были пущены в думу, но внукам Карпа удалось получить место во вторых рядах московского боярства.

Следующее наблюдение подтверждается еще большим количеством материалов и для характеристики боярских отъездов еще более значительно. Не только отъезд в чужие княжения был связан с потерей навсегда своего положения при московском дворе, но даже переход рода или той или иной отрасли рода на службу от великого князя московского и его младшим «братьям», удельным князьям, был в огромном большинстве случаев непоправимой деградацией.

Так, Монастыревы, Хвостовы, Полевы, не говоря об отдельных отраслях других родов, перейдя на службу к удельным князьям, не могли по мере уничтожения уделов восстановить своего боярского положения. Этому соответствует и говорит о том же другое явление: исконные боярские роды, служившие удельным князьям, как, например, Новосильцевы, Сатины и другие, не могли при переходе на службу к великим князьям получить место в боярской среде.

Все эти наблюдения приводят к выводу, что боярство как класс уже в XIV в. прочно осело на землю, связалось по родам со своими князьями, и если отдельные представители по нужде или из-за обиды, которой не сумели стерпеть, пользовались правом отъезда, то в огромном большинстве случаев они не улучшали своего положения, а, что называется, переобувались из сапог в лапти. На такое дело среди нормальных людей обыкновенно бывает мало охотников.

Очень многие роды Государева и частных родословцев, а также позже роды, подавшие росписи в Разряд в конце XVII в., приурочивают свой выезд ко времени княжения Дмитрия Донского. Несомненно, что некоторую роль в этих подчас не отвечающих действительности показаниях о выезде играл тот ореол славы, которым было окружено имя Дмитрия Донского, но также несомненно, что это в какой-то мере является отражением действительности. При критической проверке этих показаний все-таки остается несомненным факт, что на время

княжения Дмитрия и его сына Василия приходится наибольшее количество достоверных выездов выдающихся родов. И этот факт вполне гармонирует с сильным ростом и укреплением Московского великого княжения при этих двух князьях.

Но, кроме того, в политике вел. кн. Дмитрия и его бояр и, быть может, в самой личности Дмитрия было что-то такое, что привлекало служилых людей и способствовало росту и усилению служилого класса. Заслуживает, как мне кажется, внимания то, что за время княжения Дмитрия неизвестно ни одного случая опалы и конфискации имущества, ни одного отъезда, за исключением отъезда И. В. Вельяминова, т. е. явлений, которые мы можем иногда наблюдать в XV в. и очень часто в XVI в., особенно при Иване IV. В Москву стекаются выходцы, занимают иногда очень хорошее положение и все находят себе соответствующее место. Очевидно, что сам великий князь и верхушка его боярства умеют принимать пришельцев «с честью» и ставить каждого на свое место. Создается впечатление, что пришельцы встречали на Москве устойчивую и четкую политику отношения великого князя к выходцам, которая их привлекала и отвечала их интересам.

В самом деле, как время Екатерины Великой считают «золотым веком» дворянства, так время Дмитрия Донского можно назвать «золотым веком» боярства. Количество родов невелико; роды еще не успели размножиться и разбиться на ряд самостоятельных ветвей. Счеты между родами и отношения к великому князю ясны. Родовые вотчины еще не раздробились между многочисленными наследниками. Во главе каждого рода стоит признанный старший, который служит великому князю и выходит в походы не один с небольшим количеством послужильцев и рабов, как позже, а со своим двором, в состав которого могли входить и младшие родичи, и вольные слуги, и множество рабов. Частые, но редко удачные походы и обогащали бояр добычей в виде разных материальных благ, рабов и скота, и вознаграждались земельными пожалованиями и «великим» кормлением, которые получал боярин со своим двором.

Необходимо обратить внимание на то, что ни под одной духовной других великих князей нет такого числа подписей бояр. Например, у Василия Темного два свидетеля, а у Ивана III — четыре свидетеля, хотя число бояр значительно увеличилось.

В некоторых списках летописей помещена Повесть о жизни и последних часах вел. кн. Дмитрия. Можно легко согласиться с тем, что Дмитрий не произносил таких речей, которые вложил ему в уста автор Повести, и видеть в них только риторический прием; можно согласить-

ся, что в Повести много традиционных прикрас и гиперболов, но нельзя не признать большой осведомленности автора и верности характеристики взаимных отношений князя и бояр, которая дана в Повести. Осведомленность автора видна хотя бы из того, что он подробно и довольно толково излагает духовное завещание Дмитрия, в чем мы можем убедиться, сравнив рассказ с дошедшим до нас подлинником.

Своим сыновьям вел. кн. Дмитрий завещал: «И бояры своя любите, честь им достойную воздавайте противу служению их, без совета их ничто же не творите». Боярам Дмитрий напоминал, что он родился и вырос на их глазах и с ними царствовал «лет 27».

«И мужествовах с вами на многи страны и противным страшен быв во бранех и поганья низложих... Великое княжение свое вельми укрепих, мир и тишину земли Русьстей сотворих отъчину свою с вами соблюдох. И вам честь и любовь даровах, под вами грады держахи великия власти и чада ваша любих и никому же зла не сотворих, ни силою что отъях, ни досадах, ни укорих, ни разграбих, ни избежествовах, но всех любих и в чести дер-жах. И веселихся с вами, с вами и поскорбех. Вы не нарекошесь у мене бояре, но князи земли моей...» Помните вашу присягу, как вы обещали «должны есмя, тебе служба и детем твоим, главы своя положити»⁶.

Еще раз следует подчеркнуть, что дело вовсе не в дословной точности или неточности этих речей, а в яркой характеристике взаимных отношений великого князя и боярства, данной автором Повести, характеристике, которая вполне гармонирует с общим впечатлением, складывающимся при изучении других источников периода княжения Дмитрия Донского. В применении же к вел. кн. Василию Темному, а тем более к Ивану III она была бы во многих отношениях ложной и полной диссонансов. Подчеркну, в частности, указание на присягу наследственной службы («служити тебе и детем твоим») и патриархальную близость отношений князя с боярами...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСРА, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 488.

¹ ГИМ, Собр. Уварова, № 593, л. 2.

¹ ПСРА, т. VIII, стр. 62–63; ср. т. VI, с. 123.

¹ Интерполяция Квашниных.

¹ То же.

¹ ПСРА, т. XXI, вторая половина, с. 403.

МОСКОВСКОЕ БОЯРСТВО В КОНЦЕ XIV-XV ВВ.

Итак, мы видим, что к концу XIV в. московское боярство можно считать вполне сложившимся.

В XV в. появляются на сцене роды Нетши (Даниловы), Сорокоумовы-Глебовы, быть может, старые, но выдвинувшиеся позже. Выезжают кн. Юрий Патрикеевич и грек кн. Степан, родоначальник Ховриных-Головиных. С середины XV в. входят в боярскую среду князья Оболенские. В XV в. выдвигаются лично, а не родами представители некоторых не боярских родов, например Басенковы. Наконец, в последней четверти XV в. в думу входят ряд княжеских родов и некоторые тверские бояре, и состав правящего класса значительно изменяется.

Весь этот процесс образования правящего класса можно в зависимости от главных этапов развития Московского великого княжения разделить естественным образом на три этапа.

Первый период, как мне кажется, можно начать несколько искусственной гранью — смертью вел. кн. Дмитрия Донского и естественным пределом его считать начало борьбы вел. кн. Василия Васильевича с кн. Юрием Дмитриевичем и его сыновьями за великое княжение. Этот период можно назвать периодом эволюционного развития класса в старых рамках удельных отношений.

Борьба вел. кн. Василия за великое княжение была не только борьбой двух принципов наследования, не только борьбой удельных княжат против великого князя, но и борьбой боярских родов. Даже скудные источники, которыми мы располагаем, дают возможность различить, какие роды оставались в этой борьбе все время верными вел. кн. Василию, какие колебались, какие приняли сторону удельных княжат. В результате этой борьбы произошли большие перестановки. Выдвинулись на первые места такие роды и отрасли, которые раньше были в тени, и сошли со сцены совсем или во вторые ряды те роды или отрасли родов, которые принимали слишком видное участие на стороне потерпевших поражение удельных княжат.

Наметившийся после этой замятии перелом становится ясным с вокняжением вел. кн. Ивана III. Великое княжество московское пере-

рождается в государство в собственном смысле слова и объединяет всю Северо-Восточную Великороссию.

В соответствии с этим изменяется состав боярского класса: один за другим в него входят роды удельных князей и тверское боярство. Гранью этого третьего периода следует считать террор опричнины царя Ивана, при котором погиб без остатка целый ряд старых родов, а другие сильно поредели или, разоренные, утратили свое положение. После опричнины до начала Смуты московские цари правят с остатками того же самого класса. Смута начинает новый период, довершая во многих отношениях дело опричнины, а после Смуты состав класса уже изменен и перерожден сверху донизу.

Движение родов в первом периоде.

1. *Вельяминовы-Воронцовы*. Со смертью Семена, бездетного сына окольничего Тимофея, пресекались все старшие отрасли Вельяминовых, за исключением Ивана, сына Федора Воронца. Представитель младшей ветви, Федор (Юрий?) Грунка, если и был боярином, то его дети в думу, по-видимому, не попали. Иван Федорович Воронцов, бывший боярином еще при вел. кн. Дмитрие, умер, по-видимому, в начале XV в., и его место в думе занял его единственный сын Никита. Таким образом, в первом периоде Воронцовы-Вельяминовы перестали занимать первенствующее положение в думе.

2. *Акинфовичи*. Несмотря на опалу и конфискацию имущества, постигшие на рубеже XV в. (до 1406 г.) старшего Акинфовича — Федора Свибла, остальные Акинфовичи продвигаются один за другим и занимают настолько видное положение, что его можно сравнить с положением Вельяминовых в XIV в. Вслед за Иваном Хромым и Александром Остеем выдвигаются остальные братья — вероятные бояре Иван Бутурля и Андрей Слизень, а во второй половине княжения Василия Дмитриевича — Михаил Челядня. Михаил Челядня через брак старшего сына Ивана с дочерью кн. Юрия Патрикеевича был в свойстве с великим князем. В конце княжения Василия Дмитриевича выдвигается следующее колено: Давид, сын Ивана Хромого (вероятный боярин), и два сына Александра Остея — Роман и Тимофей.

3. О *Морозовых* за этот период ничего неизвестно. Можно считать вероятными боярами трех сыновей боярина Михаила Ивановича: Василия Слепого, Василия Шею и Бориса, но в общем этот род ничем не выделялся.

4. Из *рода Андрея Кобылы* продолжают возвышаться потомки его младшего сына Федора Кошки. Последний умер в начале XV в. А в послании Едигея (6916 [1408] г.) его старший сын, Иван, упоминается как казначей, любимец и «старейшина» великого князя, который, в проти-

воположность своему отцу, Кошке, угрождавшему Орде, навлекает на Русь своими неразумными советами гнев ордынского царя: великий князь «не выступает» из его слова и думы. Вслед за ним выдвигается его брат — Федор Голтяй, дочь которого выходит замуж в 6915 [1406/07] г. за кн. Ярослава Владимировича Боровского. О близости Кошкиных к великому князю свидетельствует то, что Иван был свидетелем всех духовных Василия Дмитриевича, а Федор — первой.

5. *Бяконтовы* продолжают свою карьеру, но ничем не выделяются. После смерти в 1392 г. престарелого боярина великих князей Дмитрия и Василия Данилы Феофановича, кажется, были боярами его сыновья Константин и Иван. Два другие внука Феофана, Юрий и Данила Степановичи, «служат боярами, как их отец, которого вел. кн. Василий Дмитриевич «отдал» митрополиту в бояре. Затем начинается выдвижение младшей ветви рода Бяконта, Бориса Даниловича Плещеева, внука Александра Плещея.

6. Из сыновей *Ивана Родионовича Квашни* попадает в бояре его второй сын, Илья, которого Едигей в своем послании называет в числе старших бояр, которые могли бы подать добрый совет, как вести себя по отношению к Орде. (В списке родословной рода Квашниных Илья Иванович показан в числе бояр, подписавших духовную вел. кн. Василия Дмитриевича. В действительности ни на одной из трех духовных его подписи нет. Очевидно, это одна из «затеек» — интерполяций Квашниных, которые отметил Бутурдин, списывая для себя эту роспись.)

7. После насильственной смерти *Алексея Петровича Хвоста* его потомство выходит из числа московских боярских родов. Его внук и правнук служат можайско-верейским удельным князьям.

8. Сходит со сцены и род *Окатьевичей Валуевых*. Старший сын Тимофея Волюя, убитого на Куликовом поле, [Федор], по-видимому, был убит своим «лукавым рабом» в 1382 г. Его брат Данила в 1392 г. был боярином, и на этом кончаются наши сведения об этом роде. В конце XIV или в начале XV в. по неизвестным причинам он выходит из боярской среды.

9. *Род Зерновых* стоит по-прежнему высоко. Иван и Константин Шея Дмитриевичи были свидетелями первой духовной вел. кн. Василия Дмитриевича. Константин не имел сыновей, с единственного сына его брата Ивана — Федора Сабурова — начинается возвышение Сабуровых, старшей ветви рода Зерновых. Федор Иванович Сабур упоминается на Куликовом поле как храбрый костромич в полку И. Р. Квашнина. Очевидно, он был тогда молодым человеком. После смерти отца он попал в думу и был свидетелем второй и третьей духовных вел. кн. Василия.

Брат Федора Сабур, Данила Подольский, был боярином, но младший брат, Иван Годун, судя по всему, до боярства не дослужился. Его потомство более ста лет прозябало в среде рядового дворянства и выдвинулось только во второй половине XVI в.

Данила Подольский в некоторых родословцах показан бездетным, по другим — у него был один сын и один внук, на котором пресекался весь род.

10. Неясны причины выхода из боярской среды потомства *Федора Красного Фоминского*. Его внуки от старшего сына, Михаила Крюка, Борис и Иван, были боярами вел. кн. Василия Дмитриевича и умерли оба бездетными. Внуки от второго сына, Ивана Собаки, Семен Трава и Василий, тоже были боярами того же князя. Василий умер бездетным. Конечно, смерть трех внуков-бояр без мужского потомства ослабляла род, но, кажется, для этого были и другие причины. Дело в том, что пятого внука, Василия Борисовича Вепрева, мы видим позже как сторонника Шемяки, а их братальник Федор Андреевич Коробьин, внук Федора Слепого Фоминского, отъехал в Тверь. Как бы то ни было, Фоминские в этом периоде вышли из боярской среды, и только в XVI в., при вел. кн. Василии Ивановиче, одной ветви рода, Карповым, удалось занять скромное место среди думных чинов.

11. Из *рода Редечи* выдающееся положение занимали представители двух ветвей: Добрыньские и Одинцовы. Андрей Константинович Сахарник Добрыньский был боярином вел. кн. Василия Дмитриевича. В 1420 г. он упоминается как боярин кн. Константина Дмитриевича, а позже вел. кн. Василия Васильевича. Его брат, Федор Симский, упоминается в 1429 г. как воевода великого князя. Наконец, третий Добрыньский, Петр Хромой, упоминается в послании Едигея как старший боярин, который может дать великому князю разумный совет.

Позже, во втором периоде, Добрыньские приняли участие в борьбе князей за великое княжение, и это было причиной выхода их из боярской среды. Боярин Александр Андреевич Белеут в 1390 г. исполнял почетное поручение: ездил в Литву за невестой великого князя кн. Софьей Витовтовной. Его старший сын, Феодосий, отъехал в Литву, а в бояре попали два других, Роман и Федор, в конце княжения вел. кн. Василия Дмитриевича или в начале княжения его сына.

Интересно проследить и отметить, как трудно было удержаться в боярской среде новым родам вел. кн. Дмитрия Донского, т. е. таким, которые выехали при нем или, будучи старыми, при нем выдвинулись на историческую сцену. Мы знаем таких родов более десятка, и из них заняли видное место одни Всеволожи.

О некоторых родах за этот период ничего неизвестно. Таковы *Меликовы* (от Семена Мелика), *Старковы* (от Андрея Серкизовича), *Кутузовы*.

Два рода — *Полевых* и *Мининых* — выбывают по неизвестной причине. Боярин Александр Поле в 1390 г. ездил в Литву за кн. Софьей, невестой великого князя, в 1401 г. он был воеводой в походе на Торжок и больше не упоминается. Неизвестно ничего и о его единственном сыне Дмитрие...

Напряженные после смерти вел. кн. Василия Дмитриевича отношения между его сыном вел. кн. Василием и дядей кн. Юрием Дмитриевичем перешли в 1431 г. в открытую борьбу, длившуюся более 20 лет и закончившуюся в 1453 г. Эта продолжительная смута была испытанием не только для междукняжеских отношений и власти московских великих князей, но и для всего боярского класса. При такой длительной смуте никто не мог остаться в стороне, все так или иначе, одни в большей, другие в меньшей степени были втянуты в борьбу князей между собой. Правда, низшие классы не приняли активного участия в борьбе, но интересы служилого класса, в особенности боярства, были настолько тесно связаны с интересами князей, что ему так же, как и князьям, история поставила вопрос: быть ли Великокороссии единым государством или по-прежнему делиться на уделы и страдать от этого; на чью сторону стать и что делать? И если в результате борьбы победа осталась за Московским великим княжеством, за принципом государственного единства, то это объясняется не столько «политикой» великокняжеской власти, сколько интересами и сознательностью боярства и всего служилого класса. Правда, что в этой борьбе, как и во всякой, некоторые лица преследовали свои личные цели, другие с самого начала сознавали интересы своего класса, но в общем после непродолжительных колебаний линия поведения боярства определилась и определила исход борьбы. Лица, принявшие слишком решительно ложное направление, выбыли из боярского класса, другие столь же решительно стали на правильный путь, и боярство в целом вышло из борьбы консолидированным и простило отступникам их колебания.

Словом, эта замятия привела к пересмотру родов и лиц, к удалению чуждых элементов и к консолидации боярского класса.

Необходимо сказать несколько слов об источниках, которыми мы располагаем для освещения этого вопроса. Летописи, как известно, дают мало указаний на участников смуты и очень редко объясняют мотивы их поведения. Если бы у нас был только этот источник, то мы должны были бы отказаться от попытки выяснить этот вопрос. Но мы имеем ценный материал родословцев, который проливает значитель-

ный свет. Правда, что и родословцы почти ничего не дают для выяснения роли отдельных лиц, но они дают большее — имея перед глазами родословные таблицы и внимательно всматриваясь в историю отдельных родов, мы имеем возможность констатировать, какие роды остались в стороне от борьбы и ничего не потеряли, какие выиграли, какие пострадали. Сопоставление этого материала с летописными фактами освещает далеко не все, но весьма многое.

Итак, рассмотрим отдельные акты этой многолетней драмы, придерживаясь летописей и справляясь все время в родословных действующих лиц.

В прологе драмы первую роль играет боярин Иван Дмитриевич Всеволожский.

Смерть Витовта в октябре 1430 г. и митрополита Фотия в конце 1431 г. развязала руки кн. Юрию Дмитриевичу. Он вернул великому князю перемирный договор 1428 г., что означало начало открытой борьбы за великое княжение. После переговоров обе стороны решили по прежнему договору передать спор на решение хана. В сентябре 1431 г. кн. Юрий и вел. кн. Василий, едва достигший 16 лет, отправились в Орду. С вел. кн. Василием приехал Иван Дмитриевич Всеволожский. В летописях рассказывается, как Иван Дмитриевич ловко поссорил вельмож хана, а затем грубой, чисто азиатской лестью расположил хана в пользу великого князя и одержал таким образом победу над кн. Юрием. Есть указания, что уже во время этой поездки Иван Дмитриевич завел речь о браке великого князя со своей дочерью и получил от него, быть может, обещания. Как бы то ни было, но дальнейшее показывает, что он хлопотал в Орде за вел. кн. Василия не совсем бескорыстно, а в расчете возвыситься и закрепить свое положение браком дочери с великим князем.

Успешная поездка в Орду с великим князем и оказанные услуги давали ему новое основание породниться с великим князем и занять таким образом одно из первых мест.

Никоновская летопись сообщает: «Боярин великого князя Василия Васильевичи Иван Дмитриевич, служивый... ему со всем предложением и истинным сердцем во Орде, и великое княжение ему у Махметя царя взя, и возхоте за великого князя Василия Васильевичи дщерь свою дати; и о сем слово бысть ему с великим князем». По возвращении из Орды, продолжает летопись, великий князь и его мать, вел. кн. Софья Витовтовна, не пожелали этого брака и избрали другую невесту — кн. Марью, дочь Ярослава Владимировича, внучку Марьи Голтлевой Кошкиной. Едва ли можно сомневаться, что в этом решении их под-

держивали Кошкины и, вероятно, другие роды, не желавшие возвышения Ивана Дмитриевича.

Иван Дмитриевич не смирился перед этим отказом и сразу перешел к враждебным действиям: «И тако Иван Дмитриевич с Москвы побежа ко князю Константину Дмитриевичу на Углич, к дяде великого князя Василия Васильевича, и оттоле во Тферь, а со Твери в Галич ко князю Юрию Дмитриевичу»²⁰. Ясно, почему именно в эти места поехал Иван Дмитриевич: зная недружелюбное и даже враждебное отношение этих князей к великому князю, он поехал к ним склонять их к нападению и открытой борьбе.

В той же летописи, очевидно из другого источника, вставлено, что зимой того же года Иван Дмитриевич из Твери отъехал в Галич ко кн. Юрию Дмитриевичу «и начат подговаривати его на великое княжение; и князь Юрьи по его думе посла по дети своя, по князя Василья и по князя Дмитрея по Шемяку на Москву; а они тогда были на свадьбе великого князя Василья Васильевича»²¹.

Этим кончается пролог, за ним тотчас разворачивается первое действие драмы — пир на свадьбе вел. кн. Василия с кн. Марьей Ярославной. Чтобы уяснить себе всю обстановку ссоры, происшедшей во время пира, надо напомнить отношения, сложившиеся между князьями после их поездки в Орду. Кн. Юрий, чувствуя свое бессилие бороться против племянника, поддерживаемого ханом, уехал к себе в Галич и не явился на свадебный пир. Его сыновья отнеслись к унижению отца иначе и не были склонны порывать с великокняжеским двором. Из дальнейших событий видно, что они были против возобновления борьбы и пошли на это только под влиянием оскорбления и по приказанию отца. Таким образом, пожар вражды за недостатком пищи готов был погаснуть. Оскорбленный отказом великого князя, Иван Дмитриевич прекрасно это понимал, и если кому было нежелательно наступившее перемирие, то больше всего ему.

Бежав из Москвы, он отправился ко всем возможным союзникам своего мщеника и врагам великого князя. Как показали дальнейшие события, ему удалось склонить на выступление кн. Юрия. Необходимо было поднять и сыновей кн. Юрия, и для этого была пущена легенда о золотом поясе. Напомню эту легенду. Суздальский кн. Дмитрий Константинович дал этот ценный пояс в приданое за своей дочерью вел. кн. Дмитрию Донскому (1366 г.). Тысяцкий Василий Вельяминов на свадьбе (!) подменил этот пояс другим, менее ценным, и впоследствии подарил своему сыну Микуле. Микула дал этот пояс Ивану Дмитриевичу, когда выдал за него свою дочь. Иван Дмитриевич дал его в свою очередь в приданое своему зятю кн. Андрею Владимировичу. Наконец,

в 1431 г. этот пояс попал к кн. Василию Косому, когда он обручился с дочерью кн. Андрея, внучкой Ивана Дмитриевича. Нелепость этой легенды сразу бросается в глаза. Пояс исключительной ценности три раза переходил на глазах у всех из рук в руки, и никто не замечает и не знает о подмене, происшедшей за 65 лет перед тем! И только на свадьбе великого князя, когда пояс был на кн. Василии Косом, вдруг Петр Константинович Добрынский «познал», что это был тот самый краденый пояс.

Замечательно, как летописцы рассказывают эту историю пояса, изложенную выше. Они без всяких комментариев рассказывают историю пояса и, как бы извиняясь за сообщение такой нелепости, прибавляют: «Се же пишем того ради, понеже много зла с того ся почяло». Если даже допустить невероятное предположение, что тысяцкий Василий совершил эту кражу незаметно для всех окружающих, то факт этой кражи мог быть известным только в его семье и прежде всего Ивану Дмитриевичу. Он же и пустил эту легенду, чтобы подлить масла в огонь — посорить сыновей кн. Юрия с московским двором.

Его расчет оказался правильным. При дворе нашлись лица, которым эта выдумка была на руку. Она послужила грубым предлогом, чтобы нанести в угаре пьяного пира тяжелое оскорбление кн. Василию. П. К. Добрынский, о котором мы еще услышим позже, «познал» этот пояс, а Захарий Иванович Кошкин сорвал его с кн. Василия, совершенно невинного, даже если бы пояс действительно был украден 65 лет тому назад, и тем нанес ему тяжелое оскорбление. Участие Захария Кошкина едва ли случайно — ведь он был двоюродным дядей кн. Марьи, внучки Марьи Голтяевой Кошкиной. Это дает повод думать, что Кошкины были в числе тех бояр, которые расстроили брак великого князя и дочери (или внучки) Ивана Дмитриевича.

Оскорбленные так грубо, братья уехали из Москвы в Галич к отцу. В Галиче под влиянием и при участии Ивана Дмитриевича шли спешные приготовления к походу. Приезд сыновей развязывал руки кн. Юрию, и он быстро двинулся на Москву. Князья были уже в Переяславле, когда великокняжеский наместник в Ростове П. К. Добрынский узнал об их движении и бросился в Москву уведомить великого князя. Великий князь, не подготовленный к борьбе, выслал навстречу кн. Юрию своих послов Федора Андреевича Лжа и Федора Товарка для переговоров о мире.

Но «Иван Дмитриевич не дал о миру ни слова молвити. И тако возвратившися послы великого князя безделни», т. е. не сделав дела. Великий князь наскоро собрал людей, случившихся на Москве при нем, присоединил к ним торговых и других москвичей и стал на Клязьме в

двадцати километрах от Москвы. Несмотря на превосходство сил противника, он дал бой и был разбит, т. к. от москвичей не было никакой помощи — «мнози бо от них пиани бяху, а и з собою мед везяху, что нити еше»²².

Интересно было бы знать, на чей счет происходило это несвоевременное пьянство? Разбитый великий князь бежал через Тверь в Кострому, а кн. Юрий занял Москву, сел на великом княжении и послал своих сыновей за великим князем. Привезенный в Москву, великий князь «добил челом» кн. Юрию при помощи любимого боярина кн. Юрия, Семена Федоровича Морозова, «бе бо сей Семен у князя Юрья Дмитриевича в велице славе и любви».

Под влиянием С. Морозова кн. Юрий совершил грубую ошибку — освободил великого князя и дал ему в удел Коломну. Иван Дмитриевич и многие бояре и слуги, принявшие сторону кн. Юрия, предвидя последствия ошибки и опасаясь наказания, «разъяришася о сем, и не любо им бысть сие всем».

Последствия ошибки сказались очень быстро. Кн. Юрий захватил Москву и великое княжение врасплох. Освобожденный великий князь стал на Коломне центром, вокруг которого могли собраться его бояре и слуги. На его зов к нему стали стекаться люди не только со всех концов великого княжения, но и из Москвы — бояре и слуги стали отказываться от кн. Юрия и отъезжать на Коломну «от мала до велика».

В числе других, видя свое дело проигранным, поехал с повинной и Иван Дмитриевич с детьми²³, но расчет на прощение оказался ошибочным: он был схвачен, ослеплен, и все вотчины его конфискованы.

В Ермолинской летописи под 6941 (1433) г., т. е. правильно, сообщается: «Того же лета князя великого Иван Дмитриевич поймал и с детьми, да и очи ему вымали»²⁴. Редактор летописи Ф. И. Покровский в примечании заметил, что это известие вставлено по ошибке и должно быть отнесено к 6953 [1444/45] г., когда великий князь был ослеплен. С этим нельзя согласиться. Здесь следует видеть описку переписчиков и прочесть это место так: «князь великий Ивана Дмитриевича поймал, и с детьми, да и очи ему вымали». Старик И. Д. Всеволожский был ослеплен в 1433 г., по приезде в Коломну, и тогда же, по-видимому, умер. В договоре 1433 г. великого князя с кн. Юрием упоминаются вотчины, конфискованные у Ивана Дмитриевича.

Интересно отметить, как объясняют летописи этот съезд служилых людей в Коломну. Никоновская летопись объясняет это тем, что «не любо им бысть всем на любовника княже Юрьева на Семена Морозова»²⁵. Но мотив зависти к С. Морозову мог подвигнуть только немногих,

а не тех, которые съезжались со всех концов Руси. Более основательное, хотя и в неудачной форме, объяснение находим в других летописях и в некоторых родословцах: «И князи и бояре не навькли служить галицким князем и поехали все от мала до велика на Коломну»²⁶. Смысл этого показания раскрывается легко, когда мы знаем историю служилых родов...

К началу княжеской усобицы целый ряд родов, как, например, *Монастыревы*, *Сатины*, *Новосильцевы*, *Хвостовы*, *Отяевы*, *Мячковы*, *Полевы* и другие, был вытеснен из среды московских бояр и служил удельным князьям. Кроме служебных связей они большей частью были связаны и своим землевладением в уделах.

Кроме этих родов удельным князьям служили и представители младших или захудалых ветвей московских боярских родов.

Во всяком случае, всегда переход на службу к удельным князьям был своего рода деградацией, и, возвращаясь на службу к великому князю, такие лица и их потомки не могли восстановить своего прежнего положения.

Поэтому естественными союзниками великокняжеской власти были старые московские роды, так же как естественными сторонниками удельных князей были те роды, которые перешли к ним на службу или служили по своим вотчинам исстари.

Если мы соберем все показания летописей и других источников о лицах, которые так или иначе оставили по себе следы в истории и принимали участие в этой многолетней драме, то увидим, что в общем они распределяются так, как и можно было ожидать, зная их принадлежность к тому или иному роду. Если были исключения, то они только подтверждают высказанное мнение.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим, как отразилась княжеская усобица в конечном счете на судьбах известных нам родов.

Обзор родов дает возможность сделать ряд очень интересных выводов. О старых родах, которые, видимо, ничего не потеряли и не выиграли от княжеской усобицы, а таких большинство, я не буду говорить. Отмечу только те роды, в которых заметны изменения в худшую или лучшую сторону, изменения, которые предположительно или по прямым указаниям источников можно поставить в связь с событиями этого времени.

К родам, выдвижение которых можно поставить с некоторой вероятностью в связь с событиями 1431–1453 гг., можно отнести *Кутузовых*, *Сорокоумовых-Глебовых* и *Мамоновых-Даниловых*.

О службе Кутузовых ничего неизвестно до 40-х годов XV в. О Федоре Александровиче Кутузе известно, что он был женат на дочери боя-

рина Константина Дмитриевича Зернова. Судя по этому, он был не рядовым служилым человеком, но на исторической сцене появляются только его сыновья, брат Григорий Горбатый и племянники.

Род *Нетии* принадлежал к старым боярским родам удельных князей. На службу к великим князьям он перешел не во время усобицы и не в связи с нею, а позже, в результате ликвидации нескольких уделов. Андрей Дмитриевич служил кн. Ивану Можайскому и был у него боярином, когда князь «поймал» его, а жену его сжег «безлеп» по обвинению в волшебстве в 6951 [1442/43] г. Сын Андрея, Григорий Мамон, в 1480 г. был ближайшим советником вел. кн. Ивана. Он и Иван Васильевич Ощера вызвали со стороны некоторых летописцев суровое осуждение за осторожные советы. Насколько это справедливо, трудно сказать, но для нас важно то, что Мамон, несомненно, был близким к великому князю человеком и что, несмотря на это, получил окопничество только в 1500 г. Так трудно было удельным слугам устроиться при московском дворе.

Выше было отмечено очень неясное прошлое Сорокоумовых-Глебовых в XIV и начале XV в. С некоторой долей вероятности боярином можно считать только Василия Глебовича, да и то неизвестно, кому он служил. В родословцах говорится, что старший сын Василия Глебовича, Григорий Криворот, был дворецким вел. кн. Василия Васильевича. По другим источникам, Григория Криворота можно считать вероятным боярином начала княжения Ивана Васильевича. К числу родов, занимавших очень видное положение в XIV и в начале XV в. и утративших его к середине XV в. следует отнести потомков кн. Константина Фоминского. Однако ставить это в прямую связь с междукняжеской усобицей едва ли возможно. В самом деле, у боярина Михаила Федоровича Крюка было два сына, Борис и Иван, которые, по родословным данным, были боярами при вел. кн. Василии Дмитриевиче. Оба они умерли бездетными, по-видимому до начала смуты или в самом начале ее. У боярина Ивана Федоровича Собаки было тоже два сына — Семен Трава и Василий. По родословным данным, они были боярами вел. кн. Василия Дмитриевича. У Василия был один бездетный сын. От Семена Травы пошли Скрябины, Осокины, Пырьевы и Салтыковы-Травины, но когда и почему они выбыли из боярской среды, неизвестно. Наконец, у Бориса Федоровича Вепря был сын Василий. Василий Вепрев в 6955 [1446/47] г. служил кн. Шемяке, был у него воеводой и был разбит кн. Рязполовским. В родословцах у него не показано потомства, и на основании этих фактов можно думать, что Василий сложил свою голову на службе у Шемяки. Прежде чем перейти к заключению, скажу еще несколько слов о тех представителях старых мо-

сковских родов, которые отмечены в летописях как лица, замешанные в смуте.

К таким принадлежит Иван Федорович Старков, правнук татарского царевича Серкиза, выехавшего к вел. кн. Дмитрию Донскому. Выше было упомянуто, что он «коромолил» с Москвы в 6954 [1446] г. Там же было разъяснено, в чем состояла крамола, — она состояла в шпионаже и подготовке внезапного захвата вел. кн. Василия кн. Шемякой, т. е. в сообщении сведений.

Но, очевидно, Иван Старков делал это достаточно ловко и неудовимо, и его предательство осталось безнаказанным: позже, в начале княжения вел. кн. Ивана, мы видим его боярином. Тем не менее Старковым не удалось удержаться в боярской среде. Еще его старший сын, Александр, был дворецким у кн. Юрия Васильевича, но второй сын (Алексей) и все дальнейшее его потомство выбыли из боярской среды.

Необъясненным в летописях и непонятым образом в лагере кн. Дмитрия оказался один представитель исконного рода великокняжеских бояр — Михаил Федорович Сабуров. Так же необъяснимо он перешел на сторону великого князя и был амнистирован. Как известно, у Михаила Федоровича сыновей не было, а свои вотчины он отдал вел. кн. Марье. Затем, по Шереметевскому списку он, показан боярином и дворецким, умершим в 6972 [1463/64] г. Нет ли тут какой-то неточности? Есть основание думать, что за несколько лет до смерти он постригся в монастыре и, следовательно, отошел от общественной деятельности. Сопоставление этих фактов дает основание предполагать, что переход на сторону кн. Дмитрия прошел для него не даром. Может быть, в разгар борьбы он был амнистирован без условий, но позже ему пришлось искать заступничества у вел. кн. Марьи, отдать ей вотчины (не имея мужского потомства, он легко мог это сделать), а затем постричься.

Во всяком случае, эпизод с Михаилом Федоровичем не отразился на карьере его братьев и всего рода Сабуровых.

Чтобы подвести итоги всему предшествовавшему изложению, я сделаю обзор бояр и виднейших служилых людей по родам в промежутке времени с окончания смуты, т. е. за последнее десятилетие княжения Василия Темного, до наплыва новых родов, княжеских и некняжеских, при вел. кн. Иване, наплыва, связанного с падением независимости Ярославля, Новгорода и Твери.

Этот период намечается естественным образом. Как ни устойчива была общая линия поведения московских родов во время смуты, все-таки некоторые перестановки в составе родов и лиц произошли. С другой стороны, за последнюю четверть XV в. состав правящего боярства

быстро и настолько сильно изменяется, что в истории его начинается совершенно новый период.

Обзор боярства за этот период тем более необходим, что Шереметевский список думных чинов за первые пятнадцать лет княжения вел. кн. Ивана страдает большой неполнотой.

Для *Воронцовых-Вельяминовых* это время было временем ущерба. У Никиты Ивановича Воронцова было два сына, из которых младший, Тимофей, был убит под Можайском и не оставил потомства. Его старший брат, Иван, был боярином кн. Юрия Васильевича. У того же князя в то же время был боярином один представитель младшей ветви рода — Василий Федорович Вельяминов. Сын Василия, Иван Шадра, был пожалован в окольничие великого князя в 6984 [1475/76] г., и с него начинается возвышение Воронцовых-Вельяминовых в великокняжеской думе.

Неизменно высокое положение занимают *Акинфовичи*. После вероятного боярина Давида Ивановича Хромого в 6979 г. [1470/71] получает боярство его сын Федор. Вторая ветвь — Остеевы. После бояр второй четверти века Тимофея и Романа Александровичей Остеевых в думу попадают Андрей Романович Хруль и Андрей Тимофеевич Жулера. Из третьей ветви, Бутурлиных, в последнее десятилетие княжения Василия после Ивана Ивановича становится боярином его старший сын, Андрей, а позже, при вел. кн. Иване, вероятно, и младший сын — Никита. Наконец, из младшей ветви, Челяднинных, после Федора Михайловича с начала княжения Ивана выдвигается его старший сын, Петр.

Из другой ветви рода *Радиш*, Пушкиных, в середине XV в. выдвигается Федор Григорьевич Товарко, старший сын которого, Иван Ус, был видным деятелем и боярином первой половины княжения Ивана III.

Из рода *Кобылы* по-прежнему занимают высокое место представители младшей линии — Кошкины. Федор Брех и Захарий Иванович были боярами вел. кн. Василия Темного. При вел. кн. Иване попадают в думу два сына Захария — Яков в 6988 [1479/80] г. и Юрий в 6992 [1483/84] г. Со смертью в Суздальском бою боярина Андрея Федоровича Голтяева мужское потомство Ф. Голтяя пресеклось. Наконец, Константин Александрович Беззубцев, по-видимому, был боярином и, во всяком случае, очень видным воеводой третьей четверти XV в.

Из рода *Морозовых* боярами были Василий Михайлович Слепой и его сын Григорий Поплева (с 6984 [1475/76] г.), затем Василий Михайлович Шея, брат В. Слепого, и, вероятно, его сын Дмитрий Васильевич.

Какую должность занимал Борис Михайлович, неизвестно, но его сын, Иван Тучко, был в 6975 [1466/67] г. дворецким великого князя, а другой сын, Василий Тучко, получил боярство в 6988 [1479/80] г. Как

воевода заслуживает упоминания Иван Игнатьевич Глухой в 6976 [1467/68] г., а как видный деятель — Дмитрий Давидович, бывший в конце XV в. боярином вел. кн. Ивана Ивановича.

Из Филипповых-Морозовых во время усобицы выделился Семен со своими сыновьями. Его сыновья и позже, в 6976 [1467/68] г. отмечаются в летописях как участники Казанского похода, но ни Семен, ни его сыновья в думу, по-видимому, не попали (отмечу, что Иван Семенович Шуст был прапрадедом Ксении, матери царя Михаила Федоровича). В думу попадает Михаил Яковлевич Русалка, внук Константина Филимовича, который верно служил вел. кн. Василию, а при Иване III в 6973 [1464/65] г. стал дворецким.

Из рода *Бяконта* в боярской среде остаются только Плещеевы: Михаил Борисович и Андрей Федорович Сильного. Михаил Борисович умер в 6976 [1467/68] г., а за ним выходят на сцену его старшие сыновья: Андрей (окольничий с 6984 [1475/76] г.), а несколько позже Тимофей Юрло.

Род *Квашниных* опустился уже в первой четверти века, и в рассматриваемом периоде Квашнины сошли во вторые ряды. Так, Данила Родионович Жох служил боярином у вел. кн. Марьи.

Сыновья *Федора Сабур* продвигаются целой фалангой. Иван и Данила умерли, по-видимому, до усобицы. Михаил, несмотря на временный переход в 6954 [1445/46] г. на сторону кн. Шемяки, получил прощение и был боярином и дворецким. В 6973 [1464/65] г. получает боярство четвертый сын, Василий, а в 6986 [1477] г., пятый, Семен Пешек.

Большие изменения произошли в положении рода *Добрыньских-Белеутовых*. В первой четверти XV в. они занимали очень видное положение. Участие нескольких Константиновичей Добрыньских в усобице на стороне удельных князей привело к тому, что из девяти братьев в боярской среде удержался только Федор Симский, а также его единственный сын Василий Образец, очень видный воевода своего времени, получивший боярство в 6982 [1473/74] г.

Выход Белеутовых из числа думных людей великого князя не совсем ясен. Старший сын боярина Александра Белеута, Феодосий, отъехал в Литву. Его сыновья в середине столетия выехали обратно, но ни они, ни их потомство в думу не вернулись. Роман и Федор Александровичи при вел. кн. Василии были боярами, но их сыновья и потомки, как и потомство Феодосия, навсегда вышли из думской среды.

О старейшей ветви *Всеволожей*, представителем которой был Иван Дмитриевич, было сказано выше. В думской среде остаются только представители самой младшей ветви — Заболотские. Возможно, что их

родоначальнику Василию Ивановичу принадлежит подпись на первой духовной вел. кн. Василия Темного. Во всяком случае, его сын Григорий был боярином и дворецким вел., кн. Василия и его сына Ивана. В общем же после измены и опалы Ивана Дмитриевича Всеволожи теряют свое положение в боярской среде, и в XVI в. в думу попало только трое Заболотских.

Небольшое место занимают *Волынские*. Некоторое значение имело в этом то обстоятельство, что три старших представителя старшей ветви были убиты в Белевском бою. Из их братьев известен только Михаил Борисович как писец Костромы в 6973 [1464/65] г. В это время, т. е. в XV и в первой половине XVI в., описания поручались очень видным служилым людям, иногда окольными.

О выдвижении Кутузовых, Сорокоумовых-Глебовых и Нетши-Даниловых было сказано выше.

Новыми людьми в среде боярства были Ховрины. Выше были отмечены особенности карьеры *Ховриных-Головиных*. Все без исключения роды до них были прежде всего воинами и на военном поприще делали карьеру и составляли себе состояние.

Первый известный нам представитель рода Ховриных, Владимир Григорьевич, выступает на сцену как богатый гость, получивший боярство или в тот период, когда он впервые упоминается в источниках, или несколько позже. Затем он сам и его сыновья упоминаются в летописях неоднократно как строители каменных зданий и знатоки строительного дела. На этом поприще им пришлось близко познакомиться с Ермолиным, а потому мы можем доверять показанию Ермолинской летописи, что В. Г. Ховрин был гостем, «да и боярином» в 6958 [1449/50] г. Позже его боярство несомненно, хотя и не указано в Шереметевском списке. Его старший сын, Иван Голова, был крестником вел. кн. Ивана III и, наверное, боярином.

Единственный пример выдвижения представителя старого боярского рода удельных князей представляет Василий Иванович Китай Новосильцев. В Шереметевском списке он не показан, но в разрядах и летописях он упоминается с 6984 [1475/76] г. как боярин и лицо, выполнявшее очень важные поручения.

Старший сын кн. Юрия Патрикеевича, Василий, пережил своего отца ненадолго и умер в 1450 г. — по-видимому, в молодости. Его второй сын, Иван, был замечательным деятелем своего времени; с 6963 [1454/55] г., когда он был воеводой против татарина Оке, он служит почти столетия, до принудительного пострижения в 1499 г. В 6984 [1475/76] г. были пожалованы в бояре оба сына кн. Василия Юрьевича — Иван Булак и Данила Щеня.

Обзор боярских родов и состава думцев показывает, что перемены были гораздо меньшими, чем это можно было бы предположить, судя по продолжительности княжеской усобицы и крупным событиям этого бурного периода.

Выдвиженцем в собственном смысле слова можно назвать только одного Федора Басенка. Что касается Кутузовых, Сорокоумовых-Глебовых и Нетши-Даниловых, то это были старые роды. Ховрины выдвинулись вновь, но не на ратном поприще, а совсем другими путями. Новостью является появление в боярской среде князей *Оболенских*, но служить московским князьям они начали еще в XIV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

я

¹яПСРЛ, ягяX, ясх11тх

²яГИМ, яС, нодальноеяобрх, янхябт, ялх1ту-1т4х

¹яПСРЛ, ягяX, ясх1тх

²яАхЕхПресняковхОбразован, евел, корусскогогосударствах1гх1918, ясх157-158х

³яПСРЛ, ягяXVIII, ясх96х

⁴яГИМ, яСобрхУварова, янх157, ялх157х

⁵яПСРЛ, ягяVIII, ясх17х

¹яСГГ, Д, янх1, ялху, ясху7яД, ДГ, ялх, ясх1у]х

²яПСРЛ, ягяXVIII, ясх98-99х

³яГамяке, ягяXI, ясх65; ягяXV, я, здх, явыпх1, ястлбхбух

⁴яМ, ха, ляАлександров, чяпом, наетсяяв, нод, кяУспенскогояоборая (ДРВ, янхVI, ясх150)х

⁵яКонстант, нхИванов, чя-ябояр, нхнхВлад, м, раяАндреев, чаяхМосквеях осадех1408х

⁶яГяАхВласевыхРодядворянхВолынск, хх-яИРГО, явыпхV, ясх1т7-т01х

¹яПСРЛ, ягяV, янх1, явыпх, ясх188х

²яГИМ, яСобрхУварова, ялх9у, ялхгх

³яПСРЛ, ягяVIII, ястрхбт-бу; ярххVI, ясх1тух

⁴яИнтерполяц, ялхвашн, ныхх

⁵яГоякех

⁶яПСРЛ, ягяXXI, явтораяяполов, на, ясх140ух

⁷яПСРЛ, ягяXII, ясх17х

¹яГам жех

²яПСРЛ, ягяXII, ясх18х

³яГамяке, ягяXXIII, ясх147х

⁴яГамяке, сх148х

⁵яГамяке, ягяXII, ясх18х

⁶яРК, ясх17х